

О'Шагри

Уроды
В
ИНДИГО

До-IQ-ментальный триллер

Информ

Пермь • 2009

Это нежный по сути и дерзкий по форме роман из жизни безработных-пенсионеров и их друзей, наполненной волнительными ароматами загадочных приключений. Крепкий настой из и без того круто заваренных отношений главных героев отягощает появление нового таинственного персонажа...

Что можно сказать о данном произведении? Бутилировано со вкусом!

Книга создана в лучших традициях жанра детективного иронифа. Триллер-антистресс, антидепрессант.

Обладает ярко выраженным эффектом сокращения гладкой мускулатуры живота и челюстей. Подавляет фермент хандроксиназу, купирует образование тоскикотрофных шлаков, препятствует появлению синдрома плаксофилии и нытьёреза. Надежный блокатор X-похмеласутравиновых рецепторов. Спазмоскуло- и икоген.

В случае локального применения способствует ремиссии симптомов стабильного опупеоза.

Соблюдайте разумную дозировку при беременности и схватки гарантированы. Мужчинам после сорока рекомендуется ограничить употребление в связи с возникновением опасности пупковой грыжи.

Прием во время еды в общественных местах чреват непроизвольным выбросом недожеванной пищи (смехогортанный поперхоз).

При курении сохраняется риск глотательного рефлекса и задымления желудка.

Умеренное употребление допустимо и приветствуется Минздравом. Прием 3-4 раза в день натощак или после еды.

Противопоказаний и побочных эффектов не наблюдается.

Следуйте рекомендациям на упаковке и всё будет в порядке!

Спрашивайте в магазинах и книжных развалах.

Гриф секретности снят!

...ю! — на этой горестной мысли поймал себя Бодуненц, оказавшись в самой середине лужи.

— Молодой человек, — раздался женский голос.

— Вы мне? — спросил Савелий, озираясь по сторонам. Странно, но рядом никого не было.

— Вам, вам, — хихикнул голос.

— Ну не такой и молодой, — смущенно парировал Бодуненц, хотя в душе дагестанским коньячком разливалась щемящая теплота — до пенсии-то — рукой подать.

— Не поднимете вон ту сумочку у газона?

— Одну секунду!

Осталось только выбраться из этой противной лужи. Но как? Вперед или назад? А-а-а! Ноги всё равно безнадежно промочены. И Бодуненц на одних каблуках заковылял к газону. Затем, обогнув край лужи, он передал сумочку выбежавшей невесте откуда симпатичной девушке.

Та одарила Бодуненца незабываемым взглядом огромных глаз.

— Спасибо пребольшое! Оксана, — в награду она назвала свое имя.

— Оксана, Оксана, — повторял чудесное имя, как заклинание, Бодуненц по дороге на работу.

Люлипупенко фланировал по кромке тротуара. На его голове красовалась новенькая тубетейка с ленточками и надписью «Gold Man». В горле пересохло от скуки. Стоп! А кто это, кто это выбежал из третьего подъезда? Ба! Дружище Бодуненц. Вот так удача!

— Слушай, «девяносто-шестьдесят-девяносто» — не про твои мозги? — вкрадчиво прошептал Люлипупенко.

Мариша, жена Малярчука, пенсионера с седьмого этажа основательно заперла дверь снаружи на недавно установленный кодовый замок.

— Чтоб не выскочил, окаянный, — успокаивала она себя, спускаясь по лестнице.

Малярчук тем временем уныло уставился в телевизор, подобрав под себя ноги в шлепанцах. Безнадега. По ящику показывали передачу для первоклассников, но ему было всё равно. Да еще чевой-то теснила новая китайская пижама. Кошка Моня по обыкновению пристроилась на коленях. К тому же, жинка, как всегда, куда-то задевала пульт от телевизора. Ведь так спрячет, чага, ни за что не найдешь — полдня проищешь, и окажется где-нибудь под матрасом...

Жена Малярчука вышла из подъезда. На тротуаре некто Люлипупенко, словно стая цыганок, охаживал Бодуненца.

— Как здоровье? Мозги не давят на желудок? — продолжал Люлипупенко обработку соседа по дому.

И тот сдался:

— На полтинник, на работу тороплюсь... Ну вот, всё-таки опоздаю! — на этой горестной мысли поймал себя Савелий, оказавшись в самой середине лужи.

— Я — в баню, — так отреагировал Никеш на появление Бодуненца в проеме лифта.

Кроме Никеша в лифте также был Лева Смолянский.

— Я — в баню, — затравленно повторил Никеш.

— Паровозного тебе пару! — искренне пожелал Лева. — Но сначала мне наверх.

— Я — в баню, — снова пробормотал Никеш и призадумался. — А зачем?..

— Не успею, — удручился Бодуненц и выпрыгнул из лифта, а затем бросился по ступенькам лестницы бегом вниз, где его случайно и встретил почти у самого подъезда Люлипупенко.

8⁰⁰

Оперативка началась ровно в 8.00.00. Их Величество оглядели ряды своего плебса.

— А где Бодунцы? — взвизгнули Они верхним фа Витаса.

— Не могу знать, — вытянулся мастер Проктер (*мастер Прохоров, есть еще фрезеровщик Прокопчиков — не путать, прим. автора*).

— Так найти! Не-мед-ля!! — и Они кинули в Проктера пачкой мобильных.

— Слушь-сь!

— Немедля! — затопали ножками Их Величество.

Но не успел мастер схватить телефоны, как в кабинет на всех парах ворвался Бодуненц.

— Простите, Александр Леонхардович, кажется, опоздал немного, — холодея, выдохнул он.

Директор лица Александр Леонхардович Кольцов щелкнул секундомером:

— Ты у своих товарищей прощенья проси, не у меня! Их драгоценное время потратил. О, да это просто рекорд опоздания — девять целых и пятьдесят четыре сотых. Для плавания «топориком» — олимпийский рекорд!

И затем рывкнул:

— Ты опоздал на девять пятьдесят четыре — как это... Пони... мать! И сие пример для учащихся, наилучший пример!

Бодуненц сжался в комок.

— В России есть две главные беды...

— Бодунцы и дороги! — хором проскандировали Проктер энд Гембл (мастер Прохоров и его подмастерье Глеб), упрямая мысль Их Величества.

— Всё так, — одобряюще кивнули Они.

Следующие «полчасы» Их Величество запекали проклятия в адрес Бодуненца. А затем надолго успокоились — день прожит не зря.

Люлипупенко, честно заработавший своей харизмой полсотни, тотчас направился к киоску «Диана».

У входа уже толпился Вадик Дулепистый.

— Привет, соседос!

— Здорово, Арни. Баки е?

— Вот, родимые, — помахал синенькой бумажкой Люлипупенко.

— Да ты, смотрю, олигарх!

— Не без того.

— Как всегда лангет и омары? Или что-нибудь позаковыристей? Скажем, по маленькой?

— Склоняюсь к последнему.

Лева Смолянский шел с ночного дежурства. Домой. В лифте к нему запрыгнул Никеш и попытался изменить маршрут, а потом Бодуненц, но безрезультатно — удалось отвалить. Всё. Скорее спать. Перед тем на улице он встретил скучающего Люлипупенко, а еще ранее — Витька-Гагулька — в одиночестве терся у газона.

— Ты ничего на работе не забыл? — ощерился Витёк.

— Да, вроде, нет.

— А на ногах?

Лева и не заметил, как по ходу не снял с ног синие пластиковые бахилы.

— С тебя десятка! За образ, — рубанул Гагулёк.

— Ща, разбежался!

Дело в том, что у Никеша затевался крутой евроремонт. Еще полгода назад. И закончился недавно. Почти. Никеш до сих пор от краски не отмылся. Сами понимаете, в баню сходить, особенно, когда нет горячей воды, да что греха таить, и холодной — святое, святее не бывает. Вернее, бывает — встреча с друзьями. Но не в этот раз.

Шуран Кисельков вышел к первой полупаре в гунитет. Затрусил по двору до остановки. Вот Люлипупенко, деловито мусолящий полтинник. Вот стоящий у газона Витёк-Гагулек. Вот жена Малярчука, спешащая в булочную. Вот ускользящая доплеровским эффектом спина Бодуненца... Оппаньки! Прямо в лужу! Финиш! Приплыли! А плавать-то мы не умеем. Вот Никеш, чешет тело в раздумьях: мыть или не мыть? Почти как у шекспировского Гамлета. Вот Музян, сидит на лавке прямо по курсу.

— Не Шуран ли Кисельков? — поднял брови Молик.

— Он. В первоестественном состоянии.

— Привет, студёный. Степаныча дают?

— Здравовась, коль, не шутите. Пока дают.

— Ну, садись. В ногах зачётки нет. Рассказывай, как до жизни такой докатился.

— А че рассказывать? Всё как у всех. Экзамены-переэкзамены. Зачеты-перезачеты. Долги-передолги.

— И у меня. Видишь, от корешей за кустом прячусь. Дай сорок блей.

— Только сотня, — порывшись в карманах, сообщил Кисельков. — Остатки стипы.

— Экспроприрую. Буду должен. Пора.

8⁴⁰

Бодуненц решил, что после столь горячей оперативки вполне можно подсушить промокшие ботинки и носки.

Носки он аккуратно разместил на включенном электро-чайнике, а ботинки развесил на циркуле, установив его перед обогревателем. Раз Бодуненц преподавал в лицее начертательную геометрию, то такого добра как циркули и транспортиры у него было, хоть ложкой ешь.

Вошли мастер Прохоров с подмастерьем Глебом.

Проктер энд Гембл вальяжно спросили:

— Послушай, геометр. Нарисовал?.. О, аппетитный бутылек!

Понюхали — на спирту. Бодуненц не успел моргнуть глазом — глотнули.

— Крепкая штучка. Экстази! Что это?

— Японская тушь.

— Да ну? Хорошо упала!

И мастера ушли, забыв зачем приходили.

Люлипупенко и Вадик завалились в киоск. В винный отдел. Пока было затишье.

— Светики-приветики! Нам, как обычно, чеканку.

— Друзья, — нарисовался непонятно откуда взявшийся Витёк-Гагулек, — две!

— Тебя каким ветром надуло?

— Давно во дворе стою, друзей караулю.

— А вчера?

— Вчера еще был на сборах.

— Музяна не видел?

— Сховался где-то, чемодан.

— А вот и нет, — гоготнул во всю физиономию обьявившийся Музян. — С меня роса — в счет долга.

Намечалась славная утренняя вечеринка...

Никеш решил: «Всё-таки в баню». Спина чешется, спасу нет. Но сперва в чипок за «веником для души».

На входе он столкнулся нос к носу со всей гоп-компанией.

— Я — в баню, — отреагировал Никеш мгновенно.

— А если?..

— Не сегодня. В смысле, не сейчас. Сейчас надо побыть наедине с паром.

— Смотри, мыло хозяйское.

8⁴⁵

Позвонила секретарь Их Величества Люси.

— Господин Бодуненц, срочно зайдите к Александру Леонхардовичу! Срочно!

— Вот те на! В чем же я пойду? Носки еще сырые. Будь, что будет! Одну на босу ногу.

И Бодуненц снял с циркуля полусырые ботинки.

Малярчук тем временем вспоминал, за что ему такое наказание. Было всё так. Как всегда...

Всева Малярчук не спеша вышел из подъезда.

— Пойдем, промокнем горлышко, — восторженно замурлыкал Музян, известный в определенных кругах забулдыга в первом поколении.

— Ну что, архаровцы, заждались, затомились? — распростер объятия Всева-Всевышний.

— Еще бы, — сверкнул глазами Арнольд.

Собралась вся братва: Шуран Кисельков, Саша Квартет, Арнольд Люлипупенко, Лева Смолянский, старый пензер Малярчук, «капельмейстер» Музян. В общем, полный флэшмоб или мобфлэш, одним словом.

После третьего стакана Малярчук сунул руку в карман, чтобы достать носовой платок и по традиции звучно высморкаться. Но платок выскользнул из ладони и стал падать прямо в грязь. Всева норовил подхватить его на лету, но тщетно. Зато в спине что-то хрустнуло.

— Ой, поясница, — застонал Малярчук и закаменел прямо на глазах изумленных соратников: ни взад, ни вперед.

— Ты что удумал, симулянт? На тебе еще воду возить и возить.

— Ребяты, не бросайте меня. Ребяты! — заскулил Всева.

— Не кипишуйся, кореш! Пацаны, докинем его до хаты, пусть, отлежится малость, — объявил Квартет.

И Малярчука понесли, как чучело медведя, на спине у Сашка.

— Тяжелый, гад! Вишь, как отъелся, — сопели мужики.

Лифт, как назло, не работал. Матерясь на чем свет стоит и задевая темно-синим малярчуковским драпом побеленные стены, ребята кое-как доставили Всева на седьмой этаж.

Доползли, впрочем, не все. По дороге потеряли Люлипупенко между четвертым и шестым этажом. Да и на фиг он нужен — только мешался под ногами.

У дверей квартиры Малярчук прекратил стонать и стал лихорадочно озираться по сторонам.

— Мужики, это же не моя квартира, не мой дом!

— Окстись, сердешный, ты ж из него вышел.

— Это я от свояка иду.

— Ты что, сом моржовый, чем раньше думал!

— Был в отключке.

— Бросай его и всё! — взревел Лева.

И тут Малярчук начал гнусно всех шантажировать. Вкрадчиво так:

— Шуран, ты, поди, не помнишь, как я тебя жинке на на прошлой неделе не сдал. А тебя, Квартет, от мусорков спас. Левик, а ты мне пузырь должен. А ты, Арно — два. Музьян, а я знаю, где ты заначки прячешь.

Что ж, придется транспортировать этого сома в соседний дом. Лифт там тоже, естественно, не фурычил.

Но по дороге подобрали Люлипупенко — вздремнул за мусоропроводом.

— На себе больше не поташу, — отрезал Квартет.

— А, давайте, его, как сайгака, на вертеле отфугуем! — хлопнул себя по лбу Кисельков.

— Точно! Вон, у Митяя-дворника и метла за дверью припрятана.

Продели древко сквозь пальто на груди и потащили дальше. Малярчук сверху. Как бы отдыхает. Ягуаром. Мордой, то бишь физией вниз. Сначала вроде ничего. Всева даже всхрапнул на помеле, прижавшись к нему щекой. Но через пролет груз развернуло на сто восемьдесят градусов, и Батумыч брякнулся башкой о бетон.

Переладили метлу на спину. Руки засунули в карманы, чтобы не свешивались. Опять ноги по полу волочатся! Какие-нибудь тесемки бы. Достали из Левиных ботинок шнурки. Привязали ими Всеву за ступни и кисти. Вот теперь надежно!.. Но. Но всё одно, тяжело.

Несколько раз уронили ношу, и радости не было конца: получай по заслугам, хлопец!

После третьего марша Шура остановил ватагу:

— Так дело не пойдет, Всева головой о ступеньки запинается. Шляпа всё время слетает. Еще простудится, не к нам сказано. Нужны какие-то новации.

Парни наморщили лбы.

— Есть одна идеяка, — поцокал языком Музын. — Помню, у нас в разведке пленных на черенке лопаты носили «чемоданчиком», продев шанцевый инструмент между коленных сгибов и шеей. Никакие завязки не нужны. И голова при теле.

— Это как?

— Покажу в динамике. А ну, садите Батумыча на ступеньку. Колени пошире.

— Приехали что ли? — приподнял веки Всева.

— Ага, почти. Посмотри-ка, что у тебя там между

ног болтается, — скомандовал Молик.

— Где? — выкатил глазенки Малярчук.

— Где-где? В Улан-Уде. Ниже голову. Цоп! Ну вот, всё и готово, — с этими словами Музян споро продел черенок сквозь Малярчука. Нанизал, как курицу-гриль, на шампур.

— Ловко замучено, ничего не скажешь, — пробасил Смолянский.

— Потерпи чуток, скоро дома будем, — успокоили Всеву пацаны и дружно покантовали дальше.

С шестого этажа между тем какая-то братва спускала вниз диван: то ли ворюги квартиру обнесли, то ли кто из местных переезжал. Между пятым и шестым этажом обе процессии встретились.

— Кыш с дороги! — начал метать икру здоровенный детина, таранивший переднюю часть дивана.

— Фильтруй базар, баклан! — злобно зыркнул Саша Квартет. — С авторитетом имеешь дело.

Детина в замешательстве оглянулся на мелкого.

— Для нас главный авторитет — это тот, кто платит! — оскалил зубы мелкий. — А ну, дорогу, олени!

— Сам ты козерог, — поперхнулся от обиды Лева. — Вперед, мужики!

Та и другая тусовка поперла навстречу друг другу.

Наши опомнились только у чердачного люка.

— Откуда диван? — задал закономерный вопрос Шуран, обращаясь к Квартету.

Сашок недоуменно пожал плечами:

— Сам ума не приложу.

— Вставай, давай! Че отлыниваешь, сачок, — это он Левику, который, оказалось, прикорнул калачиком на мягком.

— А где старый хмырькуале Малярчук?

Выяснилось — уже на улице. Те самые грузчики отбуксировали его вместо дивана из подъезда к машине.

Дама, которая переезжала, обалдело захлопала ресницами:

— Вы кого, алкаши, мне сватаете? Что за фуфло?

— Как что? Диван, как договаривались, — обиделся рослый детина.

— Где ты видел, чтобы у дивана была драповая обивка? Кроме того, с такой пролысиной, — больно ткнула она ногтем в Малярчуковское темя. — А я покупала неделю назад новый. На что намекаете, пошляки? Что на этой этой плешивой скрюченной развалине можно спать?!

Грузчики стали непонимающе переругиваться матерками: «Че вяжется не по делу?»

И тут объявляются наши бухойды с мебелью.

Хошь-не хошь, пришлось делать ченч. Диван на Батумыча. Чего только не происходит на почве алкогольного угара!

Ну, наконец, всё. Край. Вот он заветный седьмой этаж. Малярчука так укачало, что он видел третьи сны...

Дверь открыла какая-то дама (жена, вроде, другая была, хотя... не поймешь их в боевой размалевке).

— Женщина, примите супруга законного свово.

— Мой супруг на кухне.

— Галя, кто там? — раздался в глубине квартиры густой баритон.

— Шут их знает, алкаши какие-то.

— Малярчуки?

— Здесь такие не водятся.

— Сотая квартира?

— Нет, сто восьмая.

Перебор. Зря старались.

— Это ты, арифметик, считаешь только до шести, — цыкнул на Музына Левик.

— Еще два этажа вниз? Да лучше бросить его тут.

— Женщина, мы его вам оставим, а уж вы разбирай-

тес с ним, как хотите.

— А я сейчас мужа позову.

— Не надо мужа. Вот мужа — не надо! — догадались други и поволокли Малярчука вниз. Легче, как-никак.

— Стоп! — крикнул Малярчук, чуть-чуть приоткрыв один глаз. — Моя дверь, приехали.

Прислонили задремавшего Всеву к дверному косяку.

— Ключ? — замычал Батумыч и ткнул пальцем на карман.

Вынули ключ.

— Тут уж я сам.

Он взял его и вставил в замочную скважину. По-барски махнул рукой. Мол, свободны, люмпены.

— С тебя поляна! — метнул глазами молнию Квартет.

— Само собой.

Чертыхаясь на чем свет стоит, пацаны побрели во двор. Сорвал, стервец, общественное мероприятие...

Замок, однако, не открывался...

На следующий день Малярчук объявился во дворе с многочисленными пластырями на лице — «кошка Моня». Потом сознался. Оказалось, пока он шебуршал ключом в замке, выбежала с визгом какая-то деваха. Сначала исцарапала всего, а затем до кучи облила ведром воды.

Всё-таки перепутал, сомец, с бодуна квартиру.

В первый-то раз правильно домахнули — родимую дверь не опознал. Потому как пешком он никогда домой не ходил. А с лифта и с лестницы — разные ракурсы.

8⁴⁷

Бодуненц поплелся к директору лицея в одних штиблетах без носков.

— Что ему еще надо? — лихорадочно соображал он.

Поскольку Бодуненц донашивал за сыном-семиклассником брюки, то белые щиколотки предательски торчали из ботинок.

Их Величество, обычно снисходящее только до мимолетного взгляда, в этот раз критически осмотрели Савелия с ног до головы:

— Одни без носок ходят, другие в ответ пупок загибают (имелось в виду лицеистки). Полный компресс! И мы еще боремся за звание лучшего лица города!

— Простите, забыл дома. Второпях.

— Ты в следующий раз голову не оставь! Второпях! — проворчало Их Величество. — К слову, начертил фланец? А то послал к тебе мсье Прохорова с Глебом. Где пропали? Ни чертежа, ни Прохорова, ни Глеба! Случаем, не заходили?

— Были, но ушли.

Вся компания собралась под грибком. Люлипупенко засуетился:

— Где же я сырка «Хохланда» плавленную пластинку в кармане затерял. Это, конечно, не то что легендарная «Волна», но... (сейчас, между прочим, песня в моде, стал быть, про тот легендарный сыр: «... "Волна", новая "Волна" — скоро подо мной будет вся страна!»). Ох ты, еще десятка и пятак. На пиво. Отпад! Откуда?

Люлипупенко наморщил брови:

— Вот те на! Совсем забыл, а ведь я сегодня с семи тут манстырюсь. Жена выгнала. Столкнула с кровати. Хотя нет, впрочем. С кровати — это позавчера. Вчера я на коврик у порога ночевал. Хотя нет, это позапозавчера, но в общем тамбуре. Сегодня на лестничной площадке под распределительным щитком. «Вечно, — говорит, — это полено (из него, с ее слов, "мой прадед Буратино делан") под ногами мешается».

И еще иногда добавляет: «Соседи пойдут — запнут-ся. Иди, досыпай во дворе».

Но какой тут сон на теннисном столе. Вот с семи и

гуляю, воздухом дышу. И тут...

Вдруг, откуда ни возьмись, нарисовалась тусовка: человек семь молодняка — две девахи и пятеро парней. Одна из девиц стала что-то зловеще нашептывать своим кавалерам:

— ...вон к этому мужику, я его знаю, он каждое утро и вечер в одном и том же месте торчит.

Вся компания стремительно двинулась в сторону Арнольда.

Люлипупенко приготовился решительно дать отмашку (в смысле, сделать ноги).

От тусовки отделилась та самая деваха и подскочила к Арнольду. Вблизи оказалась — симпатная блондинка.

— Мужчина, можно вам маленький, но ответственный поручений?

— Если маленький — червонец, большой — столярник, — ответил заметно похрабrevший Арнольд.

— Да нет, маленький. Если вечером к вам такая же компания пристанет...

— Отстреливаться? До последнего патрона?

— Нет. Передайте, вот эту записку.

— И что за приколы?

— Игра такая. «Ночной дозор» называется. По-нашенски «Encounter». Поиск ночью. Квест, одним словом.

— А что в записке? Вдруг там шифровка какая «Алекс — Юстасу» или еще того хуже.

— Смотрите. Ничего криминального нет.

Она развернула свернутый вчетверо листок. На нем коряво так было написано: «Следующий кусок карты в мусорных баках у автовокзала».

— Это шутка такая? Ниче себе заданье! Пока найдешь ее там ночью... И что есть желающие? Я лучше черную кошку найду в темной комнате или в стоге сена.

— Надеемся, не найдут, хотя... Предыдущую в Каме спрятали на дне — нашли. А до того на телевышке...

— Вот почему всё время по телевизору надпись была «По техническим причинам передачи временно прекращены», — догадался Люлипупенко. Даже жена обратно в квартиру пригласила каналы настроить.

— А еще ранее в машине инкассаторской «Росинкас».

— В газетах потом писали: «Группа дерзких преступников совершила ночное разбойное нападение на сбербанковский броневик. Странно то, что все купюры оказались на месте (естественно, кроме тех, которые под шумок разобрала охрана), но всё перевернуто вверх дном», — вспомнил Арнольд пересказ прессы в изложении Шуры Киселькова.

— Издержки игры.

— Не! Я рисковать за просто так не стану.

— Как вы сказали: «за просто так»?! А если десять рэ?

— За десять блей я даже руку из кармана не выну!

— Сколько?

Люлипупенко испытующе посмотрел на глазастую дозорную.

— Пять... Черт с вами! ...надцать...

Вот откуда фантики на пиво.

8⁵⁴

Секретарша Люси полировала ногти. Пришатались Проктер энд Гембл.

— Сами здесь?

— Здесь. Но у него делегация. Ждали вас, искали. Сейчас придется подождать.

Увидели лак для ногтей.

— На спирту, — констатировал Гембл.

И всё! Нету лака. Вслед за лаком исчезли и мастера.

Кисельков ловко запрыгнул на подножку трамвая.

— Проездной, — помахал он распечатанной на струй-

ном принтере и аккуратно заламинированной бумажкой.

— Шут с тобой, — сделала утвердительный вид кондукторша, в прошлом сметчица проектного института. У самой сын кондыбасился в сельхозе. — Все ваши уловки знаю!

В вагоне трамвая было не продохнуть. Абсолютное большинство — студенты. Половина спала, кто на сиденьях, кто, повиснув на поручнях. А кто на коленях таких же заснувших пассажиров. Причем, многие с раскрытыми конспектами лекций. «Сон за книгой — лучший отдых» — висел когда-то плакат на дверях читального зала университетской библиотеки.

После остановки «Драмтеатр» на пустое место рядом с Кисельковым плюхнулся подозрительный мужик. Из его сумки торчали рыбы хвосты.

— Не кусаются? — спросил Шура.

— Замороженные — нет, а так — да.

— Что за запах такой? — крикнула кондукторша из дальнего конца вагона. — Кто тут рыбу тухлую везет?

Все посмотрели на Киселькова, потому как попутчик с рыбой выскочил на предыдущей остановке.

— Че все на меня смотрите? Я окромя одной тетрадки и ручки ничего не везу!

— А куртка и брюки, смотри? Всё в слизи!

— Спелеолог он — вот и вывозился в пещере, поди, в рыбьей икре, — раздался чей-то знакомый голос.

— А ну, соплеолог, вываливайся из общественного транспорта, пока я тебе не помог, — взъерился клыкастый детина, приобнявший кралю с филфака.

Пришлось Шурану выпрыгивать почти на ходу и продолжать свой путь пешком. Дворами. До вуза.

Лева Смолянский завалился спать. Был на ночном дежурстве. Глаз некогда сомкнуть. На работе всё время

приходилось бороться со сном. Медицинским спиртом — перорально. И луком — наружно: веки натирать.

Но сильно покемарить не удалось. Кто-то «давайдолбитьстену» — не иначе на первом этаже опять офис делают, и «тю-тю-тю, тю-тю-тю», — заливался перфоратор.

Лева закрылся подушками. Тремя. На каждое ухо. Один черт, всё трясется. Будто в бричке по кочкам. А если подушки под ножки дивана? Не помогает. Главное, и с дивана-то от вибрации сползаешь. Как на океанском лайнере. Придется примотать себя телефонным шнуром. Словом, днем — это не сон, а сплошное мучение... Сползать перестал, но легче от этого не стало. Трясти продолжает. Не дают, вампиры, спать!

— Натюрлих, раз вы — так, мы — так!

И Лева, схватив отвертку, бросился к силовому щитку в подъезде.

— Устрою-ка я вам короткое замыкание.

Таким же образом поступал их электрик дядя Жора, когда медперсонал лишал его законной радости — двухсот миллилитров спирта. А что операция идет или аппарат искусственной почки отрубится, или бор в зубе пациента застрянет, его это не волнует — он свои права знает. И всё тут!

Пробки повывлетали моментально — во всем подъезде. А вместе с ними отключился и автомат-распределитель.

— Мама! — раздался чей-то дикий рев в лифте.

Какие-то тупицы оказались в западне.

— От, зажигалки конопатые! Поделом вам! Не фиг от школы или вуза отлынивать. Посидите, посидите, клуши, в темноте, тогда оцените преимущества урока або лекции.

Ну вот, порядок — часа два можно спокойно вздремнуть. Да даже дольше! Пока там электрика дозовешься, в смысле, разбудишь, и все три-четыре, а то и пять.

Никеш подошел к бане. На фонарном столбе висел красочный рекламный щит, на котором метровыми буквами было выведено «Мужики, скорее в баню!». Ниже — старое объявление от руки «Вновь открыто женское отделение».

— Интересно. Связанные события или нет?

Оказалось, связанные: в фойе уже выстроилась змейка из «оголодавших» мужичков. Давно такой очереди не наблюдал: со времен дефолта — в обменники.

— Кто крайний?

— За мной еще трое занимали — убежали за пивом и конфетами.

— Придется прибегнуть к помощи Митяя, банного дворника, — осенило Никеша.

Для этого и мелочишка в кармане найдется — много не берет, чай, не депутатское лобби. К тому же, Митяй из-под полы березовые веники продавал недорого (но, сдается, списанные метлы).

— Проведу. Черным ходом. Через кабинет директора, — пообещал Митяй.

— Кстати, у тебя знакомых много? Тут охранник просил большой цветной монитор подешовле. У него простой — черно-белый. Качество не ахти. Видеокамеры-то в каждой парилке установлены. Очень нужно! Частенько подключается к интернету. На популярный сайт качивает свои опусы. Будешь в доле.

— Надо покумекать. Думаю, помогу...

По дороге Никеш встретил слесаря дядю Петю Мавлюгаева. Тот шел с работы неуверенной походкой. Нехорошая примета. Действительно, стоило намылиться — вода закончилась и, похоже, навсегда (в смысле до следующего дежурства дяди Пети).

Хотя... как знать? И не его это вина, а ловчил типа Люлипупенко энд компани — в очередной раз латунный

вентиль сперли? В том году из-за этого весь дом зимой без тепла остался.

Пока искал, где краны отворачиваются, очутился в женском отделении.

...Вдруг раздался страшный визг. И на Никеша со всех сторон обрушились хлесткие удары мочалками и волны кипятка из тазиков. Кроме того, поливали какой-то контрафактной парфюмерией и шампунями.

Затем всё стихло (когда смыло мыльную пену). Никеш приоткрыл сначала один, потом второй глаз. Оказалось, он стоял в центре «женской сборной». Коллективный заплыв всей конторой. Нью-корпоратив.

— Мужчина, вы бы хоть тазиком прикрылись для приличия, — фыкнула одна.

— А может это стриптизер? Девки! Никто не приглашал?

— Да тут и смотреть-то не на что, — разочарованно выгнула спину вторая. — Пусть глаза закроет и отчаливает туда, откуда приплыл.

Уже ровно неделя, как Батумыч исчез. После столь длительного отсутствия Малярчука, успокоившись и забыв прежние обиды, ребята задались вопросом, что же с ним, горемычным, приключилось?

И вот им, вернее, Смолянскому «повезло»: на пороге подъезда появилась Всевина супруга с хозяйственной сумкой.

— Где наш дражайший муженек? — елеинным голосом спросил Лева.

— Что? И ваш тоже? — съязвила женщина.

— Это я, стал быть, фигурально, — осклабился Смолянский. — Так, где ваш муж?

Жена Малярчука зло бросила:

— Умер. Для вас! И не семафорь тут!

Эта весть так сразила Леву, что он не нашел ничего лучшего, как войти в глухой штопор...

А вдруг неправда? Но ближе к обеду встретил соседа Малярчука, почти непьющего Василия Демьяновича.

— Всю ночь стонал, бедолага, за стенкой, — припомнил тот воскресенье недельной давности. — Не иначе агония наступала. А че? Его жинке ничего не стоит и втихаря схоронить — он у нее уж третий.

От этих слов в душе Левы похолодело. И он аллюром бросился в чипок за горючим. За упокой души — прекрасный повод собраться.

Но нет худа без добра. На следующий день Полина (начальница над Дулепистым в тресте) попросила Вадика за отгул антенну уличную приладить, а заодно и краны в кухне подвинтить.

Дулепистый взял нехитрый инструмент. Сначала, пока светло, стал настраивать антенну. Сел на перекладину ограждения и случайно заглянул в соседнюю лоджию. Там в глубине (жена приказала не высовываться), как ни в чем не бывало, дымил «воскресший» Малярчук! Увидев его, Вадик чуть не сыграл с двадцатиметровой высоты на тротуар.

— Ты?!

— Я. Жена отобрала ключи, а с седьмого этажа — не с твоего второго, вниз не сиганешь.

— А мы уж по тебе поминки справили... Вчера. Торжественно. Всея компанией.

При словах о застолье Малярчука прямо перекосило.

— Вадя, — страстно зашептал он, — давай, вжахнем по маленькой, душа горит — туши свечи!

— Тип-топ. Спускаюсь к себе, принесу стопарик.

И принес.

— Давай еще!

— Несу.

— А закусь?! — обнаглел в корягу Малярчук.

Пришлось тащить ему из своей квартиры сначала маринованные огурцы, потом отпечатывать шпроты, потом еще колбаски нарезать. Но тому всё было мало.

— А начхать на него! Довинчу краны и уйду.

— Вадя, Вадечка, Вадянчик! — зывал к совести Дулепистого пенсионер.

Но тот притаился в глубине квартиры, точнее, на кухне.

Кончилось тем, что Малярчук не вынес тяжести ожидания и решил перебраться в квартиру рядом. К Вадику. Встал на табурет. Потом, держась руками за скользкие стены, покрытые мелкой керамической плиткой, осторожно поставил ногу на парапет, а затем попытался ее перекинуть на примыкающую лоджию. Но там точки опоры не было. Ступня провалилась вниз. При этом Всева потерял шлепанец, который спланировал прямо на асфальт.

Малярчук оседлал перила: одна рука и нога с одной стороны, другие — с другой. Шимпанзе, да и только! Корпус снаружи висит прямо над тротуаром. И обратно-то не вернешься — табуретка опрокинулась и куда-то завалилась, ногой (да при его росте!) не нащупать.

— Сейчас упаду, держите меня! — благим матом завопил Малярчук, обняв перегородку.

А она скользкая, собака, отделана кафелем.

Вадик услышал нечеловеческий вой и выскочил из кухни. Видя положение дел, он заметался в ужасе: «За руку не вытянешь, тяжел, сомяка, сорвется вниз и с собой утащит. Вместе превратимся в блины с икрой!»

— Подожди, браток! Потерпи чуть-чуть! — зарыдал Дулепистый — всё ж таки жалко старика.

— Что же делать? Что? А? А если скотчем? — и Вадик ринулся к ящику с инструментом (скотчем-то он антенну приматывал и краны заодно). Отличная идея!

Дулепистый прилепил к кафелю левую ладонь Бату-ча. Слабо! Затем щиколотку левой ноги. Не-на-деж-но!

— Геморрой, — простонал Малярчук, онемевший от

сидения сразу на двух перилах. — Подвяжи че-нидь!

Дулепистый на всё тот же скотч прищандорил сковородку к ягодицам.

— Теперь, голова! Голова отваливается!

Надо отметить, что на всей голове Батумыча была только одна достопримечательность: кустистые брови.

— Это у меня усы. Мозговые, — гордо трубил он...

— Твои мозговые усы и влекут тебя вниз. Давай сбреем! — в шутку предложил Вадик.

— Не, то сковородь слишком тяжелая — перевешивает, — испугался за свое сокровище Малярчук.

Дулепистый и голову закрепил за шею скотчем к кафелю, да так, что нос приплюснуло к торцу перегородки.

Только Вадик сел передохнуть, как на голову Всеве приземлилась оса, а ос тот панически боялся с детства.

— Лучше застрели меня сразу! За что мне такие мухи? — запричитал Батумыч.

— А не надо было шпроты есть, садюга.

Пока оса делала прицельные виражи над парализованным от страха Малярчуком, Вадик обвязал его бельевой веревкой в несколько витков. И дернул так, что тот кубарем перекатился на лоджию соседки, потеряв при этом и второй шлепанец. Пижаму пришлось после простирнуть капитально. С тех пор, видать, у него и энурез.

Дальше всё развивалось следующим образом: ребята спустились к Ваде домой и засели за воскрешение...

Зашла жена с подругой домой — Малярчука нет.

Она на балкон. Смотрит: на тротуаре тапочки мужа! Она в рев. С ней приступ. Вызвали «скорую». Откачали. Обзвонили всё, что можно и нельзя — нигде нет. Ночью слышит в дверь: «тыр-тыр». Перепугалась: рэкетиры? Нет. Малярчук в мокрой застиранной пижаме в дупель.

— Всё. Теперь ты под домашним арестом пожизненно.

Вдобавок, законопатила дверь на лоджию. Одна форточка на кухне — но через нее с комплекцией Батумыча — ну никак не просочишься!

Бодуненц взялся за карандаш. Носки на чайнике почти высохли. Скрипнула дверь. Вбежал коллега-физик. Савелий еле успел сбросить их в верхний ящик стола.

— Что за ядреный запах, Савик? Чай что ли заваривал? — пискнул физик и схватил чайник.

— И минут через пяток получите кипяток, — пропел он. — Точно, горячий!

Плеснул себе в чашку.

— Че за чай? «Цейлонский»? «Ахмад»? С бергамотом? Аромат — очуметь!

Как ему объяснить, что носки сушил — не поймет еще.

Тут к Бодуненцу снова входят мастера — по второму кругу. Рыскают, но ничего с градусом нет.

— А! Мы тут уже были.

— Насморк замучал — совсем не чую запах спирта, — пожаловался Проктер. — А ты, Глеб?

— Я тоже. Простудились где-то. В вентиляторной, кажись, продуло.

— Плохо. Надо ноздри прочистить. Чем-нибудь сухим.

— Есть у тебя тряпка чистая от насморка — струей льет? — озабоченно спросили мастера, открывая ящички стола Савелия. Всё перерыли и в самом верхнем обнаружили почти высохшие на чайнике носки.

Понюхали. Вроде чистые.

— Ты в нос их. Буравчиком, — сказал Гембл. — Тебе один носок. Мне — второй. «Нос носком вышибают».

Вкрутили в ноздри по носку и ушли. Надолго ли?

Ребята засели под грибком. Пока детей на улице не было: кто в садике, кто в школе, кто просто спит. Далее события развивались по стандартному сценарию.

После двух бутылок начался обычный пьяный треп.

— Ты видел на солдатских погонах символы «РА».

— Ну да.

— А что обозначают, знаешь?

— «Российская армия».

— Не-а! «Рома Абрамович». Видать, скупил нашу армию на корню, а до того «Челси», — икнул Арнольд.

— А я слышал, в Одессе Дерибасовскую улицу переименовали в Дерипасковскую.

— Значит, много отбашлял одесситам.

— Ага, за юмор.

— Сей товар дорогого стоит.

Тема про олигархов была особенно популярна в компании Люлипупенко.

— И было у Билла три сына, — громогласно заявил Арнольд, имея в виду наследников Билла Гейтса.

— За что пить будемо, россияне?

— За наследство.

— В ответ на мемуары Гитлера «Майн кампф» Билл Клинтон написал свои остросюжетно эротические «Май кайф». Соавтор — Моника Левински...

Братва допила остальное и отключилась по домам Ненадолго. Кроме Люлипупенко. Тот пошел отдыхать на свое привычное место — стол для пинг-понга.

— Мама! — завопила Лика Вермилина в лифте.

К ней тут же дуэтом в терцию присоединилась Лара Жихина. Вот она — страсть к сладкой жизни! Нет, чтоб со второго этажа пройти пешком до выхода из подъезда. Так забежали снова в лифт — комфорта захотелось. Ветерка. А сейчас сиди-бди, когда включают. Только в первый раз застряли минут на пять. Намотать бы на ус. Думали, в одну и ту же воронку два раза снаряд не падает. Ошиблись. Падает и всегда маслом вниз. Ну теперь не жди от доцента Моповой ничего хорошего за опоздание.

Перенесемся с осеннего утреника на полгода ранее. Только что закончились выборы. Бывший завсегда-тай грибка, а ныне депутат Кремов (живет он сейчас в элит-

ном поселке в Курье, в собственном четырехэтажном коттедже среди вековых сосен на берегу Камы) не узнался, как это обычно бывает с другими депутатами, а заехал к своим вчерашним друзьям. Совесть депутата подсказала — депутатский значок надо обмыть. В кругу электората.

— Давай, Рома, клади его в стакан...

...Дальше Рома ничего не помнит. А там, то ли проглотил он свой значок, то ли выронил на землю...

Только назавтра Люлипупенко гордо прохаживался по двору в депутатском значке. Мол, выбрали — не ошиблись. Сбылась мечта трудового народа. Жить станет веселее.

— Какие будут наказания?

— А-а-а? Откуда?..

— Наказы платные.

— Упоянали.

— С вас — по сто рублей. С пенсионеров — по тридцать. Ветеранам-защитникам Бастилии бесплатно.

Шура слегка припозднился на первую пару: дотопывал до университета пешком. Кроме того, нужно было почистить костюм, запачканный рыбой в трамвае.

Отмывать пришлось спиртом в лаборантской на кафедре. Тут душа не выдержала:

— Дайте лучше ацетон или бензин какой-нибудь. Не могу я на это безобразие смотреть. Чтобы ценный продукт переводить.

— У нас из растворителей только спирт, — пожимали плечами лаборантки.

9⁴⁵

В девять сорок пять у Бодуненца было важное мероприятие. Показательная ежегодная лекция по начертательной геометрии для подтверждения своего статуса преподавателя лицея.

Проводила аттестацию представительная методическая комиссия. Она разместилась рядом с кафедрой.

Возглавлял методкомиссию старый матерый преп Кофейня Иван Поликарпович, махровый зубрище, патриарх. Наверное, еще заводчиков Демидовых лично знал. Во всяком случае, у них начинал. На царя полжизни ишачил. Восьмидесяти, а то и всех ста восьмидесяти лет от роду. Слегка (да где уж там слегка — совсем) глуховат и слеповат. Но то, что Данилу-мастера из «Хозяйки медной горы» Бажов с него списывал, не подлежит всякому сомнению.

Рядом с Кофейней сидела Аделаида Викторовна, старший методист — вместо переводчика. И еще человек семь разных сотрудников лица.

Кофейня то и дело наклонял к методисту красное мохнато-седое ухо. И периодически ковырял в нем большим шим пальцем, как будто выковыривал застрявшие там слова и предложения. Затем записывал что-то в тетрадь и делал пометки в своем неизменном блокноте.

— Сегодня, ребята, — бодро начал Бодуненц, — тема нашего урока: «Метод Монжа».

— А? Что? Говорите громче? — раздался рядом с Бодуненцом голос Кофейни. — Уж, если мне не слышно, что говорить об лицеистах на последних партах?

— «Метод Монжа»! Тема!

— Вместо моржа? В темя?

Пришлось Савелию наклониться к волосатому уху Кофейни и рывкнуть что есть сил.

— Да слышу я, слышу всё прекрасно, — прогнусавил мэтр и обвел испытующим взглядом аудиторию. Ну и кто этому не верит? Затем он достал морской бинокль (похоже, с крейсера «Очаков») и уставился на доску.

Бодуненц возобновил лекцию.

— Преобразование ортогональных конструкций...

— Каких-каких инструкций? — от возмущения у Кофейни перехватило дыхание.

Пришлось Аделаиде Викторовне долго и доходчиво объяснять Ивану Поликарповичу смысл сказанного.

Между тем Бодуненц увлеченно рассказывал, уже не замечая возгласов старпрепа:

— Здесь никаких проекций не может быть...

— Каких-каких эрекций? — переспросил Кофейня.

Стало быть, опять что-то не то почудилось.

— ...биссектриса.

— Актриса на бис? Это Истомина? Или? Бисек?... Ну! Не слышно! — опять загундосил мэтр. — Мямлит и мямлит себе под нос? Я сижу рядом — большую половину слов не разбираю. Представляю, каково ребятам усваивать новый материал.

— Угол раздела, говорю! — раскатом грома прогремел Бодуненц, так что задребезжали фужеры на фуршетном столике Их Величества этажом выше.

— Как меня угораздило? К главарю?

— Не обращайтесь внимания, продолжайте, — проартикулировала Савелию губами Аделаида Викторовна.

— Тангенс угла наклона.

— Танки с углем на склонах? — причем тут военная тематика?

— Как видно, гипотенуза...

— Ноги потеют? В санузел?

— ...можно вполне на катет.

— А то на этой волне он мне накатит?

— ...это же восемь градусов.

— Живой и радуйся? Снова мне?

— Многоугольник...

— Ногой в свекольник?

— ...Полноте, ребята, вы должны знать. Быстрее. Как называется?... Вспомним? Трапеция!

— Полный трупец я?!

— ...что ромб и овал содержат...

— Не фигу себе!! Чтобы тромб оторвался прежде?!

В конце лекции в класс ввалились Проктер энд Гембл.

— Пардоньте. Немного задержались.

Лицо Кофейни становилось багровее и багровее.

— Всё! Баста! Хватит! — рявкнул он громогласно. — Пора и честь знать!

После чего звучно просморкался и прокашлялся.

— Перейдем к анализу урока, — зычно объявил Кофейня. — Разбор полетов...

— «Моржовый метод» — это хорошо, — начал издала старпреп, имея в виду метод Монжа. — Это мне нравится. Но ваши некорректные замечания в мой адрес, как председателя методической комиссии, особенно, про то, чтобы я «ногой в свекольник» или чтоб у меня поскорее «тромб оторвался» и что «полный трупец я», и, главное, «никаких эрекций» не выдерживает цензурных слов. Это уж, знаете, слишком. Мое мнение негативное. Так и передам Александру Леонхардовичу.

Перед тем, как заснуть окончательно, сознание Левы прокутило поминутно вчерашнюю смену. В деталях.

— Не помню только, на чем домой добрался. Пешком? На троллейбусе? Автобусе?.. Такси? Такси! Точно! Еще песню «Чайфа» по «Авторадио» крутили.

— А ну, включи погромче (таксисту). Правильная песня, жизненная — больным много не наиграешь.

— К чему это вы?

— А поют про матч аргентинской сборной с ямайской.

— Ну и че?

— Че, че? У них трещина в заднем проходе — вот че.

— У кого «у них»?

— У футболистов энтих, потому и проиграли с разгромным счетом Аргентине. Об этом и поют. А их женщины печальны. Знают диагноз.

— Что поют? Ах, это:

«Какая боль, какая боль — Аргентина-Ямайка 5:0».

— Не кака́я, а ка́кая: *«Ка́кая — боль! Ка́кая — боль!»* —

это я вам авторитетно заявляю. Как врач-проктолог.

Первой парой — спецкурс доцента Моповой. Инессы Мефодьевны. Пересчитала всех. Всего три человека из пятнадцати. Болезненный удар по самолюбию.

— Где Кисельков?

— Здесь, — просвистел мимо пулей Кисельков. — Один свидригай рыбой запачкал. В трамвае. Пришлось костюм чистить.

— Итак, всего четыре, — продолжила доцент Мопова. — Где Жихина? Где Андрюков? Где Вермилина? Спят?! Ничего, на экзамене у меня отоспятся, вернее, отсопятся, вернее, теперь уже я отосплюсь на них по полной программе...

— Запишем уравнение насероводораживания стали в щелочной среде Гольдштейна-Дрюкина, — Инесса Мефодьевна перевернула несколько страниц конспекта.

Промычала:

— Где же оно кончается? Наверное, в других тетрадах... Его студентам надо знать наизусть в интерпретации Фурье-Лагранжа в виде тройных интегралов с кубичной матрицей. Над этим уравнением Гольдштейн трудился всю свою жизнь, но так и не дописал (чернил, знамо, не хватило). Потом академик Дрюкин — еле закончил в возрасте девяноста лет.

— Так что его целиком еще никто мне не написал и даже не списал за время подготовки к ответу во время сессии, — злорадно усмехнулась она. — А тем, кто был сегодня — полный зачет и оценка «отл». Можете так и записать вместо одного уравнения в своих тетрадах.

Кстати, дополнительная информация для всех остальных: пусть и не думают приносить мне на экзамен мои любимые конфеты «Рафаэлло» и коньяк «Хеннесси».

...В самом конце занятия появляется наконец-то Боря Андрюков.

— Живу на Липовой горе, — отчеканил он. — Далеко за городом. Потому и опоздал.

— Врешь ты всё, Андриюков! Горе ты липовое. И отмазка у тебя липовая... И гора у тебя тоже... липовая, — пожевав губами, буркнула доцент Мопова.

Во двор Бодуненца въехал «меркуцио» и тонированный джип. Саша Квартет нарисовался собственной персоной. У него тут дядя-инвалид жил — большую половину жизни провел в тайге — потомственный «лесоруб».

Квартет махнул рукой водителю и охране — отпускаю, дескать, всех по барам.

— К дядеу что ли? — взметнул брови Люлипупенко с теннисного стола.

— Эге. Надо гостинцы передать. С неволи. Помнят козырного туза. Не забыли!

11²⁰

После провальной показательной лекции Бодуненц поплелся в свой кабинет передохнуть и собраться с силами.

В одиннадцать двадцать пять к нему в кабинет забегают фрезеровщик Прокопчиков. В ушах носки Савелия торчат — ввернуты, как лампочки, буравчиком.

— Мастера дали. У них насморк — как рукой. Заодно протрезвели. А я тут чеснок в ушах (врачи настоятельно рекомендуют) держал. Ерунда это всё, блеф сивой кобылы, ни шиша не помогает. Носки — вот это да! Ядер!

— Блин, мои носки скоро панацеей станут! — ахнул Бодуненц.

— Чем-чем?

— Народным средством.

Вот, вроде, в другом подъезде сверлят, а весь дом ходуном ходит, и у Малярчука рббит телевизор от этого.

И вдруг всё стихло. Разом. И дрель. И телевизор. Даже Моня глаза приоткрыла от удивления. Зато откуда-то раздались истошные вопли. Наверное, в лифте кто-нибудь застрял — удовольствие не из приятных.

Никеш ковылял после бани домой. Вычищал пену из ушей. Спину основательно отвальцевали тазиками. Ну и обварили слегка мужское достоинство. Да нет, не слегка, кажись, сильно. Да что там сильно — сварили в крутую!

После непродолжительного отдыха пацаны стали снова возникать вокруг песочницы. Тем более, что Квартет объявился собственной персоной. Киселян, опять же, должен подруть из гунька после двух пар.

11³⁰

Следующим уроком у Бодуненца стоял по расписанию семинар по начерталке.

Савелий пошел на него расстроенный, уже в принципе никак не обращая внимания на голые щиколотки.

В центральном вестибюле лица на самом видном месте висел плакат «Бодунец — молодец!». Ниже — написано фломастером: «Бодунец — лихой боец!» и рядом «Но пасаран!» с изображением руки, сжатой в кулак, а в кулаке — рейсфедер с тушью.

— По какому случаю? — подумал Савелий. — Вероятно, лицеисты проявили солидарность после лекции с Кофейней. Точно! В подтверждение тому в семинарском классе на доске была девичьей рукой выведена надпись мелом: «Савелий Самойлович, я Вас люблю».

И Бодуненц сразу же вспомнил Оксану, ее прекрасные огромные глаза.

Поэтому добавил другую надпись: «Но геометрию больше».

Конечно, приятно, когда к тебе так относятся. Но есть темплан. Его надо выполнять.

— Приступим к самостоятельному заданию...

Никеш проскользнул мимо пацанов.

— Ты че такой сердитый? В бане был, поди, не у проктолога, — усмехнулся Арнольд.

Никеш в сердцах махнул рукой.

— Не трогай его, Риня! Чуешь, команданте плохо.

— Сэ ту, проехали...

— Мужики, трэба как-то старого пензельтона выручать, а то засохнет в одиночестве, — резанул Музян.

— Есть идеи? — повернулся Квартет.

— Ключ надо передать от внутреннего замка, — подал идею Вадик.

Следует отметить, что в Малярчуковскую дверь вмонтировано два замка. Один кодовый (верхний). Другой обычный (нижний).

Изнутри, стало быть, закрывается на два металлических ключа. Снаружи верхний замок можно открыть только тастатурой, зная секретный код. А его жена Малярчука ни под какими пытками (даже щекоткой пятки!) не выдаст. Вот ведь придумала, ядрена-матрена!

Возникает закономерный вопрос: как войти внутрь?

Код — лишь она знает. От наружного — ключ на шее носит. Не стибришь. А вот внутренний — в сумке или на пальце. Можно, разумеется, незаметно экспроприировать, но как передать Всеве? Под дверь не просунешь — железная.

— Остается в окно!

— С вертолета!

— Через чердак!

— Всё не то.

— Устроим мозговой штурм, — сказал Люлипупенко. — Чердак на амбарном замке. Версия отпадает.

— Где вертолет достанешь в условиях кризиса? Да и дороговато по нынешним временам, — наморщил лоб Квартет.

— А если спиннингом? — меланхолично ляпнул Музян.

— А что? Это мысль.

— Ты отзвонись, Вадик, соседке, Полине. Сообщи, что краны не докрутил. Мол, затопит новых русских этажом ниже. Подействует, — развил мысль Арнольд.

— Возьмем спиннинг. А я ключ у его жены стырю. Вернее, уже стырил, когда она в чипок ходила, — с гордостью сообщил Витек-Гагулек. — Передадим ему через форточку.

Ну что ж, план одобрен. Пора за работу. Дулепис-тый набрал Полину.

— Подтекает где-то у вас в кухне, Полина Геннадьевна, жильцы снизу жалуются. Это я, наверное, краны не довинтил.

Та на такси. Пулей. Осмотрелась. Вроде всё в порядке, но кто его знает.

— Пока гром не грянет...

— Рисковать не стоит, согласна.

— Вадик, держи ключи. Проверь еще раз, как следует. Вечером отдашь, а я обратно...

— А где спиннинг достанем?

— У соседа из 38 на время.

— А это, с которым мы в прошлом году колбасились? — вдохновенно вспомнил Люлипупенко...

Сосед из 38 квартиры каждые выходные как штык ездил на рыбалку. С ворохом удочек и подсачником. С большим рюкзаком и прокопченным котелком — полный джентльменский набор. На своем стареньком «жигульке».

Люлипупенко не выдержал первым. Когда шабер проходил мимо него в субботу, он нарочито громко воскликнул:

— Давно что-то я свежей ушицы не ел!

— И кто тебе мешает? Купи рыбу на рынке да свари, — возразил Малярчук.

— Фу, как обыденно. Никакой романтики, — скучился Арно. И в лоб шабру:

— Возьмешь собой? Или слабо?

— Ты на «слабо» не бери, — возмутился тот.

— Хорошо, тогда на «сильно».

— И меня, — загорелся Левик.

Сосед придирчиво посмотрел на мужиков, а потом махнул рукой:

— Пся крев, салаги, считай, почти уговорили.

— Когда очередной выезд?

— Завтра. На Косьву. Но! Придется рано вставать.

Люлипупенко, как всегда, проспал. На столе. Ничего! Разбудили и даже умыли из термоса горячим чаем.

Собрались ехать на автомашине соседа. Попутно подхватили его друга. Невысокий такой лысоватый мужчина с брюшком.

— Вивасов, — представился он. И сел справа от водителя. Примерно через час свернули с асфальтовой дороги на проселочную.

Непролазная грязь, подернутая ледком. Колея. Сосед ворчит:

— Один-то я бы здесь рано утром проехал по свежему ледку, а вот вчетвером, да днем — вопрос.

— Всё нормалек, — успокоил Вивасов, — проскочим. Распределенное усилие тяги на колеса, модальный центр тяжести, динамический вектор нагрузки, дельта крутящего момента...

Что-то почеркал на бумажке:

— Согласно уравнению Ван-Стокса скорость надо не ниже 65,53 км/час.

— Он — доцент в университете, — уважительно отозвался сосед. — Голова!

Разогнались и... Точно в середину лужи.

— Скользящий момент не учтен, — деловито отреагировал доцент. — Сейчас внесу поправку в уравнение.

— Поздно, — сказал сосед. — Выходите, толкнем.

Тут навстречу такие же раздолбаи на «Оке». Хлесть! И тоже в центре лужи.

— Не по науке, вот и шмякнулись, — авторитетно прокомментировал доцент Вивасов.

Водитель «Оки» с пассажирами преспокойненько так выходят. Без нецензурщины. Трое. И... переносят «Оку» на руках через лужу. Едут дальше.

— Нашу так не оттащишь, — завистливо вздохнул Люлипупенко.

Ребята открыли правую заднюю дверь и стали выбираться через нее — там было суше. Доцент также вылез.

— Э, да тут мелко, — с этими словами сосед распахнул водительскую дверь, шагнул в колею и погрузился по макушку в жижу. Вынырнул, отплевываясь и матерясь на чем свет стоит.

— Да успокойтесь, друзья. Дело поправимое, — сказал доцент. — Толкнем одновременно по моей команде в режиме синхронного импульса. Сейчас один рывок и всё в шоколаде. А ты газуй.

— Не всё, а все, — процедил сквозь зубы Арнольд.

И... оказался прав: задние колеса закрутились со страшной силой и в одну секунду мужики действительно превратились в глиняных китайских болванчиков. Словно в шоколаде. Все... кроме доцента. Он предусмотрительно стоял посередине.

— Расчет правильный, но не учтена гетероциклонная поправка на ветер. Плюс осевая нагрузка. И дельта скольжения — так называемый «фактор Бокса-Уилксона».

Наука! Придаться не к чему.

— Что же делать? — спросил Левик.

— А вот здесь мировой разум пока бессилён. Надо искать трактор.

— Без тебя не догадались, — прошипел себе под нос Люлипупенко.

Доцент меж тем поколдовал чего-то с часами, затем почеркался в блокноте.

— Азимут 315. Деревня строго на северо-запад.

— А лай собак справа?

— Акустическая аберрация.

После этого доцент уверенно пошел в рассчитанном направлении. И... поскользнулся. У самого края лужи. Ругая фактор Бокса-Уилксона самыми грязными словами из той самой лужи, стал подниматься на ноги. Однако снова упал на руку, вернее, на ладонь и почти не запачкался. Уже было встал. Но тут дунул боковой ветер (та самая гетероциклонная поправка!) и свалил его в самое месиво. Полностью! С головой!

Есть же всё-таки справедливость на свете!

Ликовали абсолютно все! Все... кроме доцента.

— Давай, выбирайся, — протянул руку счастливый Люлипупенко.

— Ну вот, а ты над спелеологом Кисельковым на-медни издевался, — укоризненно покачал головой Лева.

Идти в промокших от грязи костюмах — прямо пытка. Конец! Полный финец! Как в комедии «Джентльмены удачи». Не июль ведь шастать в трусах и майках.

— Знаю, что делать! — стукнул себя по лбу Люлипупенко. — А ну, доставай горючее. Благо оно было припасено в избытке. Глотнули по бутылке, а доцент благодаря своей комплекции — целых две. И вот тогда уж в одном нижнем белье добрались до ближайшей деревни.

Одежда в руках вся мокрая и грязная.

— Пойду за трактором, — мотнул головой сосед.

— Не оставляй нас здесь одних, — взмолились хлопцы.

— Черт с вами, двигайте за мной. Если сможете.

Минут через пятнадцать добрались до хаты председателя. Председатель — женщина.

— Ну что ж, покумекаем, авось, что-нибудь придумаем, — наморщила лоб она. — Айда к Афоне!

Пошли. Подруливают к крайнему дому в проулке. На встречу — компания в обнимку, шатаясь, как маятник Фуко. В центре смазливая молодлица в свитере и сапогах, по краям — разновозрастные мужики.

— Верка, а муж твой, Афоня-механизатор, где?

— А вон у поленицы л-л-лежит, л-л-лыка не вяжет...

— Нужен трактор. Где ж его взять-то? У одного горючего нет, у другого есть, но гусеница снята. Третий сам увяз в болоте на выгоне — руками не вытащить. Да и трактористы россыпью лежат. Как патроны после боя.

— Дам-ка я вам пацанов нашенских, пятиклассников. Троих. Завтра. Утром. Спят уже. Перед школой. А вы пока грейтесь на печке.

В шесть утра появились те самые пацаны. Худые. Низкорослые.

— Ты на них не смотри, что малые. Главное, что они пока не пьют, только курят, — упредила вопрос Левика председательша.

По первому ледку пацаны вместе с соседом вытолкнули машину. Остальные во главе с доцентом отлеживались на горячей печи. После этого случая Люлиппенко на рыбалку ни ногой. Особенно с доцентом.

Вадик снова оказался у сослуживицы в квартире. Стучит в стенку.

— Батумыч! Всевышний! Ты живой?

Тот сразу не поверил... Своему счастью.

Стали перестукиваться азбукой Морзе. Малярчук ее знал — работал в молодости на телеграфе. Телефон-то тоже отключен, как и домофон.

— «Открой форточку».

Сделали двойную леску, пропустив ее через грузило и блесну. Потом можно будет, прикрепив ключ к одной из лесок, перетащить его до окна.

Первый заброс. Мимо! Зацеп за рога проходящего троллейбуса — чуть не снес Дулепистого с лоджии вместе с ограждением. Леска-то японская: на такую сухогруз поймаешь и то не сорвется.

Хорошо, там на катушке есть аварийная кнопка «Кит!». Догадались нажать. Леску переплавил пополам. Блесну жалко — ушла! Вместе с троллейбусом. Придется новую искать. Благо, сосед запасными снастями снабдил. Прикрутили из зипа. Вторая попытка...

И снова промах. Точнее, не совсем. Заарканили норковую шубку у соседей — просушивалась перед зимой. Сорвалась. Упала вниз — вовремя не подсекли. Ну и ладан, у этих куркулей таких много. А кому-то прилетело — в радость. Шуба с неба — подарок свыше. Третий заброс — вырвали горный велосипед со стенки на восьмом этаже. Сыграл вниз, как миленький. И снова кому-то удача. Двойная. Чу! Там уже толпа собралась: очередные подарки ждут. Слышен одобрительный гул: «Промоакция. Промоакция».

Четвертый. Стеклопакет грузилом на шестом этаже. Вдребезги. Сработала сигнализация. В следующий раз надо быть осторожнее.

Пятый — есть поклевка! Зацепилась за антимоскитную сетку на форточке в Малярчуковской кухне.

— Снимай и тащи! — привязал Вадик ключ к леске.

...Вневедомственная охрана вбегает на шестой этаж. Чисто. Во всех комнатах. «Чисто» — в смысле воров нет, а не то, что «от вещей очистили» — одни стены голыми оставили (такое тоже бывает). Только окно разбито. Птицы, вероятно. Или пацаны мелкие озоруют.

Составили акт и восвояси.

Далее всё как по маслу: Малярчук втаскивает ключ, быстренько собирается и наутек.

— Сховаешься в другом доме. У Евсеича или на вилле у депутата Кремова. А пока жена бродит по магазинам, сиди с нами — наслаждайся жизнью. Тем более, что пенсию тебе только вчера принесли — не успела еще жена растринкать.

После спецкурса Кисельков засеменял в другой корпус. Следующая пара у доцента Вивасова.

На столбах между корпусами университета висели густо наклеенные объявления *«Типография срочно продаст валюту разных стран с тридцатипроцентной скидкой»*.

— Знамо, затоварились, после выборов, — зацвел черной завистью Кисельков. — На депутатах сейчас большие деньжищи делаются.

Снова затарахтела дрель, стихли вопли в лифте, и Лева окончательно проснулся.

— Надо бы стиркой заняться, — вспомнил он.

На прошлях Лева, наконец-то, сподобился и купил стиральную машину. Выбрал самую наилучшую.

— Внимательно осмотрели? Внешние повреждения какие-либо заметили?

— Вроде, нет.

— Тогда распишитесь. В пяти местах. При получении еще раз осмотрите, царапины будут — можете сразу вернуть в магазин — на обмен, — мило улыбнулась секретарь на ресепшне Вероника.

— Вот это сервис! Европейского уровня, — ликовал Смолянский.

— Всем покупателям наш фирменный подарок — доставка, установка и подключение к водопроводу бесплатно, — продолжала девушка.

Цепляет за живое такая забота о потребителе! Рука прямо тянется в карман — отслюнявить последнее!

В общем, всё уплачено и подписано.

В означенный час из минуты в минуту являются два дюжих молодца с большущей коробкой. Еле втащили. Вчетвером (они плюс Лева, плюс жена). Работа закипела.

Через десять минут тот, который постарше, достает из нагрудного кармашка ручку и приглашает к подписанию акта приемки-передачи.

— Распишитесь в получении и установке.

— А включить машину можно? Послушать, как работает? — не терпится Смолянскому.

— Можно. Ведро только принесите. А лучше — два.

— С бельем?

— Пустые.

— Зачем?

— Воду отработанную сливать из вот этого шланга.

— А разве сброс в канализацию не предусмотрен?

— Ты положение рекламной акции внимательно читал? — перешел доверительно на «ты» старший мастер.

— Бесплатно только подключение к водопроводу, а к канализации — нигде не сказано.

— Установить установили? В смысле, поставили на место, как полагается? — Поставили. А насчет слива — будь ласка в ведро сцеживать и самостоятельно бегом до унитаза, благо туалет рядом.

— А если приплатить?

— Другой разговор. Тогда тыща и всё готово.

— Валяйте! Уболтали, демоны!

— Чуть совсем не забыл, — хлопнул себя ладонью по лбу тот, что постарше.

— Она ж еще при работе должна подключаться к электричеству силовым кабелем. Обычный сгорит. В два счета. Через час-другой.

— Ручкой-то барабан крутить не будешь — не спортлото, — также перешел на доверительный тон младший специалист.

— Ну, давай, подключаай к электричеству, — промямлил Лева, предварительно пощупав свои бицепсы. Да! Хиловаты они для ручной стирки.

— Электрика отдельно — тысяча девятьсот девяносто девять рублей девяносто девять копеек — у нас всё точно, как в аптеке. Получите сдачу — одну копейку.

— Возьмите на чай.

— Чаевые оскорбляют достоинство профессионалов.

Наконец, окончательно подключили стиральную машину. Полный автомат. Единственно, корпус надо придерживать руками, чтоб не взлетел при полоскании.

— И этот вопрос решим. Принципиально, — хмыкнули мастера. — Специальный антивибрационный коврик — всего три тысячи. Сделаем на «раз-два-три».

— Кстати, есть отличный фильтр для предварительной очистки воды от жесткости, то бишь последующей накипи.

— А это выходной — для предотвращения экологического загрязнения нашей красавицы-реченьки Камы.

— А вот фартук-антибрызговик.

— Наушники от шума.

— Жучок для электросчетчика, чтобы электричество назад сматывал.

И они продолжали доставать и доставать из многочисленных фирменных чемоданчиков всякие придамбасы.

— А почему гвозди торчат из стенки? — наконец-то удалось вставить слово Смолянскому (это он об усиленной проводке).

— Могут и не торчать, но тогда, — и старший выразительно пощелкал пальцами. — У нас времени в обрез. Лимит. Еще таких, как ты лох... в смысл-л-ле, ох, каких уважаемых людей — масса!

Лева снова полез в портмоне за деньгами.

— А почему розетку нужно придерживать другой рукой, когда вилку вставляешь?

— Много вопросов задаете мужчина... И это хорошо! На каждый глухой вопрос у нас есть свой звонкий ответ.

И они еще долго (хотя торопились) втюхивали про фирменную автоматическую розетку с дистанционной подачей электричества. Суперстиральном и сверхэкономном порошке (ложка на кубометр), но по тройной цене. И многом, многом другом. После чего Лева почувствовал, что прачка — это серьезнейшая профессия и тут без высшего образования — никуда.

...Через три дня Лева пришлось снова сливать воду из машины вручную. Не постиг, стал быть, таинства управления сложной бытовой техникой. А, скорее, автоматический клапан наколенной юртовой сборки рассыпался.

Он снова в магазин. К Веронике.

— Где мне ваших «орлов» отловить для гарантийного обслуживания.

— Каких «орлов»? У нас их много, разных видов (степные, высокогорные, залетные), — заулыбалась Вероника.

— Которые у меня три дня назад стиралку устанавливали. Посмотрите в компьютере.

Девушка минут пять копалась в файлах:

— Иванова с Петровым что ли?

— Ну, наверное. Не представились.

— Зайдут в эти выходные. Часов в восемь. Ждите.

Пришлось Левику бдиль в субботу и в воскресенье по утрам, чтобы, не приведи Господь, не проспать визит мастеров. Хотя после ночного дежурства — то еще удовольствие.

Наладчики пришли в воскресенье утром. В том же составе. Снова провели часовой инструктаж. Кое-где кое-что кое-чем прочистили. Настойчиво поинтересовались о возможности закупок дополнительных аксессуаров. Но в этот раз Смолянский был более осторожен в вопросах отстеживания кровных. Зато незаметно так узрел истинные фамилии сладкой парочки в выписанном заказ-наряде.

В одну реку нельзя вступить дважды. А в конфликт со сферой обслуживания можно. И сколько угодно раз.

Ровно через неделю после визита мастеров очередная микроавария.

— Иванова с Петровым? — задала наводящий вопрос диспетчер.

— Ага, их.

Чтобы решить вопрос окончательно и в свою пользу, Левик позвонил одному товарищу. Другу. Военному.

Была у ребят одна слабость — оба призывного возраста, хотя, вероятно, и отслужили уже.

— Найди мне, Славик, двоих гопарьков. Кульков Боря и Брюлькин Гера. По базе призывников. Охота им в глаза посмотреть и не только.

Военком хохотнул:

— Для тебя лицо человека видно только с тыльной стороны.

...Позавчера у Левы осенний призыв начался. Включили в состав медицинской комиссии как специалиста-проктолога. Повестки послали и Кулькову с Брюлькиным.

Для подтверждения звания рядовых запаса.

Пришли резервисты на традиционное обследование в военной комиссии. Без хорошей задницы в современной армии никак не обойтись (как в засаде будешь сидеть с геморроем или в БТРе со слабым желудком?).

Только в авиадесантных или морфлоте. Там можно. В смысле, расслабиться в воздухе или в воде.

Наконец, Левик увидел долгожданных «орлов» и забежал к председателю комиссии:

— Направь-ка вон тех вояк ко мне на обследование.

— Ба! — да это те самые молодцы, которые мне стиральную машину устанавливали. С разными дополнительными опциями. Сверх норматива. И с которыми я практически породнился на почве автоматической стирки, — картинно гаркнул басом Смолянский.

— Мы, — сразу как-то скисли недавние знакомые.

— Зоя, тащи-ка оборудование, которым мы бегемотам в зоопарке промывание желудка делали — подшабашивали, — сказал Лева, потирая руки. — Ну те-с, посмотрим, всё ли у вас в порядке с пищеварительным трактом. Сделаем пробную пункцию. Забор экскрементов.

— А, может, не надо?!

Лева достал шприц ведерных размеров: игла диаметром с водопроводную трубу (слону в хобот воду закачивать) и клизму величиной с гандбольный мяч.

— Не мала? — обратился он к Зое.

— Больше-то всё равно нету, — ответила санитарка, — а то бы нашла.

— Что ж, проверим перистальтику кишечника у воинов запаса. В армии с плохим кишечником нельзя — товарища в окопе утопишь или в танке весь экипаж. Особенно, если плавать не умеют.

— А поменьше не найдется?!

— Поищем. Но тогда, — и Лева выразительно пощелкал пальцами.

— ps, ватка у нас в комплектацию не входит — идет по отдельному трафику, впрочем, как и туалетная бумага, и спирт... С тебя ровно тысяча девятьсот девяносто девять рублей без копеек — перешел на доверительный тон Левик. — У нас всё точно — не в аптеке.

И с тебя, Петров-Брюлькин, столько же.

— Получите сдачу — два рубля, — протянула мелочь Зоя.

— Не надо сдачи! — сделали кислую мину мастера.

— Чаевые? Чаевые, как недавно меня просветили одни молодые люди, оскорбляют достоинство профессионалов, — гуднул Смолянский.

— Еще выпишем счет за спирт на ватке. Оплатите по безналу.

— Спирт-то у вас стоит дороже, чем бутылка «Мадам Клико» в винном бутике.

— Что ж поделать, друзья, ресторанный, читай, амбулаторный наценки. У нас же комиссия как-никак называется. Должны и мы свои комиссионные получить.

— Внешние повреждения на теле какие-то заметили?

— Нет, — повели плечами мастера.

— Тогда распишитесь в десяти местах.

— Сейчас мы вам укольчики поставим в мягкое место. Будете отходы кишечника после каждой еды в ведерках выносить. Я вам свои презентую. В качестве подарка от фирмы.

Евсейич при встрече со Смолянским спросил, имея в виду эпопею со стиральной машиной:

— Ну что, виден свет в конце тоннеля?

Но Лева расценил вопрос с профессиональной точки зрения. И ответил как врач-проктолог:

— Если у больного насморка нет. Или болтает много. Тогда бывает виден, а так — нет.

...На ресепшн зашли Иванов с Петровым, в миру Кульков и Брюлькин. Стоят, как кол проглотили. С ведерками в руках. После очередного гарантийного обслуживания у Смолянского.

— Присаживайтесь.

— Садиться не станем, — покраснел Брюлькин. — Сразу условный рефлекс срабатывает. Способны находиться только в положении стоя или лежа. Подобно парашютистам или водолазам.

— С чем пришли?

— Ты в следующий раз, Вероника, аккуратнее смысл профессии у клиента выясняй. А то уверяла, что проктолог — мирный специалист по хозяйственным запасам, типа завхоза, всё в прок готовит.

— Сегодня устанавливаем холодильник у гинеколога. Ты точно утверждаешь, что это разновидность защитника природы — эколога?

Музын скорчил физиономию:

— Был вчера у врача. Сделали анализы. Результаты неутешительные: холестерин значительно выше нормы.

— И что сие значит?

Музын, как обычно, забрюзжал, загибая пальцы:

— Врач сказал: «Сало нельзя, масло нельзя, яйца нельзя, майонез...»

— Ты лучше скажи, что можно? — перебил Вадик.

— Получается — ничего...

— Кроме водки! — хлопнул в ладоши Люлипупенко. — Диетический продукт!

На другом столбе висело новое объявление: *«В типографию срочно требуются печатники с опытом работы на "Гознаке", приветствуется, после отсидки».*

11⁴⁰

Мастера заглянули в медпункт — это было их любимое место. Здесь всегда можно чем-нибудь поживиться.

Медсестра Валечка вопросительно подняла брови или то, что от них осталось после выщипывания.

— Зеленки нет?

— Есть. А вам зачем?

— Ну, это. Смазать. Продезинфицировать... Тут такое дело: подмастерье палец порезал... штангенциркулем.

Слово было внушающим страх и уважение, типа циркулярной пилы весом со штангу.

Напуганная медсестра тут же достала из сейфа вожажденный пузырек. Намотала на спичку ватку и обмак-

нула в зеленку.

— Че жалеешь, стюардесса? Дай-ка бутылек подержать. Хана зеленке!

В помещении стоял жуткий холод. К тому же, на аудиторной скамье места было мало — только на троих. Но уселись все. Шура — в центре сокурсниц. По две с каждой стороны. Сели, плотно прижавшись друг к другу.

Доцент Вивасов завистливо спросил:

— Ну как? Согрелся, парень? Среди наседок?

Шура покраснел, попытался встать, но не смог, зажатый, как в тисы, бедрами девиц.

В целом, у Вивасова было много собственных интересных педагогических находок.

Например, если задача была не решена или решена, но не до конца, в таких случаях он говорил студенткам:

— Можно, я вас поглажу по тому месту, которым вы думаете?

И вгонял их в краску.

Жена Малярчука, Мариша, вернулась домой — муженька след простыл, дверь в квартиру лишь прикрыта. Вещи на месте, но ни Малярчука, ни пенсии.

Подозрение сразу пало на Вадика, специалиста-универсала, — больше дверь вскрыть некому.

Мариша подкараулила Дулепистого у выхода из супермаркета. Где ж ему быть-то (раз в чипке нет). Выследила. Вадик ее даже не узнал. Случаем видел раз или два, но не запомнил. Да и не ассоциировалась она с Малярчуком как-то. Но жена Малярчука знала всех его дружков.

— Где муж мой? — набросилась она на него с хозяйственной сумкой с продуктами (помидоры, яйца, соле-

ная рыба).

— Я вам не брачное агентство мужа подыскивать. Ошиблись адресом, — отреагировал Дулепистый.

— Ты еще и дерзить удумал, шкворень? Где муж мой, ирод?

Отбиваясь от ударов, Вадик парировал:

— Как его зовут? Ирод? Редкое имя. Древнее.

— Это ты — ирод. Я про своего мужа спрашиваю. Где он?

— Ненормальщина какая-то!

— Алкоголик!

— Я вообще не пью!

— Ага, в штаны лью.

— Дама, вы меня с кем-то спутали.

— Куда мужа мово дел? К кому обращаюсь, поганец этакий.

— Какого мужа? — демонстративно порывлся в карманах и даже под мышками Вадик (Додик).

Это переполнило чашу терпения женщины. И она давай его снова охаживать сеткой с яйцами. Еле убежал, правда, весь грязный, в рыбьей слизи, куриных яйцах и остатках помидоров, в другую сторону. (*Помните, склизкий мужик с рыбой в трамвае — не Маришкина ли работа? прим. автора*).

Жена Мальярчука в отчаянии вернулась во двор. Смотрит: сидит Вадик на скамейке, как ни в чем не бывало, и ее не боится. И уже нетрезвый. Видимо, умудрился тяпнуть на бегу. Главное, и переодеться быстрехонько успел.

— А, ты здесь уже, дубина, рассиживаешь?

— Привет, Маришня! Как там Всева поживает? — долдонит Дулепистый. И подмигивает нагло так.

— Ах ты, чучело гороховое! Издеваться? — Мариша.

И давай его лупить с утроенной силой остатками яиц.

Пока она его лупила, появляется другой Вадик (вернее, Додик), переодевшийся в сухое, и вопит:

— Слушай Вадяра, что за мымра ко всем вяжется?

У жены Малярчука двоит в глазах. Стало быть, вот как эта болезнь «раздвоение личности» приходит.

Думала только у мужа, когда он, упав с перепоя, кричит на нее с пола:

— Отстаньте, близнячки! Разойтись по разным углам!

— Вы кто такие? — осела Мариша.

— Близнецы. Я — Вадик, он — Додик. Или, наоборот.

— Как же вас различают?

— А так и различают: один пьет, другой — нет.

По дороге из университета Шура увидел еще одно объявление: *«В условиях финансового кризиса, когда все сокращают объемы производства, наша типография увеличивает выпуск своей высоколиквидной продукции».*

Тем временем во двор въехала кавалькада «Астон Мартинов» и «Ламборджини». За ними автобус. Из второго «Ламбо» вышел Ромуальд Амбидекстрович Кремов, профессиональный депутат, лидер фракции партии «Народная совесть».

Когда-то он тоже жил в этих домах, до перестройки, и знал всех не понаслышке.

— Все на месте, — облегченно вздохнул депутат.

Рома подозвал залакированным ногтем Люлипупенко.

Тот сначала сделал вид, что не заметил. Но когда депутат эффектно оттопырил большой и мизинный пальцы, оказался легким на подъем.

— Слышь, Арно, — сказал тонким голосом, почти пропищал депутат. — Надо организовать наших пацанов на депутатское шоу. Я вот что мозгую. Снимем всех на уборке придомовой территории. Осеннюю листву пого-няем. В прямом эфире. «Народный почин», субботник что ли — по призыву партии «Народная совесть».

Широкая поддержка всех слоев населения. Репортаж с места события. Он-лайн, по-русски. Новые свежие лица, новые члены, обширный электорат...

— А-а-а?

— А я проставлюсь, — упредил вопрос Кремов, — слово депутата.

— Не вер...

— Тогда бизнесмена, — исправился Кремов.

— Лады. Ты только объясни братве, че делать.

— Сымитируйте субботник и хвалите меня и мою партию, но без перегибов.

— Будь спок. Всё будет супер.

— Только без импровизаций и квасного фанатизма, — снова повторил депутат.

— Да, еще один мом. Ни в коем случае не упоминайте имя моего конкурента, лидера партии «Всенародная воля» господина Гжечкина Трифона, — неэтично (зря он это сказал).

— Ясен пень. Как фамилия-то евонная, не расслышал? — переспросил Люлипупенко.

— Чья?

— Ну этого, конкурента твоего.

— Не важно, — уклонился Кремов.

— Всё. Без увопросов.

— Арнольд, раздавай метлы и лопаты. Вон в «Астон Мартине» лежат сзади на кожаных сиденьях. Перчатки белые не забудьте — всё-таки не в двадцатом веке живем.

Люлипупенко с Шурой Кисельковым, возвратившимся с учебы, направились к указанной машине.

Раздавая инвентарь, Арнольд заставил-таки Кремова авансом налить всем по стопарю.

— Для актерского куражу, — пояснил он.

Но где один, там и три.

...Кремов посмотрел на часы:

— О, через пять минут начинаем. Точно в отведенное время.

Режиссер передачи стал деловито давать указания:

— Оператор, крупный план. Вторая камера — покажешь перспективу. Серый, еще раз микрофон. Не спорь со мной, я сказал, еще раз! Вот так. Потом поговорим. Техслужба (тот самый автобус), проверьте настройки в эфире. Что? В порядке? Ну вот и чудненько. Внимание! Готовность номер один!

Прошли мучительные десять секунд. За это время все вооружились метлами, а Квартет даже надел белый фартук: теперь он достопочтенный гражданин, и с бурным прошлым покончено навсегда.

— Мотор, начали! Трави помалу!

— Мы находимся на субботнике придомовой территории, — бодро начал репортаж журналист, — обычного российского дома в стандартном российском дворе провинциального российского города.

Как не вспомнить старые добрые традиции?

Здесь второй оператор обвел объективом вкруговую двор, так что его масштабы показались бесконечными, а количество вышедших на субботник намного превысило численность населения индийского штата Пенджаб.

— Возглавляет почин, как обычно, партия «Народная совесть» — «ум, честь и совесть нашей эпохи», — продолжал диктор. — Самая народная из всех всенародных! Самая совестливая! Многие, если не сказать все жители дома вышли поддержать инициативы партии, направленные, в первую очередь, на повышение благосостояния простых граждан нашего города. Спросим у некоторых из них, что они чувствуют фибрами души, услышав фразу «Есть такая партия "Народная совесть"», — с этими словами тележурналист поднес микрофон к несвежей физиономии Музына.

Тотдохнул перегаром, но не в микрофон, а рядом: прямо в бубешник репортера.

Тележурналист зажал нос рукой — сейчас вырвет, вырви глаз. И отполз в сторонку, за кусты.

Музян взял выпавший микрофон в свои руки и начал собственный блиц-опрос соратников.

— Пенсионеры за Крематория, в смысле Кремова, — это студент Кисельков.

— Студенты за Чапаева, — это уже старый пензельтон Малярчук.

— Интеллигенция за Трифона Гжечкина, — это уже Арнольд Люлипупенко (всё напутал, стервец).

— А вас, депутаты хреновы, на галеры, — это уже оператор телевидения, который тоже слегка глотнул, пока Кремов объяснял Люлипупенко, что и как надо делать.

Ромуальд пытался выхватить из рук Музяна микрофон, но тщетно. Еще и навалили в придачу. По-свойски. Куда ему справиться со своим электоратом.

Пришлось позорно ретироваться.

Сорвали весь репортаж в прямом эфире. Устроили драку (обычное, вообще говоря, дело, если смотреть телевизор). Режиссер рвал на себе волосы. По всем вояжам, не в первый раз. Поэтому он и лысый такой.

Хотя другие утверждают: отпиарили Кремова по максимуму. Да и рейтинг канала сильно вырос — всё-таки не примитивный столичный розыгрыш.

11⁴²

Раздавая задания для самостоятельной работы лицеистам, Савелий мысленно совершил краткий экскурс в прошлое...

Лет двадцать назад он с отличием окончил физико-математический факультет пединститута. Работал сначала ассистентом, потом старшим преподавателем, потом доцентом. Всеобщий респект и уважуха. Так бы и зарос мхом до пенсии. Но тут перестройка. Вихри враждебные и первое громкое увольнение за свободу слова, которую каждый истолковал по-своему: материться можно, материть — нельзя.

Сидел полгода дома без работы, грыз ногти. И тут однажды в банке — пришел старые купюры обменивать — встретил одноклассника своего Сашу Четверкина.

— Такие люди и без охраны. Какими судьбами, человече? — воскликнул Четверкин.

— Да вот купюра рваная. Сказали только в банке и можно обменять. А ты? — обрадовался появлению Сашка Бодуненц.

— Из командировки в Палермо. Сицилия. С симпозиума по обмену опытом. Мешок зеленья привезли на конвертацию.

— Ты-то где ща воркуешь? Все там же в педе?

— Нет, безработный.

— Надо же! Кидалово! Кто бы мог подумать?

— А, айда к нам, в лицей! Я в него после восьмого класса, когда из школы турнули, откинулся. Напильником помахал, тисы помучал — от звонка до звонка, пока перестрелка-перетерка, в смысле, перестройка не началась.

— А сейчас где?

— Смотрю и присматриваюсь. Авторитет отрабатываю.

— Спасибо, Сашок! Не знаю как тебя и благодарить.

— И не нужно, — махнул рукой Квартет. — Я ведь к тебе почему так. Потому что ты свой математический талант в школьной форме не прятал и тайком в дневник пятерки свои не получал. Делился со всеми. Щедро.

К Гунару пришла новая уборщица, пожилая такая дама. Хромала на обе ноги — отложение солей. По объявлению.

— Еле дошла. Дай, отдышусь, — брякнулась она на стул...

— Зарплату? Зарплату будете с пола собирать. Что найдете, то и ваше, — криво усмехнулся директор.

— За дуру считают. Не иначе! — надула губы тетя Ньюша, но деваться некуда: всё равно прибавка к скромной пенсии нужна. — Подберу каку-нибудь мелочь.

В первый вечер работы она сходила к мусорным бакам и выбросила полиэтиленовый пакет с типографским мусором.

Его тут же на лету подобрали бомжи. Разворошили в клочья.

— Ну-ка, ну-ка, полный пакет разрезанных денег. Погнали в банк. Поди, обменяют на целые, — воскликнул предводитель.

На следующий день бомжи подрулили на «Майбахах» в смокингах с иголки (еле их тетя Нюша узнала) и уже поджидали техничку на том же самом месте.

Через неделю тетя Нюша приезжала на работу на «Кадиллаке»-лимузине в сопровождении многочисленной охраны.

— Это лучше, чем в банке — там условия работы вроде такие же: что подметешь, то и твое. Но народ поаккуратнее — редко кто обронит добрую купюру.

Глядя на тетю Нюшу, директор сделал кой-какие выводы:

— Определенные шансы есть.

Правда, уборщица уверяла, что выиграла деньги в игровых автоматах. Но кто ж этому поверит: только первоклассники или кандидаты наук.

— Будем работать в три смены, — предчувствуя куш, сказал директор.

— Всё и так затарено ящиками с «деньгами», — возразил зам. — Не жадничай, Гунар.

Забегал знакомый директора, некто Люлипупенко.

— Туалетной бумаги нет?

— Возьми из пачек, сколько надо, — кивнул зам.

Люлипупенко убежал с «купюрами» восвояси.

Директор типографии резанул:

— Теряем темп. Реклама на столбах почти не работает. Нужно внедрять новые схемы работы, новые подходы.

Промоушен устроить. Жесткий. Попросту — идти в народ.

— Ну не мое это! И не мое, — захныкали зам и печатник.

— Вэлл. Учитесь, салаги. Сам покажу, как надо. Пройдусь по банкам, — и директор взял сумку печатной продукции...

— Деньги принимаете? — спросил директор типографии, просунув голову в окошко кассы банка.

12⁴⁵

Отпустив учащихся на перемену, Бодуненц направился в мастерские к кладовщице тете Тосе.

— Я вам чертежи кронштейна откорректированные принес для Прокопчикова.

Тетя Тося попыталась было встать из-за стола, но только заохала.

— Вы что, тетя Тося? — спросил Бодуненц.

— Совсем суставы замучали. Вот, смекаешь, средство знакомые дали — оно одне и помогает.

Тетя Тося достала из ящика стола рецепт от подагры. Там был намешан диклофенак, деготь, пчелиный яд, настойка бледной поганки, кураре и еще всякая гадость...

— Б-р-р! Даже на палец попадет — так сначала жжет невыносимо, а потом немеет.

— Дайте и мне капельку, а то колено побаливает.

Кладовщица сняла с полки какой-то темный пузырек с коричневатой жидкостью.

— Попробовал? Ну кек? Жесть?

— Зажгло, спасу нет! — запрыгал от боли Савелий.

— Терпи. Занямело?

— Вроде, да... Скорее, всю ногу парализовало до плеча.

И Савелий пошел негнущейся походкой к себе.

Из дверей соседнего сорок седьмого дома показался Евсеич. Трижды в день выгуливал своего мопса Джеки. С совочком.

— Мы с тобой люди культурные, — говорил он, обращаясь к мопсу.

Песик только кивал ухом.

12⁵⁰

Проктер и Гембл заскочили на склад.

Пока мастер Проктер рыскал в чертежах на столе, Гембл ощупывал взглядом полки.

— Вот оно!

И не успела тетя Тося сообразить, как Гембл хлебнул плоток жидкости от ревматизма, после чего передал мастеру. Мастер Проктер же вкачал по полной программе.

— Крепка бодяга! — после этих слов у Гембла глаза свело к носу и он, как сноп, брякнулся на листы металла. Проктер лишь скрежетнул ухом — слабачок еще.

— Ну и как он?

— Отвезли в реанимацию. Будут кастрировать желудок.

Кассир, не отрываясь от пересчета оставшихся дензнаков, утвердительно кивнула.

— Обменяйте, пожалуйста, тыщу долларов разными купюрами...

Свеженькие, — похвастался директор типографии. — Новенькие. Хрустящие. Собственного производства.

Оценив остроумие посетителя, кассирша проверила на всякий случай валюту на всех детекторах, даже на зуб попробовала (для пущей верности) — да нет, не фальшивые.

— Всю ночь печатал, — похвастался Гунар. — Лучше настоящих.

— Юмори, юмори, Петросян! — подыграла кассирша.

— Тут мужик какой-то настоящие деньги принес, говорит, собственноручно изготовил. Хочет сдать за полцены, — сообщил охранник по рации начальнику охраны. Начальник передал информацию помощнику президента. Тот — президенту.

Президент в это время глотал горстями валидол, вперемешку с виски и пересчитывал патроны в револьвере: неотвратимо маячило банкротство и отзыв лицензии. Зарплату врачам-учителям выдавать было нечем. Секретарша, и та нос воротит.

— Что ж вы молчите, придурки? — взревел он.

Появилась тонюсенькая надежда.

— А ну, зовите его сюда. Срочно!

Президент банка пригласил директора типографии к себе в кабинет и усадил на кожаный диван как почетного гостя. Сам сел рядом, сняв пиджак и галстук.

— Два коньяка! — щелкнул он пальцами секретарше.

— Очень интересно, очень! Вы можете нам дать доллары на реализацию?

— Могу.

— А евро?

— Могу.

— А скидку?

— Само собой. Накопительную. В зависимости от объема заказа.

— Еще два по два коньяка! — снова приказал президент банка секретарше. — И дайте по краевому радио объявление: «Денег хватит всем: пенсионерам, врачам-учителям, кредиторам».

— Слушаюсь, — засуетилась секретарша. У нее снова прорезалось чувство к президенту.

— Срочно развезти по банкоматам, — ожил президент. — Навыдавать кредитов... И ипотека. Ипотека!

Учителя впервые получили зарплату в валюте.

Через неделю «Дуби-банк» вошел в сотню крупнейших в России, через две — в десятку, через три — тоже в десятку, но в мире. Через четыре — в типографии

прорвало канализационную трубу и испортило печатный станок. Это Люлипупенко с братвой в очередной раз скоммуналили вентиль в подвале.

— Деньги стали некачественными, — сказал президент банка. — Расторгаем договор. До восстановления потребительских свойств. Бизнес есть бизнес, мон шер.

Сказал так и улетел с секретаршей на Мальдивы.

С тех пор, если вы обратите внимание, на всех евро слегка размытый рисунок — так называемый у профессионалов «муар».

В памяти Бодуненца всплыли школьные годы. Незабываемые эпизоды тех лет. Когда они вместе с Квартетом (в миру Сашей Четверкиным) учились в двадцатой школе.

Друг Четверкина и Бодуненца Федотов отличался громгласием (то ли болезнь такая, то ли врожденное — кто его знает). Даже если скажет что в треть голоса, учительница, морщась, зажимает уши руками:

— Федотов! Не ори! От твоих воплей уже голова раскалывается!

К чему это я? А к тому, что в восьмом классе проходили по литературе современную классику советской прозы. И ее интерпретацию в виде постановки ТЮЗа.

Сидят Федотов с Четверкиным на спектакле в десятом ряду. Тихо так, шепотом впечатления делятся. Для лучшего усвоения материала (потом сочинение придется писать на тему «Кто он — наш современник?»).

В конце пьесы развязка. Борьба добра со злом в завершающей стадии конфликта. Апогей, так сказать.

Матерый преступник Смуглый, он же по совместительству вражеский шпион, стреляет в положительного героя — отца троих детей милиционера Трещеткина. Финальные семь выстрелов в спину и контрольный в голову.

Милиционер ничком падает на сцену и замирает.
— Убили, — всхлипнула Маша Солонкина. — А
вдруг?.. Да нет — точно убили!

Драматичнейший момент. Напряженная тишина в зале! Все затаили дыхание.

И тут.

— Вставай, олух! Че разлегся? Пол-то, небось, холодный? Простудишься, — раздался громкий шепот Федотова, как бы про себя.

Актер, видать, услышал и зашевелился (не очень-то, чай, хотелось ему схватить воспаление легких или баланальный цистит).

— Живой он, живой! — радостно загудел зал, — только ранили!

Актеру пришлось застонать и повернуться набок, подложив руку под голову: поживем, поживем еще, ребята!

Одним словом, классического прочтения пьесы не получилось.

Все остались довольны, кроме Галины Павловны. Она была вне себя.

За эту интерпретацию классики выставили Федотову «два» по литературе в четверти. А заодно и Четверкину, как соучастнику. Но главное, что актер до сих пор жив-здоров, чего и вам желает...

— А, помнишь, Саня тот случай с трамваем? — спросил Савелий у Квартета при очередной встрече.

— Еще бы!..

Идет литература. Первым уроком. С Галиной Павловной, классной руководительницей. Федотова где-то нет — проспал, наверняка, как обычно.

— Все на месте?

— Все-е-е!

— А где Федотов?

— ?

— Никто не знает, что с ним?

Тут встает Четверкин и, трагически глядя ей в глаза, думая, что скоро засоня Федотов объявится и розыгрыш состоится, «сознается»:

— Не хотел вам говорить, но... Совесть гложет. Сильно!

Шли. Шли мы с ним вчера по трамвайным путям...

— И? — заглодело в сердце у Галины Павловны.

— Баловались...

— Ну? Дальше!

— Я его и толкнул понарошку.

— Куда? — привстала учительница.

— Под трамвай... прямо.

— Вот, вечно ты, — в сердцах откинулась на спинку стула классная руководительница, — учудишь чего-нибудь.

А Федотов в этот день на уроках так и не появился.

По школе разнеслась молва, что Четверкин на фоне личной неприязни тупо свел счеты с одноклассником.

Вызвали Четверкина к директору: «За хулиганский поступок, повлекший гибель ученика Федотова, поставить "два" по поведению». Это еще к той «двойке» по литературе. «Одновременно выносятся вопросы об исключении из пионеров на торжественной линейке...» А Федотова всё нет.

Проходит дней десять. Четверкин уже снова октябренок. И... Заявляется... Федотов! Как ни в чем не бывало. В школу. В понедельник... Все в шоке! Не чаяли увидеть живым. Оказывается, у него просто грипп был. Да и не бродили они с Четверкиным по трамвайным путям, чокнутые что ли? А то все спрашивают: «Как выжил?»

Кстати, про нашу двадцатую школу.

Еще лет пять назад двадцатая школа находилась в районе центрального гетто. Деревянные покосившиеся дома, сочно описанные Пастернаком в романе «Доктор Живаго», окружали школу со всех сторон. Жили в них отнюдь не зажиточные обыватели, а так, многие без

прописки со справками об освобождении. В те годы закончили (даже, скорее, не закончили, а просто посещали) эту школу многие лихие люди.

На волне экономического, читай нефтяного бума земля в центре крепко подорожала. Гетто начали сносить, а на месте лачуг стали вырастать элитные дома новырей.

Педагоги не верили своему счастью. Деньги посыпались с неба, как из рога изобилия. Постепенно, не сразу, по мере застройки. Тем более что школа находилась в старинном особняке. Бывшее церковно-приходское, а затем ремесленное училище. На главной улице старого купеческого города. Раньше школу называли «топкой болотиной», «топляком», сейчас зовут «топовой» — потому как учатся в ней дети одних топ-менеджеров.

Эту школу заканчивал в свое время и Бодуненц, поскольку жил в первом благоустроенном крупнопанельном доме среди деревянных развалюх. И Александр Четверкин (до восьмого класса), ныне авторитетный бизнесмен. Сейчас он возглавляет попечительский совет школы, в состав которого входят двадцать банкиров, девять газовиков, десять нефтяников, пять ценнобумажников, три «электрика», три коммунальщика, один губернатор, один мэр и еще человек двадцать блоггеров. На базе двадцатой школы, которая стала, естественно, называться «Первой отдельной гимназией имени купца первой гильдии Афанасия Бочкина», мецената и филантропа (когда-то он пожертвовал деньги на создание училища), стали проводить ведущие мероприятия города, как то: балы у губернатора, фуршеты у мэра, международные конференции русофилов, юрятинские форумы, тематические вечера «Дорогами на каторгу в Сибирь», «Тропами Ермака», «Путешествие из Петербурга в Москву через Пермь», «Пермский период у ящеров», «Декабристы, вперед!», симпозиумы «Пермь — Палермо — дружба навеки» и т. п.

А университет, в котором учился Кисельков! Тоже купеческий подарок — бывшая ночлежка, социальная гостиница, по-новому. Все бы ночлежки сейчас такими были. Не говоря уж том, что в наше время социалки — это отнюдь не шедевры ампира и рококо...

Итак, продолжу. Скажи кто-нибудь год назад, что работаю в двадцатой школе — всё! Кроме глубочайшего сострадания, никаких эмоций бы не вызвал. «Господь терпел и вам велел». Несите свой крест на Голгофу знаний. А тут... косяком повалили дети новых русских! А за ними и спонсорские средства. И имя «Учитель» снова зазвучало гордо. Особенно, если это учитель в бывшей двадцатой школе. Да и не учителями они стали называться, а «мэтрами».

Вот что значит «словить удачу». Попасть в колею. Нужно только не терять веру. И ждать своего звездного часа. Хотя для этого могут и века пройти, и даже тысячелетия.

На лавочке после удачного депутатского шоу у подъезда сидели Люлипупенко, Музян, Кисельков, Малярчук. Позже подошел Евсеич с мопсом. Квартет отлучился к дяде. Дулепистый побегал на почту за посылкой. К тому ж совершенно случайно объявился Паша Серемагин, шлифовщик с завода. Отходит после евротура.

В руках Паша вертел квиток с начислениями по зарплате.

— Тупово! У меня уже шесть последних предупреждений. По пьяни. Но не уволят! Даже в кризис. Один на три цеха, — показал пять пальцев Серемагин...

Полученные от Кремова деньги на проставку Люлипупенко использовал строго по назначению.

— Витька я отправил в чипец, — пояснил Евсеичу Арнольд. — Ты как?

— Нормально. Сегодня в игре.

— Пока ждем этого тормоза с «прохладительными» напитками, давайте интеллектуальной разминкой зай-

мемся. Вон и журнальчик подле скамейки валяется с кроссвордом недоразгаданным. Оставил кто-то, — и Люлипупенко стал вчитываться в вопросы.

— Часть слов уже есть. Остальные...

— Так, это мы не знаем. Это тоже... И это... А, во, шесть по горизонтали: «Французский алкогольный напиток». Пять букв.

— Коньяк?

— Шампанское?

— Вермут?

— Начинается на «Б».

— Боярышник? — снизошло на Мальярчука.

— Я сказал пять букв!

В битву гигантов вступил Евсеич:

— Бодяга — нет, бормотуха — нет, что тогда?

— А последняя какая? — подал умную мысль Кисельков.

— Э! Для этого нужно разгадать слово из семи букв: «Коробка, баул для командировочных». Первая «Чи».

— Чемодан, — сказал Евсеич, который раньше часто бывал в командировках.

— Верно. Тогда последняя «О».

— Белая! — наконец-то разродился (вышел из интеллектуального ступора) Музын. — Как раз пять букв.

— Бурда! — озарило Евсеича.

— Я сказал последняя «О», — и Люлипупенко снова погрузился в раздумья.

— Да уж, задачка!

— Бухло! — хлопнул себя ладонью по лбу Люлипупенко.

— Издеваешься? — хмыкнул Шура.

— Почему? Всё сходится: пять букв, первая и последняя.

— Посмотри, а еще какие буквы есть?

— Можно букву в середине отгадать. Имя Достоевского? Пять букв — третья наша.

— Митя?

— Вася?

— Я сказал: «Пять букв».

— Тогда — Дмитрий! Не-не-не — тут семь букв.

— Рохля, Рохля ему имя! — восторженно вскрикнул Арнольд.

— Рохля Достоевский что ли? — недоверчиво спросил Музян.

— Точно. Он. Тогда «х» в середине и однозначно «бухло»! — засветился радостью Люлипупенко.

— Сомневаюсь. Сильно сомневаюсь, — засопел Кисельков.

— Кстати, я не туда посмотрел, — успокоил Шуру Арнольд. — Имя Достоевского по горизонтали — соседнее слово. А здесь фамилия известного художника, автора живописных полотен об Индии. Имя Достоевского начинается на «ф» и кончается на имя этого художника. Пять букв.

— Феоктист?

— Федул?

— Фома?

— Фальстаф?

— Феофан?

— Фридрих?

— Филарет?

— Фантоцци?

— Фенимор?

— Фантомас?! — стали по очереди перечислять знакомые имена мужики.

— Ты, Шура, молодой. Сравнительно недавно школу окончил, должен бы помнить, — мудро заметил Евсеич.

— У меня по литературе выше тройки никогда не было, — парировал Кисельков.

— Лучше позвони другу, — посоветовал Малярчук.

— Серый, ты у нас книголюб. Вспомни, как Достоевского звали? — спросил по сотику Шура.

— Похоже, «серый» то ты, а не друг твой, — съязвил, обращаясь к Киселькову, Арнольд.

— Федор. Пора бы знать, — проворчал по телефону друган Киселькова.

— Федор. Федор Достоевский? Так просто? Фамилия звучная, а имя как в мультфильме про каникулы в Простоквашино. Часом, не перепутал?

— Ты в школе учился, балбес, или только числился? — рассвирепел друг на другом конце провода.

— Федор, так Федор, — потушил назревающий конфликт друзей Музян. — Тогда фамилия художника на «Р».

— Раб... Рар... Рев... Рен Реп... Репин? — стал перебирать слоги Музян.

— А не Репин? — осторожно спросил Молик.

— Не, Репин про Индию не рисовал, — сморщил лоб Евсеич.

— Тогда кто? Рем... Рюр... Рюрик?

— Ага, Рюрик, дурик! — гулко постучал пальцем по темени Арнольд.

— Рен... Рер... Рерих? — продолжил Музян. — А? Рерих? Вроде был такой художник?

— Какой к черту Рерих? — разъярился Люлипупенко. — Рохля! И всё тут!

— Точно Рохля, другой про Индию писать не станет! — азартно заблестели глаза у Малярчука.

— Леший дери, пусть будет Рохля, — смилостивился Кисельков, понимая, что ничего никому не докажет.

— Б, х, о.

— Тогда буква «Хы» в середине. «О» — последняя.

— Б-х-о... Б-х-о... Бах... Бех... Бих... Бох... Бух... Твою так! Кроме бухла ничего в голову не идет!

— Да, точно «бухло», че я давеча втирал? Всё не верили! Звучит по-нашенски, говорю я вам! — засветился радостью Люлипупенко.

— А у них, францисков, скорее, музыкальнее — «бюхло» — как-то так, — подыграл ему Кисельков.

Что спорить с дилетантами?!

С почты вернулся Дулепистый с посылкой от тети из Архангельска и квитком уведомления:

— Опять весточку получил из садового товарищества. Нынче совсем неурожай, а деньги за дачу дерут, как с бразильского кофейного плантатора.

— С Пеле, что ли? — взрыхлил свои «энциклопедические» познания Арнольд.

— Задолбала эта дача! Одни сорняки целый день рвешь.

— А другие жуешь, — слету подхватил мысль Дулепистого Музын. — То ли дело здесь, у нас, на скамейке — блаженство.

— Согласен.

— Ну, раз согласен, беги за ГСМ в чипок. Догоняй Виталья. А то расплещет по дороге.

Тем временем Арно стал рассуждать вслух.

— Слов этих ненашенских развелось. На каждом углу. И обозначают незнамо что. Прочитаешь, как полагается, а у них смысл другой оказывается, подчас совершенно противоположный. В качестве доказательства он привел такой пример:

— Приспичило недавно. Сильно. После суши-бара. Ищу туалет. Нигде нет. Как назло. И тут... По-французски еще со школы спикать не разучился. Читаю: «Call-centre». О, то, что надо! Забегаю. Нарядные девушки за прозрачными перегородками, мол, смотри — любуйся, пока очкуешь. Бумага белоснежная в пластиковых поддонах, всё, как полагается. Вот это Европа! Уровень пять-семь звезд, не ниже. Интернет-сортир. Рекламка опять же. На актуальную тематику. «МТС» всякое, «Билайн», «Мегафон»... Типа, звони, раз не в движении. Наслаждайся общением.

Идиллию вдруг прервали вопли сотрудниц. Они как завизжат, увидев, что я уединился в кабинке. Вернее, не сразу, а после того, как какой-то посторонний запах почувяли и звуки далекие от хроматической гармонии. На

шум выскочили двое лысмордастых охранников и вытолкали меня взащей на улицу.

— По всей видимости, не прошел фэйс-контроль, — грустно резюмировал Люлипупенко.

Виталек и Дулепистый возвратились с полным застольным набором:

— Здесь нужна твердая рука.

— Музяна давай! — вспенилась братва.

Музян отсчитал всем поровну, без обид. Потому и было у него почетное звание «капельмейстер» — в честь умения разливать ровно по триста капель.

Клюкнули. В паузе между тостами каждый постарался поделиться своим наболевшим.

— Выписали мне тут лекарство одно, гаят, хорошее, — Малярчук пристально посмотрел сквозь очки на на коробочку, которую вытащил из кармана.

— Це-ру-кал, — прочитал он по слогам. — «Церукал».

— Церу-кал — это про ихнее ЦРУ. В точку! — растянул улыбку до ушей Люлипупенко.

Малярчук:

— Не могу понять одного. Месяц болею. Рентген сделали, УЗИ сделали, томографию сделали. Всё плохо. Ни одно лекарство не помогает. Две рюмки замахнул. Как рукой.

— Народное средство!

— Слышал, Арно? В баре на «Булке» новая услуга — экспресс-доставка. Скажем, взял на грудь лишку... Хоп, лэй, ла-ла, лэй — звонок в дверь:

— Ваш паспорт. Распишитесь. Не забудьте дату и точное время поставить.

Жена вытирает мокрые руки о фартук. Чик закорючку. И ей к двери приносят мужа, перевязанного бантиком. Пьяного вдрызг. Вот это сервис!..

— Банков сейчас стало больше, чем аптек. А тех, соответственно, чем продуктовых магазинов. И названия

у всех с претензией, так я кажу.

Надо же «Лефортовский банк»! Каземат из казематов. Тогда еще «Бутырка-банк» или банк «Кресты», или «Владимирский центральный» банк — «ветер северный»...

— А я тут рекламку недавно на троллейбусе вычитал:

«"Дуби-банк" — ваш деловой партнер». А ниже, уже предупреждение от троллейбусного парка: «Соблюдай дистанцию!».

Другими словами, банк этот обходи за километр...

— По телеку сказали, скоро генетики мамонта по волосам выпавшим восстановят.

— Ага, разводить начнут в Якутии для бивней.

— Вместо оленей.

— Точно!

— Чукча на мохнатом слоне — круто!

— А упряжки из гиен.

— Огненных...

— Помнишь, в девяностые пили газировку «Напиток "Серино"» завода безалкогольных напитков «Блю Воте» по лицензии фирмы «Дохлер», — вытащил из кармана Евсеич мятую этикетку. — Такое выпьешь — сразу представишься!

— К «ножкам Буша» наконец-то подобрали турецкие ботинки...

— Компьютерный дефолт — «Windows 98»...

— На «Дэву Матиз» ехала какая-то дева лохматис...

— Пацаны, в городе ресторан открылся, бесплатный хавчик. «Халява» называется.

— Ага, иди попробуй. Мигом посадят на суммы, теньге или типа того. Похлеще долларов будет.

— Это узбеки открыли. Но в названии «Халва», кто-то вписал букву «я» посередине. Вот тебе и «Халява».

— А если специально организовали рекламный ход, чтобы народ валом повалил? У нас любят всё нахаляву... А там, как говорится: «Мавроди сделал свое дело, Мавроди может уйти...»

Посидели нормально. Теперь нужно вести подготовку к вечернему «форуму».

Те, кто мог еще передвигаться (Малярчук с Витьком) собрали пустые бутылки и направились в киоск, чтобы сдать их.

Во двор тем временем въехал навороченный мобиль. «Порше Кайен» в махровом тюнинге.

— Разъездились эти «поршивцы», ни проехать, ни пройти, — зло сплюнул Евсеич.

По кромке тротуара балансировал Витек в обнимку с Малярчуком и пакетом пустых бутылок. Гагулька слегка шатнуло в сторону дороги, и он стукнул крыло «поршивца» своей ношей.

— Че ща будет? — зажмурился Малярчук.

Из автомобиля вывалился мэн.

— Эй вы, алкаши недоделанные! — взревел стриженный затылок. — Кто мне заплатит за капремонт?!

— Он, — показал куда-то в небо Малярчук.

— Кто, он. Всевышний что ли?

— Тогда он, — перевел Малярчук (Всевышний) палец на Витька-Гагулька. И замер по стойке смирно, руки по швам. Знает устав, пенсионер!

— Это ты мое авто, чувыр... Витек — ты?!

— Саня? Водник?! Сколько лет! За одной партой. От гудка до гудка. Жив, курилка!!

И они трижды на глазах парализованного Малярчука обнялись по-братски.

— Тару собираешь? Молодец! Это правильно. Не бросай. Верный бизнес. Я вот так же, как ты сейчас. Квасил. Беспробудно. Неделями. Годами. Потом одно-моментно сдал бутылки и... скупил «Газпром». С потрохами. Акции его тогда упали. А бутылки всегда в цене, соображаешь? Щас олигаршу по мере... Пойдешь ко мне коммер... нет-нет-нет, извини, финансовым директором?

— Я ж не экономист.

— И не надо.

— Главное, пить очень много приходится, а у меня печень уже не та. Пока доведешь клиента до полного подписания контракта, так назузишься. Тут надо смотреть в оба, иначе он доведет тебя, тогда — труба.

— Можно подумать?

— Не тороплю, но настаиваю.

— М-м-м...

— Всё еще у тебя впереди! — хлопнул по плечу Витька Водник. — Ты свою цистерну пока не допил. Вон и товарища своего возьмешь (в смысле Малярчука) — референтом.

— А что? Исполнительный дедок. Службу знает.

Под грибком приходил в себя Шура. Вместе с Квартетом. Шуре надо было снова возвращаться в университет к четырем часам на одно мероприятице.

Саша в полусне улыбался, а сквозь зубы цедил:

— Пристрелю всех, как собак. Вот и все килла-дела!

Кисельков по этому поводу вспомнил аналогичный случай, когда ведущая по телевизору, рассказывая о цунами, забыла выключить улыбку. Не понимала, о чем говорит по микрофону. Вероятно, думала о личном.

О чем это я? А о том, что недавно на факультете, где учится Шура, произошел забавный эпизод.

...Позвонили из ректората:

— У вас план не выполнен по технике безопасности.

Декан весьма сурово предупредил заведующих кафедрами: обеспечить стопроцентную явку. Иначе — «сгною на сельхозработках».

Кисельков, как активист друзей природы, тоже должен был почтить присутствием профсовещание.

Хотелось, конечно, скорее во двор к братве, на волю.

Аудитория на 75 мест набилась битком: за учебными столами сидели и по трое. Шура не предполагал, что столько народу на факультете обитает. Дополнительно притащили стулья, причем не очень целые. Один так подозрительно шатался — никто даже не рискнул на него сесть. Зато поставили сумочки и портфели (на пол нельзя — денег не будет. Которых и так нет!).

Было скучно. Народ, зевая, вожделенно посматривал на часы и в натуре клевал носом. Нудила Вивасов заунывно-трагическим голосом вещал о производственных травмах и мерах по оказанию первой помощи. От нечего делать его однокурсник старший преп Валя Столетов начал корчить ему рожицы. Поначалу Вивасов старался не замечать провокаций. Но потом (интересно же!) любопытство взяло верх, он не выдержал-таки, скользнул взглядом... И всё! В момент рассказа о признаках открытого перелома Вивасов застонал от приступа хохота на весь зал.

Все моментально проснулись и с отвисшими челюстями уставились на доцента. Ненормальный. Шизик! Садист. Кто бы? Кто бы мог подумать?!

Вивасов готов был испепелить провокатора!

Но это не единственный, а всего лишь заключительный эпизод того собрания. А сначала...

Собрание давно уже началось. Вдруг откуда ни возьмись появляется доцент Мопова. «С занятий» (ясно, из магазина). Подзадержалась. Стоит бочком у двери. Оглядывает пространство: нет ли свободных мест. О! Есть один симпатичный стульчик в проходе. Правда, на нем покоятся чьи-то вещи. Не вопрос. Вещи можно и убрать.

Воспользовавшись паузой, пригнувшись, как старый партизан, быстренько, перебежками до него. И села. Почти.

— Бы-быц! — стул развалился на четыре части.

Мопова в середине на полу между ножками и спинкой, но на сиденьи, словно Михаэль Шумахер на спортивном болиде.

Вместо того чтобы оставить всё как есть — ей эстетично подавай. Собрала стул и аккуратно поставила между рядов. А на него снова положили сумочки. Будто так и надо. Ой, зря! Не успела стихнуть волна истерического смеха, в аудиторию врывается профорг Зулягина и тут же, стремглав ориентируется в обстановке. Мест свободных нет. Но тут, о, чудо, один стул стоит, ее, родимую, дожидается. Она, пригнувшись, с «извините-с», «разрешите», «прошу прощения» ринулась к нему через весь зал. Весу в ней килограммов сто двадцать и более.

Никто не успел даже моргнуть глазом, как она со счастливой улыбкой плюхнулась на злосчастный стул. Раздался страшный треск и звук схода лавины. Мебель распалась на мелкие кусочки. Зал скрючило второй раз. Буквой зю...

Повторяю, тема была серьезная — производственные травмы. Но, судя по реакции зала, наш народ — большой любитель черного юмора. Столько хохота своды аудитории за всю свою историю не слышали. Короче, получилась не тема, а шоу Михаила Задорного.

Собрать изделие потом не удалось. Вес, сами понимаете. Пришлось списать. Профорг же выбила себе по линии профкома путевку в санаторий «Ключи» от болезней тазобедренных суставов, хотя неизвестно, кто больше пострадал: она или стул. А Вивасов до сих пор на Столетова зуб точит, раскусил его нутро.

12⁵²

— Александр Леонхардович! К вам новый преподаватель. По столярному делу.

В дверь бодро протиснулся невысокого роста худенький вихрастый паренек.

— Сеня Важник, — отрекомендовался он.

— Вот есть фамилии, к которым сразу испытываешь почтение, а не Бодунец какой-нибудь! — воскликнули Их Величество.

— Зайдите к Антонине Велюровне (тете Тосе) на склад

за рабочей одеждой.

13¹⁰

— Как я топерь без мази? — запричитала тетя Тося.

— Сейчас че-нидь сообразим, — зачесал репу Проктер. — Пойду достану из ушей Прокопчикова носки, авось, подмогут. Жаль, не сообразил Глебу носки вовремя в дышло сунуть!

Через пятнадцать минут приходит с носками. Держит осторожно, словно реликвию, в полиэтиленовом кулечке.

— Насморк у Прокопчикова исчез бесследно. Оказались уже у Кофейни. Аритмии, как ни бывало — кварцевые часы «Ролекс» по сердцу сверять. И до кучи, слух и зрение восстановились. А до него у Тимофеича-гипертоника: давление упало до критического минимума, еле откачали беднягу.

Тетя Тося нацепила носки Бодуненца на поясицу. Боль как рукой сняло! Только угорела малость — привалилась к стенке поленом.

В таком положении и застал ее Сеня Важник, направленный директором за спецодеждой. Пришлось выписать женщине нашатырного спирту.

— Где их Величество? — спросил Бодуненц у Люси после очередного срочного вызова «на ковер».

— В опоедальне (в смысле, во втором овальном кабинете для отдыха и досуга).

13²⁵

— Где вы изволили шлындать? — взревел голосом дикого кабана Кольцов, после того, как секретарша соединила его по селектору с Савелием.

Подобными трубными воплями Его Великолепие обычно нагуливало аппетит перед трапезой.

— Опять не в духе, — тягостно вздохнул Савелий. — Вот в прошлом месяце пруха была. Они по путевке военкомата «парились» в лагерях. Тишина. Зато после

сборов, неделю назад, Их Величество, полные эктоплазматической энергии, с утроенной силой взялись за Бодуненца.

При этом Они сказали: «Как Мы отдохнули от вас»...

Во двор, истошно воя сиреной, въехала машина скорой помощи. Машина тормознулась напротив грибка, и из нее выскочила дородная мадам. Врачиха:

— Родненькие, тут к нам алкоголика одного (а это, думаю, вы догадались, был Гембл) в реанимацию доставили. Потравился какой-то жуткой гадостью. Нужна кровь с аналогичным резус-алкогольным фактором.

— Вольешь им чистую — кранты. Ломка начнется. Донорами будете? Всем бесплатный компот за мой счет.

— Лучше пиво в смеси с водкой.

Врачиха на секунду наморщила лоб:

— Ратуйте, ваша взяла! Согласна на все условия...

Спасать человека надо!

13³⁰

Их Величество послали Бодуненца в гастроном. Но не за пивом, как обычно, а по делу.

— Найди токарей с завода, — напутствовали Они. — Надо важный правительственный заказ отработать — вентиля в бойлерную президента из «латунного золота».

...В скорости подали обед. Их Величество откушали прямо за ломберным столом. Ростбиф в белом винном соусе с артишоками и бургундское. Стандартный набор. Ничего экзотического.

13³⁵

— Зайду на склад. А вдруг, мои носки, наконец, объявились?

Той же негнушейся походкой Бодуненц проследовал в цокольный этаж.

— Тетя Тося, где мои носки? Мне сейчас в гастроном по Их Высочайшему велению идти.

— Знаешь, Савелий, я их секретарше нашей, Люси, отдала — выпросила трясогузка. У нее молочница которую неделю не проходит.

Бодуненц снова пошагал к секретарше.

13⁴⁰

Савелий спросил у Люси:

— Где мои носки, не подскажите?

— Ваши? — зарделась секретарша.

— Мои, — потупившись, повторил Бодуненц.

— Не знаю никаких носков.

— Тетя Тося сказала, что вам отдала.

Хочешь — не хочешь, пришлось сознаваться:

— Совещание... расширенное недавно закончилось у Александра Леонхардовича... Один из них отдала директору соседнего колледжа — у него воспаление толстой кишки — поносить на часик, а другой — нашему генспонсору — директору завода сантехизделий — от мужского бесплодия. Может, поможет.

Однажды летом Люлипупенко сидел на крыше дома — ночевал в этот раз на шифере. Было утро. Солнышко пригревает. Птички поют. Лепота!

И тут смотрит — снайпер в него целится. От соседнего дымохода. Из винтовки с монокуляром. Как в том году. Знать, очередной партбосс наездом, и по всему маршруту движения рассадили «альпийских стрелков».

В предыдущий раз пришлось с крыши камнем. Еле жив остался. Но тогда дом двухэтажный был. А тут — девяти. Вряд ли уцелеешь, даже если с большого бодуна.

Люлипупенко присмотрелся к снайперу. Всё, как предполагается: униформа, шапка с прорезями, перчатки с

вырезами под пальцы. Винтовка с глушителем. Рация. Бинокль. Естественно, закуска, выпивка всякая — полежи-ка на палящем солнце и холодном ветру. С почками шутики плохи.

— Свои. Не стреляй, — поднял руки кверху Арно. — Отстал от части.

— Долой с крыши, — «промяукал» одними губами снайпер.

— Я те че — десантура? С девятого этажа прыгать?

— Долой с крыши, кому говорю, — снова зашевелил носом военспец и стал щелкать затвором.

— Вот засада. Конец, знать, пришел. Не думал, что так скоро.

И тут снайперу что-то по рации передали. Тот круто развернул ствол.

Люлипупенко бы сховаться на чердаке. Но уж больно халявной опохмеляги захотелось. Он в одну перебежку оказался рядом со служивым.

— Братан, а и я не с пустыми руками. Рыбка сушеная. Вобла. Снял с веревки на чердаке. Там у соседа с тридцать восьмой целый рыбзавод вялится.

Кто ж откажется от такой амброзии? В армии, поди, тоже люди есть, а не танки одни.

— А шут с ним, с президентом! Ничего ему не сделается. По Ванге и Глобам — всё чисто. Еще два срока. Астрология — это круто. Кабы по ней жили — никакой «котоклизмы!»

— Держи флягу.

— О, шнапс! Трофейный?

— Не. Гумпомощь от натовщиков. Не наша, конечно, «Столичная». Но для крыши и такая сойдет.

— «Столичная» — водка отличная, — продекламировал Арно.

— Отпадно провели время, — подытожил Люлипупенко. — Природная смекалка не подвела!

Обменялись телефонами...

Снайперу недавно генерала дали. Досрочно. За безупречную службу. Звонил. Хочет еще разок на крыше собраться вместе с генштабом — обмыть это дело.

Вот и я говорю, астрология — вещь!

Как-то на неделе Артемка предложил отцу:

— Давай, ракету запустим китайскую. Потренируемся перед Новым годом.

— До Нового года-то еще уйма времени.

— Нужно всё делать заранее — сам учил, чтобы не опростоволоситься в праздник.

Делать нечего — мальчика не переубедишь. Благо, что закуплено ракет — целый ящик. Не солить же. Да и в расход надо своевременно пустить от греха подальше.

— Олл райт, штучки три вжахнем. Но в безопасном для детей и прохожих месте.

Первая ракета с воем ушла в звездное небо. И там потерялась в глубинах космоса, оставив спиральный дымовой след. Вторая — тоже.

— В Туманность Андромеды, — подумал отец.

Третья — прицельно на седьмой этаж в лоджию к Мальярчуку — сидел-курил — прямо в лоб — ну как после этого пижама будет сухой?! Постоянно какие-нибудь неприятности.

13⁴¹

Отобедав, Их Величество в очередной раз вызвали Важника к себе: лицезреть, как тот смотрится в новой форме.

— Ну-ка, покажись, мóлодец... Молодéц! Исполнительный парень.

— Не смотри на меня так, — доверительно похлопал Кольцов Сеню по плечу, стараясь дышать в сторону. — Во время обеда чуть-чуть перебрал, легкий бодунец. К слову, принес (имелась в виду копия аттестата)?

Сеня озабоченно закрутил головой: «Что должен принести, убей, не помню?..»

— А-а-а! — догадался он. — Сию секунду.

Важник кинулся вниз. Забежал к Савелию. Схватил горячий электрочайник с водой. Стукнул им Савелия по голове. Бодунец сразу отключился.

Сеня подхватил Савелия и бросился с ним на плечо к директору.

— Ничего себе «легкий», — сопел он, поднимаясь с Бодунцем вверх по лестнице.

— Вот, — кинул Важник геометра на диван.

— Что это? — замахали ресницами Их Величество.

— Бодунец, как просили.

Их Величество тоскливо посмотрели в окно: «С кем приходится работать!..»

— Товарищ Бодунец! Самуил Левиафанович! — осторожно потянул Савелия за лацкан пиджака Важник.

— Савелий Самойлович, — поправил его оклемавшийся Бодунец.

— А я как сказал? Вы извините за чайникоприкладство. Переусердствовал малость. По неопытности.

Бодунец окончательно пришел в себя и потащился по заданию директора лица через дорогу в гастроном.

Кроме головы снова сильно заныло колено.

— Нужно УЗИ сделать, — посоветовал знакомый хирург, — не исключено, что мениск сместился.

13⁵⁰

В гастроме в винном отделе стояла разномастная толпа мужичков.

— Заводчане есть? — зычно крикнул Бодунец.

— Все «за водчане», — загудела толпа.

— Нет, не все. Я — за коньяком — откликнулся один.

— Ты?! Белая ворона! Вернее, темно-коричневая!

— Уточняю вопрос: токари с завода есть?

— Есть, — лязгнуло челюстями человека три.

— Кольцов просил на шабашку. Хорошо заплатит. Звонко. Монетой, — протрубил Савелий.

— Издеваешься, ли че?

— Почему?

— Ты у собаки кость когда-нибудь вырывал из пасти во время трапезы?

— Нет, — смутился Бодуненц. — Но могу предполагать, чем это заканчивается.

— Тогда уйди, ботаник, миром просим, а то покусаем!

Придется возвращаться несолоно хлебавши.

— А, пойду в нашу столовую. Наемся. В смысле, нахрюкаюсь, как говорят мастера.

Кисельков был на факультете командиром. Общественным боссом. Общество называлось «Юные экологи природы».

— В чем заключается ваша деятельность? — как-то спросил Евсеич из чистого любопытства.

— Ну-у-у, — задумался Шуран, — она многогранная. Одним словом не опишешь.

— И всё-таки?

— Например, отслеживаем тех, кто ветки на деревьях в детском парке ломает. Кроме того, приколачиваем таблички «Берегите лес — источник кислорода».

— И много наколотили?

— Да, почитай, штук сорок, почти к каждому стволу... А накануне прошлого Нового года с сокурсниками отлавливали нелегально вырубавших в лесу елки.

— Скольких поймали?

— У-у-у! Не сосчитать.

— И чем вас начальство отблагодарило?

— Супер! Студком выдал нам лицензию на отстрел лося, — гордо похвастал Шура. — Вот тесть радовался! Как ребенок.

— Защитнички природы, елки зеленые! Гринпис, твою дивизию!

14⁰⁰

После ростбифа у Их Величества сильно разболелись зубы. Хоть на стенку лезь.

— Иди к врачу, — посоветовала жена.

— Лучше застрелюсь. Из гранатомета, — сжался в комок Кольцов.

Сильно Они боялись стоматологов. Как огня.

Но Их жена, Зеландия Львовна, несмотря на резкое противодействие мужа, вызвала врача. Прямо в кабинет.

Врач пришел с походным чемоданчиком.

Благодаря настойчивым уговорам, Леонхард Аристархович открыл-таки рот.

— Вот это траур! — воскликнул врач, засунув зеркальце. — Да тут проще обе челюсти достать и заменить полностью!.. Или, на худой конец, отремонтировать на фрезерном станке в заводских условиях.

После таких слов челюсти у Их Величества сжались, как у бультерьера, вместе с инструментом и ладонью стоматолога.

Освобождали руку всем коллективом лица с помощью восьмитонного домкрата. Инструмент, правда, не восстановишь — перегрызен пополам в нескольких местах. Да и сорок уколов от бешенства врачу тоже ставить придется ежедневно по одному.

Вот тебе и отпуск в Гаграх!

14⁰¹

В столовую Бодуненц, конечно, опоздал. В ней по расписанию был обеденный перерыв... С двух до четырех. Для персонала.

За двумя сдвинутыми столами сидели женщины в белых халатах и смачно уплетали блины с икрой и севрюжий балычок. На столе красовались бутылки беленькой и пива «Стрела Амура».

Бодуненц решил подлизнуться.

— Приятного аппетита, работники общепита, — обратился Бодуненц к столовым людям, надеясь на сострадание.

Те застыли с туго забитыми ртами. Чуть не подавились. И не поймешь, кто из них благодарит, а кто посылает.

— Не найдется пару сухариков для голодающих сотрудников лица?

— Че не видишь, али как, у нас законное время харчевания?!

— Вижу, не глухой.

...И все с новой энергией захрустели челюстями. Таким испортишь аппетит!

Придется ползти домой — доедать вчерашнюю гороховую кашу с постным маслом.

Как-то вот также однажды летом Бодуненц возвращался домой в обеденный перерыв. Настроение почему-то было романтическое. Воздух летний, душистый. Но сыровато. После дождя. И тихо. Безветрено. Внезапно нахлынул туман. Густой. В двух шагах ничего не видно.

Савелий приостановился. Наткнешься на кого-нибудь невзначай. ДТП. С последствиями различной степени тяжести.

Слышно вокруг тоже голоса разные. Знать, люди аналогично ориентацию потеряли.

Потом он стал потихоньку двигаться, хотя непонятно к дому или, наоборот, в сторону лица.

Вдруг кто-то схватил Савелия за плечо. Крепко так.

— Это я — Сивый. Вчера на Лиговке вместе банк брали. Вот ты где, Профессор. А то, как ушли от ментовской погони, так и потеряли тебя. Думали, пришили в перестрелке, архангелы. Ты, я смотрю, пластику сделал. Молодец! Только по ботинкам тебя и узнал...

— Лымарь просил деньги передать и камушки на пятьдесят тысяч баксов — твоя доля. Всё по-чесноку, — с этими словами Сивый вручил Бодуненцу увесистый саквояж с деньгами (который Савелий отдал жене на хранение, куда она потом его сховала, шут ее знает) и растаял в пространстве.

— Самоил Савельевич! — раздался откуда-то голос.

— Нет, Савелий Самойлович, — оглянулся Бодуненц.

Голос, перепутавший имя с отчеством, также быстро умолк, как и возник.

— Савян? Ты? Сколько лет, сколько зим! Не узнаешь? Твой друг по детсаду Ваня Долдонин, — получил шалбан сверху Бодуненц. — А ты знаешь, я ведь тебя уже простил за ту игрушку. Почти. Понял, не мог, ну не мог ты ее тогда сломать.

— Ты, стало быть, несколько десятков лет на меня дулся? — удивился Савелий. — А где теперь живешь? Ни разу не видел тебя после садика.

— Там же где и жил, на Громовском. В том же доме. В той же квартире.

— Но почему я тебя столько лет не встречал? Хотя работаю в этом микрорайоне в лицее, совсем рядом.

— Значит, не судьба!

И Ваня тут же стремительно испарился в никуда.

— Савелий Савельевич? Вы, батенька?

— Я, — ответил Бодуненц.

Мало ли кто отчество перепутает.

— А мне доложили, что изволили вы в Сызрань уехать, в новой должности «попечителя уездных гимназий».

— Да кто вы?

— Полноте! Неужто не признали-с, меня, голубчик. Бывший ваш наставник Иван Африканович.

— Не знаю никаких Африканычей-Американычей, — пробубнил Бодуненц. — Папаша, у вас всё в порядке?.. С мозгами?

— Как ты догадался, что я твой настоящий отец?! — схватился за сердце старикан.

— Савелий, ты не забыл, у нас сегодня марксистский кружок на Красной Пресне? — оттянул Бодуненца от дедка за рукав чубастый работяга в картузе и косоворотке, внезапно появившись из тумана слева.

— Сбрендили все что ли, по полной, — попытался освободиться из цепких лап рабочего Савелий. И это с третьей попытки ему удалось.

— Ну вот, порвал костюм! — всхлипнул Савелий, осматривая пиджак.

— Я тебе зашью его, Савульчик, не расстраивайся? — прозвучал над ухом чей-то до боли знакомый голос.

— Олеся?! — подкосились ноги у Бодуненца.

Это была его первая любовь еще в школьные годы во дворе.

Савелий страстно схватил Олесю за руку. Нежно прижал ее ладонь к своей груди. Она склонила голову ему на плечо.

— Всё! Теперь никуда тебя не отпущу и никому не отдам, — воскликнул Бодуненц и чуть не растянулся, запутавшись в развязавшемся шнурке.

— Подожди секунду, — прошептал он, не отпуская девушку. И поскользнулся...

Встал. Но было уже поздно. Олеся растворилась в белесой дымке. Навсегда.

Бодуненц стал лихорадочно рыскать по сторонам.

Потерять любовь, найти и снова потерять. Это удар!!

Савелий метнулся вперед. Назад. Увидел силуэт. Подбежал поближе. Смотрит: аляповатое костюмированное шоу в латах — бородатый воин с копьем и щитом.

— Послушай, мужик, где тут Непрядва, — обратился служивый к Бодуненцу.

— Какая неправда?

— Река: Не-пряд-ва. Где еще наша дружина во главе с Димитрием?

— Там, — неопределенно мотнул головой Савелий. На всякий случай.

— Спасибо, русич. С нами Бог!

И бородатый мужик исчез с криком «Ура!».

Скоро туман рассеялся...

— Каких только чудес не происходит во время магнитной бури, — констатировал Савелий.

— Ты где ползал, чародей? — заблуждалась жена Нина, просунув руку в прореху на рукаве пиджака.

Но Савелий не был склонен к диалогу.

Савелий надел комбинезон — фрезеровщик Прокопчиков подарил. Списанный. Хороший такой, с карманами. В нем удобно по хозяйству что-нибудь чинить. Пошел сменить лампочку на лестничной площадке — перегорела. Комбинезон не жалко. А то там побелено. Из одежды у Савелия был единственный приличный костюм. С пединститута остался. Так, в целом, еще можно носить. Только подкладка в нескольких местах прохудилась. И из карманов всё выпадывает. На дорогу... Рукав жена подшила. Вид сносный, будто ничего и не было.

Взял отвертку, плоскогубцы, налобный фонарик. Профи, да и только!

Предварительно спустился по лестнице на первый этаж к выключателю. Для проверки наличия напряжения в сети.

На лестничной площадке в нервозном ожидании топталась какая-то бэбэна.

— А ну, подь сюда! — рывкнула тетеша, узрев Бодуненца. — Почему опаздываешь?!

— Никуда я не опаздыва... Вы, вообще, кто?

...Почему Бодуненц вечно попадает в такие ситуации? Лицо у него располагающее. Добродушное. Вот почему!

— Я заказывала. Как договаривались. Тебя и жду. Идем, идем со мной, — и тащит за рукав.

— Чего вам от меня надо? — засопровтивлялся Савелий.

— Я вызывала «мужа на час». По телефону.

— Э, это не по адресу. Я такими делами не занимаюсь. Ищите других желающих.

— За такие деньжищи он еще и нос воротит! Оборзели все. В корягу!

— Сегодня не в форме, — пошел на военную хитрость Савелий, — может быть, в другой раз. Да и не вечер еще.

— Как раз в форме! Что я слепая? — заупиралась бэбэ-на.

— Ша, матрос! Уговорил, — смягчилась она. — Знаю вашего брата. Так и быть, налью стопаря для затравки!

— Я вообще непьющий. И негулящий, — собравшись с духом, наконец-то скинул женскую руку со своего плеча Савелий. И помчался прыжками наверх.

— Да мне ж только кран подтянуть, да дверной замок подправить, — крикнула вдогонку дама. — И за всё тыща!

— Так бы сразу и сказали, — развернулся Савелий, мгновенно прикинув в уме выгодность предложения.

— Еще транспортиров подкуплю для занятий, — обрадовался он внезапно свалившемуся счастью.

Починить кран и дверь было минутным делом. Заодно телевизор подрегулировал (сменил плавкий предохранитель) и стиралку — шланг перетерся.

Женщина растрога-ла-сь! До слез:

— Надо же! Еще на Руси мужики не перевелись!

И хватъ Савелия за рукав:

— А ну, пошли за стол. Перекусишь. Там и коньячок армянский припасен и салаты всякие, и десерт, — а сама источает фонтаны чувственной энергии.

Савелий, наконец, отважился разглядеть лицо заказчицы и онемел: та еще красотка! Спустилась прямо с обложки модного журнала...

В это время раздался звонок в дверь.

Открыли. Входит миловидная, да что там миловидная! Просто сногшибательная(!) девушка в комбинеzone.

— Слесаря вызывали?
— Всё уже сделано. До вас и за вас!
— Извините, но я пришла в точно назначенное время.
— Что у меня еще и часы вперед? Точно! Не перевела на зимнее время.

— За вызов в любом случае придется заплатить. А вас, мужчина, можем пригласить к нам на подработку в качестве специалиста высшей категории.

Это она так сказала после того, как женщина-заказчица расхвалила Савелия до небес.

— Спасибо, конечно, но у меня есть пока основная работа.

— У вас пока, а у нас всегда!

— Да? А что сейчас женщины этим занимаются? По аналогии с такси «Леди за рулем».

— Нет. Редко. Вот как сегодня. За мужчин фирмы. Спят с бодуна. Иногда приходится... Пока иногда.

— А могу я рассчитывать? Во всяком случае, на вас, Савелий, я могу рассчитывать в будущем? — и девушка «муж на час» засияла чудесными глазами цвета маренго, полными душевного экстаза.

— Не знаю, не знаю, — в нерешительности замялся Бодуненц, — все вопросы ангажемента решает моя супруга, а она у меня строгая.

«Не зря русские женщины в таком фаворе на Западе, — сделал вывод геометр, — потому что они не только "кони... и в избу...", но еще и красавицы!»

Во вторник вечером в квартиру Бодуненца раздался звонок в дверь. Длинный-предлинный. Такое впечатление, что контакты внутри электрической схемы замкнулись навсегда.

По характеру звонка Савелий понял — опять на горизонте нарисовался Серега Кометов. С классическим:

— Я у тебя поживу с недельку. Пока моя не остынет. А то скалкой по темени — очень больно.

— Да уж — не тайский массаж.

Единственному лицейскому другу Бодуненц ну никак не мог отказать. Тем более что такие визиты случались не часто: примерно раз в полгода. И были непродолжительными: дня три-четыре. Жена у Сереги отходчивая.

Примирение начиналось, когда физику опостылевала магазинная еда. Тогда он делал контрольный звонок домой. И если ему удавалось установить наличие свежего рассольничка или солянки, то он также быстро исчезал с горизонта, как и возникал.

Кстати, в предыдущий раз Серый заявился с пятнистым лицом. В мелкий горошек. Жена дуршлагом отходила.

А впервые — почти сразу после приема Савелия в лицей на работу, после того как жена физика напаяла ему на голову скороварку с борщом. Наваристым. Волосы потом месяц у Кометова были красными. Морковку в ноздрах полгода вылавливал. Укроп из ушей примерно столько же пинцетом извлекал. Даже «индейцем» называть на работе стали. А уж панки и эмо всякие вообще за своего признавали.

— Ты что за злодея привел, артишок? — впала в прострацию, увидев Кометова, жена Савелия.

— Мой новый друг, физик из лицей.

— Я понимаю, что «друг», не понимаю одного, что ему у нас надо? Мало тут всяких лилипупенок ошивается!

— Слишком много прав у твоей, — заметил физик. — Моя бы так не задурила.

Пожевал губами:

— Прибил бы. К стулу. Канцелярскими кнопками. Как схему гетеродина...

— ...Не задурила бы. Правда, кроме одного исключения, — уточнил он спустя минуту, — если соперницу не почуствовала. Тогда кранты. Сама не своя становится. Дуреет, будто кошка от валерьянки...

— Я — к родителям, — фыркнула Нина. — Живите одни.

— Хваток, Савик, не расстраивайся, не пропадем как-нибудь! — успокоил приятеля физик.

— А кто сына кормить будет? — спросил Савелий.

— Мы, мужики, да чтоб себя не прокормили? Нонсенс! Для чего тогда «Биг-ланч» продается в магазине или тот же «Роллтон»?

— Я вижу, ты — специалист, вот и будешь готовить.

...В отсутствие жены друзья вместе с Бодуненцем-младшим приели дома до крошки все съестные припасы.

— Ты больше без харча ко мне не приплясывай, — напутствовал Савелий физика при расставании.

— Угу, — отвечал Кометов, но через полгода, забыв прежние обещания, снова заваливался с пустыми руками.

...Вот и в этот раз жена Бодуненца быстренько собралась и отправилась к своим родителям.

Однако не прошло и пятнадцати минут, как в дверь снова раздался звонок.

— Наверное, Нина косметичку забыла или сотовый, — подумал Савелий и бросился открывать дверь.

И тут же получил увесистой скалкой по голове. Той же самой, что и физик.

— Ой, как больно! — всхлипнул он, распластавшись на полу.

— Значит, вот такая у тебя пассия! — с таким воплем ворвалась в квартиру Бодуненца какая-то багрово-фиолетовая дама. — Наконец-то я тебя вычислила, пилюля!

— Э, да вы еще и ребенка тут совместно завели! — заголосила она, увидев сына Бодуненца. — А ну, говори, пилюля, где твой любовник?

— Там, — ткнул пальцем Бодуненц в направлении ванной.

А что можно было сообразить и возразить при таком факторе внезапности?

В это время физик принимал душ.

— С дороги, — так объяснял он обычно свою тягу к помывке.

Жена физика сначала выключила свет в ванной, затем вырвала с мясом замок в двери. Затем ринулась внутрь со со скалкой наперевес.

Что там началось! Не передать словами. Стук, бряк, визг, душераздирающие стенания.

...Ремонт квартиры и покупку новой ванны физик обещал клятвенно.

Жену физика посадили на пятнадцать суток за дебош: соседи вызвали ОМОН.

Мела тротуары вместе с Люлипупенко от гонга до гонга. Выпустили досрочно за примерное поведение.

Физик, он же лирик, в результате потасовки в ванной сменил пол (или лишился его вчистую?). Вот тебе и помылся! Теперь живут одной семьей две женщины: одна от природы, другая — новоиспеченная — результат внутривидовых разборок.

Чего только не происходит на почве тотального просвещения: раньше бы дурного никто не подумал. Ну заночевал мужик у друга. А тут — все с ума посходили: «однополые браки, однополые браки».

...Одно хорошо: незванные визиты к Бодуненцу прекратились и, похоже, навсегда.

— Папа, можно дряники? — спросил Артемка.

— Не дряники, а драники, — поправил отец.

— А, моусик? — протянул руку сын.

Во дворе на дороге у обочины плотным строем стояли машины. Другие автомобили объезжали их прямо по пешеходной дорожке...

Музян мысленно прикинул — на минимальную дозу

алкоголя должно хватить. Стал рыскать по карманам. Вот, вроде насобирал. Пока он стоял посреди тротуара, пересчитывая в руках купюры и мелочь, мимо проехал «Ниссан». Люди, проходившие в этот момент рядом с Молешотом (полное имя Музяна), инстинктивно отпрянули и сквозанули прямо по его рукам. Часть денежных средств Молика переключевала из ладоней на асфальт. А одну десятку сдуло прямо под припаркованную машину.

Музян, конечно, послал вдогонку неуклюжим пешеходам струю увесистой брани. И, естественно, автомобилю. Но денег-то этим не вернешь. Придется как-то изгаляться и выуживать свои кровные. Для начала он оббежал машину. Никаких следов. Значит, под кузовом. Рукой-то не больно выпечпишь! Пошел искать что нибудь подходящее. Видит, один малец машет достаточно длинной вицей.

— Ты что, мальчик, хулиганишь. Деревья надо любить, а не это... ветки ломать — нехорошо! — и с этими словами Музян отобрал «орудие лова».

Назидательно так получилось и с пользой для дела.

Затем начал шурудить веткой под машиной. Не достает!

Тогда подстелил полиэтиленовый кулек, встал на колени и давай снова елозить под кузовом. Еле-еле зацепил.

Почти вытащил, и вдруг сзади какая-то братва набрасывается:

— Изловили вора!

— Мужик, ты че тут под машиной делаешь? Сиди-чейнджер тырить собрался? Или пластиковую мину под днище на магнит присобачивал? А ну, вяжи его! Ишь, приоделся для маскировки: модная кепи, бабочка! Не прокатит. Нас не проведешь!

— Под пенсионера косит. Я давно его приметил.

— Да я в этом доме живу уж лет двадцать. Меня тут все знают. На доске почета велосипедного завода до сих пор моя фотография висит.

— Хорош врать! Велозавода уж три года, как нет.

— Согласен, велосипедного завода нет, а доска почета есть!

— Че мы сейчас на другой конец города поскачем твою доску почета разглядывать? Ить, хитро как звонит, лишь бы время потянуть. А тут, глядишь, и его сообщнички объявятся. И покروشат нас, как курей, из стволов.

Чувствует Музян — добром дело не кончится: или бока помнут капитально, или в милицию сдадут, а, скорее всего, и то, и другое.

И тут вдруг на шум просыпается Люлипупенко, мирно спавший до того на теннисном столе. Он быстренько подбегает к орущей компании. Видит, дело шварценбах. Но психологию людей тоже знает. Во многих переделках, почитай, бывал.

— Мужики, спорим, что если под вашей тачанкой десятки не окажется, то пузырь мы вам должны. Нет — вы нам.

Риск, конечно, есть, но кто не рискует, тот, как известно, не пьет шампанское.

Игровой азарт — это явление, не знающее границ.

Да и кто откажется от халявного пузыря? На дороге, чай, не валяется.

— Заметано, — оперативно соглашаются дворовые пинкертонны. — Отгоняем машину.

— Стоп, сначала призовем нейтральных свидетелей, чтоб потом не сказали, что мы незаметно подбросили купюру. Одного с вашей стороны, другого — с нашей.

— А что? Всё по закону.

Нашли двух мужиканов. Со стороны Музяна того же Бармалеича.

Отогнали тачку. Вот она родимая! Десятка прибилась к бордюру и там съежилась от холода.

Пришлось охотникам-следопытам раскошелиться сначала на одну пол-литру. А затем, когда ее выпили все вместе за успех операции, и на вторую.

Героем дня оказался, как обычно, Арнольд. Ну, а кто с этим спорит?

14²⁸

Не успел Савелий завернуть во двор, как к нему подлетает какая-то девица. С двумя огромными сумками. Вся в поту. Как савраска.

— Мужчина! Не знаете, где здесь магазин «Речник»?

Бодуненц испытующе посмотрел на нее: куда торопится? И так затоварилась по полной. Еще мало? Жертва шопинга что ли?

— Если быть точным, то он на Каме, у речного вокзала. Но за углом, в «Колизее», есть его фирменный отдел.

— Вы единственный в городе, кто знает это! — восхитилась девица. — Поэтому от нашей бразильской компании вам презентуется фирменный французский одеколон «Пуазон де труа».

— Сейчас куда ни плюнь — одно французское. Да там столько народу не живет, чтобы изготовить такое количество всего. Даже, если взять суммарную численность населения Франции, начиная с эпохи Карла Великого.

— О, да вы к тому же знаток истории! Тогда вам вручается еще один поощрительный приз — туалетная вода «О'дэгу»*, — и девица сует Савелию уже два флакона какой-то бурды.

— Спасибо, но что-то сомневаюсь я в вашей благотворительности, — дезавуировал девушку Бодуненц.

— Нет-нет, — всё вам. А ведь и для вашей жены найдется подарочек! Задешево — аккурат за две тысячи!

— Моей жене ничего не надо!

— Тогда любовнице!

— Нет у меня никакой любовницы!

— Чтоб у такого импозантного мужчины и не было любовницы или даже нескольких? Не поверю!

— Сказал, нет! Что непонятно? — попытался разозлиться Савелий.

* *Сточные воды, франц.*

— Тогда дочери.

— И дочери.

— Тогда теще к Восьмому марта!

— До Восьмого марта еще дожить надо.

Девушка картинно возмутилась:

— Первый раз вижу такого мужчину, чтоб ни жене, ни любовницам, ни дочери, ни теще ничего не приобрел!

— Вот что, девушка, забирайте свои презенты за «знатока города» и «знатока истории». Вы и так отняли у меня массу времени своими вопросами.

Да и то правда, развелось этих коммивояжеров — плюнуть некуда. А тротуары мести некому, потому что профессия «дворник» называется. Вот называлась бы «стрит-менеджером», глядишь, и чистота везде бы была. А то коммивояжер это по-нашенски «тыкач». Иной тыкает прямо в лицо какой-нибудь щеткой для чистки ботинок. Причем, в ваксе. Смотрит при этом застекляневшими очами. Вот оно психотропное оружие в действии. Зомбилы, одним словом. Само собой, втюхивает-то сущую ерунду. И уверяет, что точно такая же на рынке в четыре раза дороже. А не наоборот ли? Вьетнамский Дерibas.

Люлипупенко вспомнил, как в молодости очутился в колхозе. Веселые времена были. Неформальные.

Числился он тогда при конструкторском бюро телефонного завода инженером.

Лето. Начальник отдела дает разрядку на сельхозработы. Кого-куда. Услали Арнольда в Зюкайку — деревня такая. Два часа на автобусе от областного центра.

Ничего. Разрядка. Воздух свежий. Для здоровья полезно!

И вот идет как-то с зерносклада — там, на конвейере горбатился. Лопатой пшеницу подбрасывал. Среди девиц местных. Мужикам деревенским такая-то работа западло считалась.

Ни к кому, конечно, не приставал. Знал местные крутые нравы. Ну так, иногда шуткой с девчонками перебросится и всё. Не молчать же целый день сипом белоголовым.

Стало быть, идет однажды он по дороге в общежитие и видит: навстречу на всех парах «Беларусь» несется. А на нем вся местная пацанва. Смолят почему зря (непонятно откуда больше дыма: из глушителя или из ушей деревенских мачо). И руками с берданками и вилами размахивают. Во все стороны.

На всякий случай махнул им:

— Свои! Ласты не отдавите.

А те, как узрели Люлипупенко, сразу в раж впали:

— Лови его, шельму! Нашенских забижал. На девок даве пялился. Сзаду. Прицеливался!

— Умного из себя изображает. Вишь, очки для понту налепил!

— А давай, охоту за ним устроим, как в импортном кине. Сафари. Или «сарафани». Че-то такоесь. Не застрелим шнягу, так раздавим! Как лягуху.

Сказано-сделано.

Не помогло Арно даже классическое заклинание «мы с тобой одной крови, ты и я» (имярек был исходно деревенским парнем, родом из здешних мест).

Словом, несется вся кодла прямо на Арнольда. Тот, естественно, «продолжения банкета» дожидаться не стал. Разом развернулся и наутек. В сторону леса. Как партизан от полицаев. Отсижусь, думает, в шалашике каком-нибудь. А утром в контору к шерифу-председателю защиты просить.

Те в погоню. Но до леса еще добежать надо — метров семьсот по ржаному полю. А Люлипупенко не спринтер какой-нибудь. На тракторе человек восемь: трое в кабине, двое на подножках, один на крыше пластом, двое сзади, где навесные орудия. Как в американском боевике:

фермеры за беглым негром-рабом гонятся для последующего суда Линча.

Местные с одной руки стреляют, другой — перезаряжают либо сигарки мусолят. Ногами за агрегат держатся.

Арнольд петлять стал, чтоб прицельного огня не было. Те палят исправно. Дробью. Разнокалиберной. Ну и пули, конечно, попадаются. Только успевай от них увертываться. То вправо, то влево вилять приходится. И так в течение минут трех. Осталось-то метров двадцать до леса.

Да впереди еще речушка о крутых берегах. Однако на такой скорости ее перепрыгнуть — плевое дело. Казалось, вот оно — спасенье. Но... Но у самой речки запнулся Арнольд за травяную кочку. И растянулся с разбегу. Пластом. Пропахал носом землю. Метра четыре. Вот незадача! Стал прощаться с жизнью. Навсегда...

Правда, кочка позади него осталась. Сие его и спасло. Трактор на полном газу на нее же и наскочил. А это — форменный трамплин! Агрегат подбросило метров аж на пять вверх. А потом по кривой траектории свечкой в речку. Над головой обезумевшего Люлипупенко.

Как позже выяснилось, местных сначала загрузилось человек двенадцать. Просто, когда они мчались с машинного двора через мостик, лишних ветками ивы в болото смело. Особенно проредило сидевших на крыше. Из троих один остался...

Вместе с сельхозтехникой в речку и вся братва завалялась. Кто куда. Большинство — донный планктон глотать. Один повис на ольхе, зацепившись штанами, вниз головой. Шишкаря, который в семейниках и сапогах за рулем сидел, в заросли выбросило. Прокатился кубарем по крапиве. Заодно змей пособирал. Третий (с крыши) со стволом ели интимно познакомился. Весь в занозах и ссадинах. Четвертый — головой в ил ушел вместе с кепкой. Только ноги в кедах торчали. Пятый — тоже, но в бобровую нору наведалься. Бобрам это сильно не понравилось, и они от души его покусали по-свойски,

как умеют. Остальные неведомо куда испарились.

И то счастье, хоть все живые.

На следующий день семерых в больницу закатали с переломами. Средней тяжести. К тому времени абсолютно трезвых. Пятерых из команды сняли с доски почета, как опорочивших звания передовиков производства, знатных механизаторов. И повесили на стенд позора в том же составе.

Механизм заставили за свой счет восстанавливать. Страда идет, а техника в омуте ржавеет!

А то насмотрелись стрелялок разных на кинопередвижке. Там такие трюки каскадеры откалывают за большие деньги. В жизни всё не так!

— Петр Васильевич! К нам не зайдете? Прочистить сток в ванне? Вода не стекает.

— Зайти оно, конечно, можно, — хекнул Мавлюгаев. — Оставь только в ЖЭКе заявку на слесаря. У нас там бюрократию, знаешь, какую навели? О-о-о! Хуже, чем в Думе. Но к тебе — завсегда. А вот к Никешу — нет.

— За что такая нелюбовь?

— Будет время, расскажу.

Савелий по совету Мавлюгаева заскочил в ЖЭК и состряпал запись в книге заявок.

Через три дня в обеденный перерыв появился дядя Петя. Прошлепал с улицы в ванную комнату прямо в обуви.

— Извини, не до церемоний. Еще ворох заказов, — махнул он разводным ключом на свои грязные сапоги.

Не прошло трех минут, слесарь выбежал и остановился перед входной дверью. Почесал затылок.

— Тут нужна бейка, тут нужна рейка, — многозначительно поднял палец вверх дядя Петя. — Постараюсь найти до завтра.

Он возник на следующий день:

— Рейка есть, но нет бейки. Еще подождем малость.

Двумя днями позже Бодуненц встретил его на улице — торопился куда-то:

— Теперь бейка есть, рейка ушла!

По теории вероятности сочетание бейки с рейкой составляло одну квадратильонную часть, то есть попросту пятьдесят рублей.

Практика полностью подтвердила теорию. Через пятнадцать минут после отстегивания означенной суммы от засора в ванной осталось одно легкое воспоминание.

Большое это дело миллионный посетитель. Важно только им оказаться. Пришел, например, за одеколоном. Принять внутрь. Душу потушить. А сейчас катаешься на яхте с ящиком шампанского в арсенале.

Вот какую историю поведал шлифовщик Паша Серемагин:

— Как-то душа горела. А денег совсем впритык. Зайду, думаю, в парфюмерный магазин. Какого-нибудь лосьона дешевенького тяпну.

Ну купил, тем более что скидка 99%.

И тут выбегает директор (Агнесса Тимиркановна):

— Кто? Какой? Где этот счастливчик?

— Какой щас лифчик? — запаниковал я. — Ничего такого я, отродясь, не брал. Да и кому?

— Счастливчик — это от слова счастье. Вы выиграли круиз на яхте по Атлантике в сопровождении финалисток «Мисс Мира — 2008». Харч и выпивка за счет организаторов.

— Учинил приз парфюмерный концерт «Флердюсэль» (якобы бельгийский)...

Вот провел неделю в обществе писанных красавиц и в море шампанского, — затянулся Серемагин. — Приглашали потом на центральных обложках мужских и женских гламурных журналов сниматься. Топлес. И без. Портфолио всякое. Даже имя громкое дали: Paul

Seremajy. Но зачем мне это надо? Я лучше звука точильного круга в жизни ничего не слышал.

Хорошо было в конце лета, начале сентября. В лицее наблюдалась полнейшая идиллия. Их Величества не было. Бархатный сезон.

— Видимо, в отпуске. На Гавайях где-нибудь загорает или Сейшелах.

— А вот и нет. Месяц не будет Их Величества — в ответственной командировке, — сделала страшные глаза Люсиферочка. — На сборах он военных. Отрабатывает тактику окопного боя с террористами. Сильно переживали-с, что оставили лицей без присмотра.

— Еще бы! Некого будет ежедневно оттягивать, — ехидно подумал Бодуненц.

Люлипупенко слонялся без дела. По детской площадке. Она была почти пустой. Только в песочнице играли двое мальчишек. И подле них на скамейке сидели две мадам, увлеченно беседовали.

— Ты знаешь, я в солярии-малярии...

— ...Куршевель.

— ...Багамы.

— А я так люблю акулий плавник...

— А я — миногу...

— Кайли Миноуг — это и моя любимая певица. Она такая душечка!

— Ты в каких ресторанах предпочитаешь завтракать?

— Женщины, вы за детьми своими-то присматриваете? — встрепнулся Люлипупенко, — а то попадут, ненароком, под качели.

— Успокойтесь, мужчина, у нас всё под контролем — отмахнулись мамы, краем глаза скользнув по Арно.

— Я сразу поняла: шопинг — это мое. Врожденное.

— А я люблю бриллианты. Вот прекрасное кольцо. Так идет к застёжке на моей сумочке!

— Представь, вчера в очередной раз утерла нос мужу. Весь город прошерстила на своем кабриолете. Искала обычную заколку-невидимку для волос. Сначала по сотовому все магазины обзвонила, потом для вящей достоверности объехала. Вечером показываю ему результат:

— Учись, как надо маркетинг проводить, дуремар! Нашла на целый рубль дешевле.

Муж от зависти напился и полчаса базлал. Еще бы! Куда ему до моего умения рачительного хозяйствования? Только и слышу: «Кругом затраты! Везде убытки!»

— А, знаешь, как я выбирала свой «Ягуар»? У меня лак на педикюре. Подзываю менеджера в автоцентре: «Смотри, чтобы тон в тон ему».

— Нашел?

— Разумеется. По моим ногам подбирали. Я их на стол ему сложила. Все консультанты круги нарезали. Целый день там провела.

— А меня тут гаишник на днях тормознул у ЦУМа-чу-ма. Привязался: «Дай, да, дай тряпку!».

Очень хотелось ему мои номера протереть. Отдала стольник — чтоб не ронял честь мундира... (см. с. 262)

— Знаешь, я вчера в массажном салоне с таким мачиком познакомилась, отпад. Ру-у-ки! Только в армреслинге побеждать... Так, в качестве легкого флирта.

— Да ну? А мне мой фитнес-тренер симпатичен.

— Ядреный корень! — завопил Люлипупенко и еле успел оттащить мальцов от раскачанных качелей.

— Дамы! Мы что, ничего не видим?!

Пока Арнольд так спрашивал, качели угодили прямо в лоб крутяку, похоже, мужу одной из них. Он направлялся с букетом, раскрыв объятия, навстречу своей пассии.

— Точно. Наши качели — это инструмент из арсенала средневековой инквизиции, — сказал отец Артемки.

— Как-то гуляем мы с Мариной в парке.

— Вы с Мариной? Вот это новость! У тебя ж жена есть? — разинул пасть от удивления Музын.

— С Мариной и Костиком, ее сыном. Я, стало быть, со своим, — смутился отец Артемки.

— Ну-ну.

— Все качели заняты, — продолжил он. — Но, наконец, дождались — одни освободились. Что делать? Обоим мальчуганам хочется покачаться.

Решили, пусть сидят вместе на одном сиденьи.

Сын Марины, Костик, постарше моего будет и покрупнее. Сел боком — поделился местом с моим мальцом. Словом, раскачиваются они. Но слабо. Тяжело вдвоем. Сиденье-то узкое. Марина им помогает. Подталкивает.

Я тоже решил помочь, и мы одновременно с Мариной качнули ребят за подвес. Придали, так сказать, ускорение. Вероятно, чересчур сильно. Костик, не ожидавший «помощи извне» катапультировался, как пилот с «фантома». Да не просто вылетел, а крутнул сальто назад. И... прямо лбом на бетонку! Я до следующего утра переживал. Что будет? Ладно у детей лбы чугунные!

Кто придумывает эти качели? Хорошо хоть, без последствий. А так, цирковой номер почти готов.

Отец у Артемки, в целом, мужик спокойный. Если не выпил. Ну, а выпьет — его всегда на подвиги тянет.

Это особенно и нравится сыну. Всякие полутрезвые выходки отца.

— Папа, со скамейки сможешь прыгнуть? — уллучив удобный момент, спрашивает Артемка.

— Легко!

— А со спинки?

— Е-е-е!

— Покажи Бэтмена!

— У-у-у, у-у-у! — машет «крыльями» отец и пытается

ся пролететь пару метров с мусорного бака. Приземляется чуть ли не на нос, поскользнувшись на картофельных очистках.

— А с ротонды?

— Само собой! Тоже Бэтменом?

— Угу.

Забирается на памятник старины (как только не со-
рвался) и шагает оттуда. «Солдатиком». Лежит-отдыхает
на асфальте («скорая» потом увезла в травмопункт).

Сейчас на больничном — обе ноги свихнул.

Черт с ним! Главное, что ребенок потом аналогичных
глупостей не наделает. Наглядно получилось и убедитель-
тельно.

Когда Савелий пришел устраиваться в лицей, Кольцов,
досконально изучив его трудовую книжку, сказал:

— За тебя тут один новырь просил. Отказать не могу.
Не в силах. Как я их всех ненавижу!

— Давай, в картишки что ли перекинемся? Для знаком-
ства.

Сильно не нравилось тому, что Бодуненц доцентом в
педу был. А Кольцова вместо обещанной аспирантуры
сплавили по разнарядке в лицей.

Директор лицея, закончивший политех, считал себя
профессионалом в области игральных карт. Думал, если
выиграет, то не так обидно будет. Утрет нос этому ботани-
ку, бывшему доцику Бодуненцу.

— В преферанс или очко? — спросил Савелий.

— Конечно, в преф! — вскинул брови директор.

Не зря же в студенческие годы все ночи напролет они
резались в общаге с сокурсниками, делая перерыв только
на сдачу сессий.

Раскинули колоду. Но сколько ни играли, ни разу Коль-
цову не удалось одержать победы.

— Ты шулер, не иначе?!

— Простая математика. «Теория игр» называется, —

ответил Савелий.

Кольцов недоверчиво переспросил:

— Какая, какая теория?

— «Игр».

— А я сказал, «шулер»! — разъярился директор, потому как ни о какой такой теории он слыхом не слыхивал, хотя и считал свой кругозор необычайно широким.

После этого Кольцов надул губы и сухо произнес:

— Нечего понапрасну терять время. Займитесь своими непосредственными обязанностями.

Так началась трудовая биография Савелия в лицее.

Никеш, затеявая ремонт, долго не мог определиться с мастерами. Один одно посоветует, другой — другое.

И вот Дулепистый, который, как известно, работал в строительном тресте, порекомендовал:

— Есть у меня на примете две вуменши. Мастера, что надо! Правда, характер не сахар. Но тебе с ними не детей крестить. Они раньше у нас вкалывали, да директор изгнал их за дерзость. По цене, думаю, сойдетесь. И по качеству исполнения. Оптимальный вариантц...

Через день к Никешу заявили две женщины. С виду суровые.

— Еще шифоньер не успел перетащить, — стал оправдываться Дрюнов.

— Сами перетащим. Это наша работа.

— Давайте, хоть помогу.

— Слышь, не мешай людям делом заниматься. А ну, взяли!

— Тут и четверо мужиков не справятся.

— Такие хилаги, как ты? — да!

В течение получаса вся мебель была отодвинута в центр и аккуратно завернута в полиэтилен.

Сели слегка передохнуть.

— Стены у меня какие-то дырявистые, — посетовал

Никеш.

В ответ малярши рассказали, что однажды делали ремонт в управлении охотнадзора.

— Вот там — да! Не стены — решето.

Оказывается, у них традиция такая. Еще с тайги повелась. Как праздник какой отмечают. Обязательно на два ящика водки — ящик патронов. Всё, что выпьют, ставят к стенке и давай шмолять из винтарей. Пока боезапас не кончится.

Даже если пальцы уже совсем не гнутся — зубами за тесемку. Но чтобы до дна! Все ящики...

После рассказа женщины шустро взялись за шпаклевку.

— Мужик, чайку сообрази.

Никеш потрусил на кухню.

Прошел час.

— Чего сидишь, глазенки вылупил? А ну, дуй за пивом.

Никеш дунул за пивом.

— Ты куда, Никеш, мимо друзей шуруешь? — встретил его вопросом Дулепистый у подъезда.

— Да там, рабочим надо «краски» подкупить...

Через два часа.

— Включи телек. Люблю я энти бразильские сериалы до зубовой боли...

На следующий день вечером.

— Поздно уже. Рабочий день ненормированный. Так ты говоришь, жена у внука гостит? А я у тебя тут вещи застирала. Дома воды нет. На балконе белье развесила.

В субботу:

— Работаем без выходных и праздников.

Часов в семь. Стук в дверь из ванной:

— Эй, Никитос, спину потри!

— И мне.

— А че домой идти? Через весь город шлепать по грязи? Мы у тебя заночуем. Чай, не лорд какой.

— Не лорд, но родственник лорда, — подумал Дрюнов.

В воскресенье вечером:

— Никки, сегодня ты поспи у друзей, а то на балконе под бельем холодно уже. Мы тут у бара мужичка подцепили. Для перевоспитания. Мы дамы незамужние — нам можно.

...Минуло три месяца. Звонок в дверь.

— Никоша, у нас год гарантии. Зайдем квартирку осмотреть. В обязанности входит. А то и мужичок тот самый, помнишь, дома буянит, да и горячей воды нет. Для справки: жена твоя дома?..

Рассказывал Лева:

— Дочь недавно в Эмираты летала по турпутевке. Вернее... Да нет... Всё правильно в Эмираты... Летала... А обратно — приползла. Кое-как.

Еще в самолете выяснилось, что на каждое место претендуют по три пассажира. Турфирма таким образом сэкономзила на билетах.

Поэтому сидели по очереди. Друг у друга на коленях. Кто-то даже у пилотов. Кто-то — на унитазах в туалете. Кто-то вздремнул на спасательных жилетах в проходе.

Одним словом, как-то долетели до пункта назначения.

С аэропорта посадили в автобус и повезли в отель. И тут вскрылось, что гостиница даже не оплачена. А фирма, которая продала турпутевки, на волне кризиса обанкротилась. Директор ее сразу же исчез в неизвестном направлении с содержимым сейфа.

У наших всех паспорта изъяли. И сказали:

— Будем в рабство продавать. По частям.

Обычная практика. А в этом Арабистане даже нашего консульства нет. Там, кроме песка, совсем ничего нет.

Дело безвыходное. Почти.

Чудо, что у друзей дочери, работников нашенской таможни, оказались в заначке баксы. Нелегально провезли в

трусах, гольфах и внутри (*справки у Левы*). Через местный кордон. Ворон ворону глаз не клюет. Ведь так?

Короче, наняли они каких-то то ли бедуинов, то ли туарегов, то ли тигуанов и втроем вместе с моей дочерью на верблюде через пустыню добрались до столицы Египта (*вам будет понятно, если вспомните похожий фильм с Джеки Чаном и двумя девицами в Сахаре, прим. автора*).

После Египта сухогрузом через Гибралтар и Северное море в Гамбург («сухогрузом» — в смысле, в вольерах с буйволами вместо сухого корма). И только оттуда электричками и поездами до Минска, как вьетнамские нелегалы. Ну, тут уже проще. Всё-таки СНГ. Словом, получилась кругосветка.

А остальных «дуристов» до сих пор выцарапывают из-за границы разными путями. Тоже частями. Поэтому...

Поэтому сейчас, случись ей куда-нибудь еще собраться на отдых, я приду в соответствующее турагентство и честно скажу: «На время поездки ваш директор вкупе с бухгалтером будет находиться в залоге. В сейфе "Дуби-банка". А в этом мне и Квартет поможет. Правда, Сашок?»

Что к этому добавить? Однажды Кисельков поменялся паспортами с однокашницей — во время получения стипендии.

Выяснился сей досадный факт только при регистрации в аэропорту. Шуран, само собой, заскандалил: единственный раз вылетел на студенческую конференцию по охране природы и на тебе конфуз!

Но тут рейс отменяют.

Кисельков подумал: «Во, чудеса! Есть еще справедливость на свете!».

Оказывается, у какого-то шведского дипломата во время фуршета по пьяни тоже паспорт обменяли. На справку об освобождении. Брудершафтился-корешился с кем-то.

Попросил ГенСеК (в миру, Геннадий Сергеевич Клепиков, декан химического факультета) как-то Киселькова проводить профорга Зулягину на форум в Екатеринбург. С железнодорожного вокзала. Поезд назывался «Москва — Тюмень». Проходящий. Через Пермь. На билете шестнадцатый вагон помечен. Стоянка десять минут.

Можно, конечно, было и обычной электричкой профорга отправить. Но это ж не тот комфарь, да и отходит она рано утром. А на «скором» да в мягком — самый шелк!

Сидят Шуран с Зулягиной в зале ожидания в динамик справочной вслушиваются. Но шум такой — ничего не разобрать. Наконец, доносится сквозь гул обрывок объявления: «...Москва-Тюмень прибывает на четвертый путь главного направления. Стоянка...».

Пора! Выходят на платформу, а там уже названный состав стоит под парами, их дожидается. До отправления всего-ничего. И нумерация вагонов с начала поезда, то бишь до шестнадцатого еще бежать и бежать.

У профорга Зулягиной, как и у других доцентов, нервы никудышные. Она в панику: не успеем, дескать, дохромать до места. А если состав уже раньше подошел и досрочно отправится? А вдруг время неправильно на часах отображается? И всё прочее. Да и килограммов в ней сто двадцать, не пушинка летать по воздуху. Нагнала такую «мистерию»!

Короче, бегут они вприпрыжку до конца состава. Кисельков то за руку ее тащит, то сзади в торс пихает. В зависимости от ситуации. Ну, а уж скарб профорга само собой на себе тащит, хотя не скажу, что он шибко тяжелый. Но объемистый (якобы один доклад).

Прошло несколько минут мучительнейшего кросса.

Вот, кажется, и всё. Допрыгали. Тучочки он, шестнадцатый! Заветный!

Проводницы, по обыкновению, не было. Как и платформы — закончилась на пятнадцатом вагоне. А ступеньки оч-ч-чень крутые!

Стал Шура Зулягину в вагон заталкивать. Сверху двое мускулистых мужиков за руки тянут, снизу он корячится, грыжу зарабатывает. Насилу заволокли. Пока васькались, на соседний путь тоже состав подали. Тут и проводница объявилась. Билеты проверять.

Проверила!! Оказывается, на встречный поезд «Тюмень-Москва» загрузились, который чуть раньше прибывает. На третий путь. И идет в обратном направлении, то есть из Екатеринбурга. Вывеску на вагоне, которая и ввела в заблуждение, по всей вероятности, забыли заменить на правильную. Стечение обстоятельств, не иначе!

А нужный поезд уже стоит точно напротив, только шестнадцатый вагон в голове состава, то есть там, откуда припрыгали.

Что же делать, что делать?

Кое-как спустили Зулягину обратно на платформу. Чуть автопогрузчик не пришлось вызывать.

— Не дойду! — заупрямилась она. — Давай, лучше в первый вагон поднимемся. И по составу пройдем.

Проводница посоветовала:

— У вас еще уйма времени. По платформе быстрее дошагаете до места.

— Нет, давай, по вагонам. И всё! — отрезала профорг.

— Хорошо, как скажете, — смирился с очевидной глупостью Кисельков.

Сами понимаете, по поезду гораздо ж сложнее передвигаться: то подошвы чьи-нибудь потные со второй полки в зубы заедут, то в тамбурных переходах чуть не провалишься в зазоры между вагонами, то обругают грязно за отдавленные босые смозоленные пальцы, то кипятком обварят из стакана или уши занавесят горячей лапшой быстрого приготовления.

Но потихоньку всё-таки добрались до вагона-ресторана. А он закрыт. На перерыв. Естественное препятствие.

Села Зулягина на краешек чьей-то постели. Пассажир спит сном праведника.

— Передохну малость.

— Я пойду, — затоптался в нерешительности Кисельков, — тем более, что объявили отправление.

— Иди, — мотнула головой профорг. — Как-нибудь доковыляю сама. От тебя всё равно никакого толку нет.

Половину пути (выяснилось впоследствии) она сидела на уголке сиденья того самого пассажира, приходила в себя после скачек. А другую половину ковыляла до своего законного места. Тут и сказке конец, в смысле, станция назначения.

А еще аспирантка Жанна Корзухина рассказывала, как она однажды на «скором» махнула до Москвы.

По пути, в Кирове, ей должны были официальный отзыв на диссертацию передать с проходящего мимо поезда «Москва — Новосибирск». Сам академик Рузвелин!

Составы остановились рядом. Вагоны тоже друг напротив друга.

Академик, несмотря на свои семьдесят пять, очень галантным кавалером оказался. Обнимал, прижимал к сердцу. Что касается Жанны, то она — известная смазня.

Так вот, пока она головой вертела, ориентацию совсем потеряла. А, наверное, еще и из-за отзыва. В нем ее за рядовую в принципе работу так расхвалили, хоть сейчас нобелевку выписывай. Или две. Оптом...

Поезда двинулись синхронно. Она прыг в вагон, академик со свитой — соответственно, в свой. Воздушные поцелуи взаимно посылают. Опомнились только, когда отъехали. Поезда перепутали.

Жанна, конечно, на стоп-кран. Всё-таки бой-аспирантка.

А те, интеллектуалы, — так и перли до следующей остановки в Нижнем Новгороде в общем тамбуре. Там потом все на нижегородской ярмарке и повстречались.

Никогда не надо так девушкам головы «вскружать», особенно, аспиранткам. Особенно, академикам!

14³⁰

— Оксана, Оксана, — восторженно повторял в уме Бодуненц, торопясь домой на обед мимо заветного подъезда. Но прекрасное видение так и не появилось. Впереди была вчерашняя гороховая каша с постным маслом.

Музян пожевал губами:

— Вчера полпенсии в парикмахерской оставил.

— Ну ты известный Дон Жуан.

— Не поэтому...

Молик продолжил:

— Бодро расправляю непослушную шевелюру и захожу в салон.

— Сделайте из меня Лесли Нильсена, такого же красавца.

— Сделаем лучше Шона Коннери, — уверенно пообещала мастер.

— Скандальный клиент, — шепнула она напарнице. — На таких только невроз зарабатывать или ишемию.

— Используй седьмую заповедь парикмахера, — подсочувствовала подруга.

После этого совета девушка так затянула фартук тесемками на шее, что у Музяна сперло дыхание — чтобы меньше выступал — не на собрании в ЖЭКе.

Музян побагровел, стал судорожно хватать воздух и мог только мычать.

— Какие виски будем? Прямые? Косые?

— Э-э-э.

— Понятно, прямые...

— Такую длину волос оставить?
— Э-э-э.
— Понятно, оставить...
— Освежить?
— Э-э-э.
— Понятно, освежить...
— Самым дорогим одеколоном — французским?
— Э-э-э.
— Понятно, им...
— Укладку с покраской будем делать?
— Э-э-э.
— Понятно, будем...
— С вас тыща четыреста тридцать.
— Э-э-э.
— Понятно, без сдачи...
— Взять деньги в кармане плаща?
— Э-э-э.
— Понятно, в правом....
— За что деньги отдал, ума не приложу. По всем признакам — был в полубессознательном состоянии.

Жил у нас в третьем подъезде заядлый грибник Васек. Большой знаток и любитель «тихой охоты». С конца июля по октябрь его всегда увидишь по утрам с пустой корзиной, а вечером — с полной: белых, груздей, рыжиков. Очень завидно мужикам стало.

— Где грибы собираешь? Поделись с коллективом секретам мастера.

— Да в районе станции Григорьевская, у деревни Пузята. Всегда туда езжу. У меня там родня. Шурин. Грибов — экскаватором!

— Верим. Но не до конца. А чтоб развеять сомнения в твоей искренности, возьми нас, сердешных, с собой. Один разок, для пробы! — подначил Люлипупенко.

— Ну что, братва, махнем за сыроегой? — кинул он клич среди своих.

— Сейчас опять пошли. Люблю я их, собак, пожарить!

— А я — замариновать.

— Буду сушить в духовке на зиму.

— Сушеные грибы — это да! Во, цимес! Смачняк отпадный! — подтвердил ветеран закуски Малярчук.

Наутро вся компания собралась на железнодорожном вокзале.

У Васька и двух его друзей — корзины, причем, у соседа самая большая. Наверное, из ротанга. У наших мужичков поскромнее: небольшие ведерки, сумки, но в основном, полиэтиленовые пакеты. Один Музян без всего, вернее, с малюсеньким пакетиком от косметики «Диор».

— Ты думаешь, тебе такого пакетика хватит? — недоверчиво спросил Люлипупенко.

— Я, если что — в карманы рассую. У меня их много.

И из одного торчит бутылка. Сразу видно — профессионал.

Через полтора часа тряски вот она — станция Пузята. Народу на платформе с корзинками видимо-невидимо.

— И что мы тут найдем при таком стечении людей? — скептически спросил Музян.

Да, корзинки-то у всех были почти пустые. Но лица довольные.

— На охоте главное не добыча, а сам процесс, — приободрил всех Кисельков.

На остановке компанию встретил васьковский шурин Паша, этакий Дормидонт. Повел наискось по тропинке к лесу-нелесу. Рожица такая компактная.

— Че тут найдешь? — снова захныкал Музян.

— Это он только с виду зело маленький, а внутри огого! — развел руки Паша.

— Не бреши! — не поверили хлопцы.

Зашли с краю от дороги. Сразу откуда-то из чащи появились двое. Плачущими голосами они спросили:

— Граждане, вы наших жен не видели? Одна в красном свитере, другая — в... тоже в красном.

— Нет, ребята, мы только что с электрички, ваших не встречали.

Дальше — больше.

Идет какая-то мадам с безмятежным выражением лица. Бодренько так. В обратную от станции сторону. Корзинкой помахивает с двумя шляпками вешенок на дне. И блаженной улыбкой на лице. Очевидно, что свою миссию она уже выполнила.

— Женщина, вы куда идете?

— Куда-куда? Куда надо, туда и иду — на станцию, вестимо.

— Так она ж в противоположной стороне!

— Неправда! Я никуда с тропинки не сворачивала, всё вдоль нее грибы собирала, — заупиралась краля.

— Ну ваше дело! А наше — предупредить.

У ребят проснулось сомнение:

— Паша, места-то точно знаешь?

— Я, чай, здешний — не первый раз «замужем», — обиделся Дормидонт.

Со всех сторон «ау-ау» — слышно. Весь лес ходуном ходит.

Внезапно из кустов возник седовласый мужчина:

— Ребята, вы пса не смекали? Собака потерялась, сенбернар?!

— Смекали, — припомнил Васек. — Вчера на вокзале у справочной бегал. Без намордника.

— Три дня назад под елкой оставил. И конец!!

Через минуту показался какой-то взлохмаченно-небритый колхозник. Жадно засопел, уставившись горящими глазами на жевательную резинку, которую перемалывал челюстями Кисельков.

— Мужики, дайте че-нить пожрать, — неделю во рту маковой росинки не было. Деревню родную никак найти не могу!

— Не по адресу. Мы ни росинкой, ни соломкой маковой не располагаем

— Блин, я дальше не пойду, буду тут собирать около дороги, — заскулил Музян.

Да уж и не до грибов вовсе.

— Славик!.. Славик!.. Славик! Где ты? Только отошел за кустики и сгинул, — с плачем выскочила женщина.

Словно из ниоткуда появились две зареванные мадам: одна в красном свитере, другая — в... тоже в красном. Взмолились:

— Мужчины, вам наши супруги не попадались?! Один в синем жакете, другой — в... тоже синем?

— Было дело. Примерно час назад. А они вас там ищут, — указали ребята им направление поиска.

— Да, а мы их уже месяц, как потеряли!

— Хлопцы, только не бросайте меня, все долги отдам, — заплакал Музян.

— Без пол-литры нам путь до станции не найти, — сообразил Арнольд. — Молешот, вроде она у тебя из кармана торчала?

Васек открестился:

— Не пью — язва.

— У меня норма — два глотка, — это слова первого друга Васька.

— А я — чуть-чуть (*две «чутки» — $30 + 30 = 60$ граммов, прим. автора*), — второго друга.

— Ну, а мы все до упада, как обычно.

Так вот этот «Чуть-чуть» объявился на следующий день. «Два глотка» нашли через неделю на границе со Свердловской областью, в двухстах километрах точнее. «Не пью» перестали искать, правда, по телеку показывали передачу про снежного человека в горах Южной Америки. Заросшее такое чудище. Примечательно то, что в лапах у него была корзина, сильно напоминающая корзину Васька.

Вадику на ум пришел один случай...

Как-то вдруг быстро смеркалось. Был теплый летний вечер. Малярчук, хватив норму, прикорнул у дерева, привалившись к стволу. Люлипупенко, как всегда, лежал на траве в полной отключке. Шуран и Вадик сидели в обнимку на скамейке под акацией. Музян пока держался на дрожащих ногах. Евсеич дочитывал газету. Точнее, делал вид, что дочитывает, а сам спал. Да, еще был Гуньдюк. Вернее, громко сказано был. Правильнее сказать — не был. Как и Люлипупенко обнимал почву.

Вдруг вечернее небо озарилось хороводом разноцветных огней.

— Опять салют что ли по случаю дня нефтяника? — вслух подумал Шуран.

— Или газовика, — откликнулся Вадик.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не салют. На баскетбольную площадку приземлилась тарелка. Самая настоящая. Суповая. Только размером раз в десять больше. Спустился автоматический трап, и из недр агрегата высыпало стадо невысоких человечков с ушами и носами дудочкой. Они разделились на две группы и бросились к пацанам. Первая с невообразимым визгом схватила Малярчука и откантовала в люк. При этом человечки пищали «Хмелус Старус» или что-то похожее.

Не успела братва опомниться, как из цепких объятий Вадика и с воплем «Бодунс Квасус» вторая группа нлюитян (а это были именно они) выхватила Киселькова и потащила следом за Малярчуком. Земные ребята моментально протрезвели:

— Киселя не отдадим!

И ну поливать пришельцев остатками пива. Хотя его и было жалко.

Не очень-то непрошенным гостям этот душ понравился. Заискрило где-то в их контактах.

— Как? Что за борзота? Разваливать компанию?! Не милиция ведь, никто права не давал!

Вадик схватил какой-то кол, а Музян — детский совочек из песочницы. И лишь Люлипупенко без оружия пополз по-пластунски. Хватал инопланетян за ноги. И мешался пацанам под ногами. В большей степени.

Завязалась неравная борьба. Причем, те пуляли лазерными лучами и даже один раз попали в ногу (в носок ботинка) Музяна. А Евсеичу шляпу прожгли в четырех местах. Пацаны отступили. Но не насовсем. Исключительно для перегруппировки сил.

— Буду заползать с тыла, — сказал Гуньдюк, не вставая с травы. — Вы, четверо (имелись в виду Дулепистые и Музяны) — спереди. Катите Арнольдов вместо бревен и прячьтесь за ними.

К тому времени Люлипупенко опять отрубился, и иначе, как катить его, по-другому бы не получилось.

Ну, с богом! Братва предприняла решительную контратаку.

Тактически всё было задумано грамотно, и ребятам удалось окружить неприятеля вместе с тарелкой.

Особенно пригодилась детская рогатка (нашли на земле), из которой Гуньдюк стал стрелять обильно смоченной жевательной резинкой из положения лежа с упора головой. При этом извел весь боекомплект — целую обойму новеньких подушечек «Стиморола» с мятным вкусом.

Музяну удалось создать дымовую завесу из раскуренной пачки «Примы».

Никотин еще, как выяснилось, и боевое отравляющее вещество. И не только для землян. Но в большей степени и для инопланетян. Тем он очень не понравился. Очень! Схватка продолжалась, казалось, целую вечность (как потом выяснилось, минуты полторы).

Отличился опять же Вадик Дулепистый: он хватал бусурманов за хоботы дудочкой и с силой зашвыривал

на ветки деревьев. Или дул в растопыренные уши из игрушечного саксофона. Это их вырубало надолго.

Не выдержав дружного натиска, противник отступил. Панически. Бросив на поле боя Киселькова, несколько лучевых пистолетов (до сих пор лежат дома у пацанов для самообороны, правда, батареек к ним в магазинах даже на привозе не достать) и трап. Вадик потом отвез его на дачу в яму за картошкой спускаться. Легкий, как пушинка, и прочный. Не иначе, нанотехнологии...

Инопланетная тарелка газанула и растворилась в киберпространстве.

Одно плохо: не успели хлопцы внутрь попасть — вытащить Батумыча наружу.

— Пропал навеки, — всплакнули мужики...

...Малярчук появился также внезапно, как и исчез. В час ночи, причем абсолютно трезвый. Настроение у него было подавленное (правильнее сказать, паршивое).

О своих приключениях рассказывал скупю.

— Провел лет десять в инопланетных застенках. Испытания нечеловеческие. Хуже, чем у нас в урологии. Три последних дня капли влаги в гортани не было. Хотели взять измором. Повезло. Там, оказывается, тоже есть типа гаишников — нлоишники. При очередной перевозке остановили тарелку на каком-то астероиде.

— Что везете? Где накладная? Где путевой лист?

Те врассыпную. Браконьерами оказались или контрабандистами — сейчас неважно. Эти изучили материалы задержания и первым попутным рейсом на Землю.

Отпустили с миром. Напоили до безумия какой-то гадостью. До сих пор выворачивает: типа нашей тормозной жидкости. Сказали: «Для восстановления сил».

Пить, наверное, больше не смогу.

— Вспомни еще хоть что-нибудь, Батумыч!

— Кажется, были на нескольких разных планетах, всё по каким-то исследовательским центрам и диагностичес-

ким лабораториям. Разбирали, как говорится, по винтикам. Промывания опять же всякие. Хуже, чем у Левы на кушетке.

— Придется проводить сложный этап восстановительной реабилитации, — решили пацаны.

Единственная, кто «обрадовалась» возвращению — это жена, потому что Малярчук появился ночью абсолютно трезвый:

— Где был, кобельщик?

— У инопланетян.

— Сейчас проверю: а ну, скажи быстро «панэпидемиология».

«Самой-то не выговорить, даже по трезвяку», — подумала жена Батумыча.

Но Всева продекламировал всё слово без запинки.

— А почему ни в одном глазу?

— Не поили, вот почему!

— А не у Аньки ли из первого подъезда пропадал?

И давай лупить, чем попало. А это она, как мы знаем, умеет в совершенстве.

Потом назойливо всякие «Рен-TV» и уфологи донимали, всё выпрашивали. Но Малярчук дал обет молчания. А то жена снова привяжется с этой Анькой.

На лавке под бузиной, уперев руки в боки, в позе хозяина восседал Никеш, остальные толпились подле. Всем своим видом он как бы сиял — сегодня я щедрый. У него доченька за аглицким лордом в замужьях. Скоро должна приехать с зятем. По окончании ремонта. Как в прошлом годе... И братва погрузилась в воспоминания.

Наконец-то радостная новость: дочь с внуком и зятем-лордом прибывают знакомиться с Никешем. Жена-то

там у них в Лондоне уже пару раз бывала. Без Никеша, правда. Вдвоем — дорого. Его одного не отпускала: потеряется в момент в Тауэре каком-нибудь или пресловутом «Гайдн-парке». Фотографии со свадьбы через интернет отправила.

Зять во фраке, в смокинге, с тростью из слоновой кости — всё по рангу!

И вот Никеш (дождался-таки!) встречает зятя лорда. Дочь с внуком прибыли раньше. Она сейчас леди Хидроу.

Зять малость задержался и должен был прилететь чартерным рейсом из Гамбурга — там он решал какие-то бизнес-дела.

Никеш организовал духовой оркестр с завода, чтобы встретить, как полагается. Не всех, однако, удалось собрать по частям после вчерашнего банкета. Так, отдельные личности, кто смог еще держаться на ногах.

Решил: «Подключим своих ребят (Музяна, Арно, Киселькова). Само собой, Вадика Дулепистого».

— Не облажаемся, — заверил Музян.

Приходится ему, естественно, верить, старому трубачу-горнисту, кажись, еще с Первой конной. Да и фамилия у него музыкальная как-никак.

Люлипупенко когда-то (с его слов) в далекой юности на скрипке играл, а до того на балалайке в сельском клубе — будет на флейте. Вадика Дулепистого — на большой барабан — у него хорошее чувство ритма. Когда убегает от жены по лестнице, слышно: синкопирует. Поверяет тактом каждый шаг. А двигатель! Приложит ухо к глушителю и говорит: «Троит». Троит он сам! Причем, постоянно.

Кисельков? Тот музшколу в детстве закончил по классу домры, настоящий виртуозавр. Станет на тарелках брэнчать (оказывается, он дома посуду моет! Жена обязала. Значит, не привыкать).

— Грянем «Встречный марш»!

Слегка репетнули. Вроде ничего для первого раза.

Усадили всех в автобус и напрямик до аэропорта «Большое Савино».

Вышли на воздух. Прохладно как-то. Не лето...

— Никеш, дай плотнуть чего-нибудь. Промерзли ведь все до костей, — взмолился капельмейстер Музян.

— Да, откровенно говоря, я и сам продрог, — сжалился Никеш.

Вжахнули по одной. Вроде полегчало.

— Ну что? Репетнем напоследок?

Сыграли. Кто в лес, кто по дрова.

По трезвяку точно не получается!

— А ну, давай, братва, налегай на водяного. Для куража.

Причастились основательно... Снова повторили.

— Вот теперь в масть! — обрадовался Дрюнов. — Без фальши.

Такой музон забубенили. Обалдеть! «Харе Кришна» отдыхает.

— Вольно! Всем отдохнуть, собраться с силами, — дал отмашку Никеш. — Еще минут пятнадцать до посадки.

Все расслаблено присели.

Музян по-тихому семечки лузгает, чтобы время убить. Люлипупенко с Вадей в дурака режутся. Шуран конспекты листает. Остальные никотином балуются.

Раздался гул, и с неба на взлетную полосу вырулил красавец «Боинг».

Никеш предварительно договорился с администрацией аэропорта. Разрешили встретить зятя прямо на взлетно-посадочной полосе. А на поле ветер! Шляпы сносит. Но идти надо.

Девелопментыч с роскошным букетом цветов впереди всех снует. Остальные с духовыми инструментами на изготовку сзади пристроились. И вот подкатили трап. Все застыли в нетерпении...

Первым вышел мужчина в сером плаще с поднятым

воротником, черных очках и дипломатом. Вылитый Джеймс Бонд.

— Референт, — догадался Никеш.

— Хидроу? — спросил Музян у мужчины, когда тот с ним поравнялся.

— О, йес. Ви а ол фром зэ Ландон'с запот Хитроу (*О, да. Мы все из лондонского аэропорта Хитроу — англ.*).

— О, да, все мы вместе с лордом Хидроу из Лондона, — перевел Кисельков с английского дословно. — Правда, немного вспотели!

Мол, как у нас англичан с вами, русскими, без запарки? Да и погода у нас, пожалуй, потеплее, чем на туманном Альбионе.

— А, это?..

— Секретарша! — остолбенели мужики, увидев спускающуюся кинодиву с ногами от ушей.

Затем выкатились четыре квадратных затылка.

— Охрана, — прокомментировал Музян.

...Парень в джинсах и спортивной куртке с девахой тащили баул.

— Скрытая охрана, — добавил Дулепистый. — Секьюрити.

И, наконец, собственно он — лорд Хидроу. Во фраке, цилиндре, белых перчатках, с тростью. Холеные усики. Всё, как полагается. Точно с фото в инете. Как там, у Пушкина: «...денди лондонский одет»?

— Сэр Хидроу?

— Йя! Йя! (*Да, да — нем.*).

— А ну, грянули, — скомандовал Никеш.

И братва до красноты раздула щеки.

Никеш вручил букет лорду и:

— Хау-ду-ю-ду, сэр Хидроу. Хау воз зэ флай? (*Здравствуйте, сэр Хидроу. Как прошел полет? — англ.*)

— Воз летел отлично, — ответил лорд заранее заученными русскими словами («воз» — в смысле, самолет, прим. автора). А про себя подумал:

«Как дую, куда, зачем?»

В целом, слабовато для самостоятельности (о музыке), да и юморок какой-то солдафонский, но ответить надо по-другому:

— Да и в дуду вы дуете замечательно...

Для справки: Серж, в смысле, Сергей Хитров — иллюзионист. Участвовал в конкурсе фокусников в Германии и по-английски ни бельмес.

Почему во фраке? — Не успел снять реквизит. Прямо с концерта. Еле попал на регистрацию.

Вот как встречают земляки! С пермским юморком! С цветами! С оркестром! И это всего лишь за «почетное» предпоследнее место. Хочется промокнуть слезы!..

Думал: освищут с позором. А тут. На тебе! Буквы только главный не все выговаривает, видать, давно у дантиста не был.

А Никеш отметил: «По-русски произношение неплохое, на троечку, но половину слов не понимает, чертяка!»

Стали загружаться в автобус.

— Камин! (*come in — заходите — англ.*) — воскликнул Кисельков и поманил лорда рукой. — Камин!

Серж лихорадочно стал оглядываться по сторонам: какой камин, то ли в подарок ему, то ли спрашивают, где он? А куда он делся и откуда тогда его взять?

Тот секьюрити в джинсах прошмыгнул мимо оркестра, когда Музян искал, куда бы выкинуть шелуху от семечек.

— Сорри! (*извините — англ.*) — небрежно бросил он.

— Разрешаете прямо тут?

— Сорри! — повторил парень, блеснув глазами.

Вероятно, он лучше знал, что можно, а где нельзя.

Вскоре все разместились в стареньком в «ПАЗике».

Никеш мигнул водителю: «Газуй! А мордастая охрана сзади на джипах сопровождать будет». И слегка кивнул качкам. Одну только скрытую охрану впустили — настырной оказалась, что ж понять можно — их работа. Те

уселись, как и предусмотрено инструкцией, на заднем сидении и за всем исподтишка наблюдают.

Автобус тронулся... Дорогой пару раз останавливались воздухом подышать и отлить лишнее.

Зять ничего оказался. Заводной. Пил на равных. Между делом совсем с русским освоился. И даже смирился с «зятьком».

По мобильнику позвонила жена:

— Вы где там шлындаете, покемоны? Где лорд?

— Везем, везем! — с подъемом отвечал Никеш. — В целости и сохранности!

— Не нравится мне эта скрытая охрана, — жарко зашептал Люлипупенко. — А не навалить ли им авансом? Вишь, какие бросают взгляды. Все веселятся, а они...

— Они честно выполняют свою работу! — осадил Арнольда Никеш и погасил в корне назревавший конфликт.

Однако Музын рьяно поддержал Люлипупенко, потому что слышал, как секьюрити, бросая взгляды в его сторону, тихо обменивались между собой мнениями «...импотэнт, импотэнт. Коз стар...» (*важно, важно. Крупная звезда — англ.*)

Молик принял естественно это на свой счет:

— Я вам покажу «старый козел»!

Никеш насилу остановил забияку апперкотом в челюсть снизу. Попутно отоварил ногой в ухо Арнольда — для профилактики.

— Ну как моя «коронка»? — спросил Никеш у лорда. Всё-таки Англия — родина бокса.

— М-м-м...

— То-то! Вижу: понравилось!

Проезжая мимо цирка, зять вдруг заерзал. Типа, на выход надо.

— Рано, сэр Хидроу. Рано.

Но тот ждать не стал — выпрыгнул на ходу и кинулся во дворы, знамо, сильно приспичило.

— Давай за ним! Прогагарите! — крикнул Никеш и вытолкнул обоих секьюрити вместе с сумкой. Те ошалело завертели головами, понятно, не сориентировались еще на местности. Но побежали вслед (а как не побежишь, если братва мечет молнии).

...Сергей Хитров внезапно понял — принимают за кого-то другого. Какая-то нетрезвая тусовка веселились в автобусе всю дорогу. Называют Сэром, а не Сергеем. Фамильярно так. Особенно обидным показалось Сергею, когда один сопляк, которого все называли Шураном, вдруг обратился к нему:

— Сит даун, плиз! (*Садитесь, пожалуйста — англ.*)

— Сам ты, даун! — оскорбился Сергей. — Сит?!

— И ничего я не обмочился в штаны! — но тихо так, чтоб те не слышали.

А те и не слышали, потому что при слове «плиз», которое они расценили как «пли!», стали стрелять в потолок салона пробками от шампанского.

Нет, надо уносить ноги от таких фанатов, а то навешают звездюлей — не поморщатся. И чем раньше, тем лучше...

— Сейчас вернутся, — успокоил Никеш. — Попудрят носики в кустах — и вернутся.

Долго ждали того и других. Свечерело. Звонит жена:

— Лорд уже давно дома. А ты где, чума неандертальская?

— Как дома?

— Пешком добрался.

— В таком наряде? Повезло! Пехом через весь город? От цирка? Ловко! Ничего не скажешь. Решил, очевидно, с городом поближе познакомиться. Хорошо, что фрак с брюками по дороге не оснимали. Пруха.

Зять по-английски потом рассказывал (дочь перевела):

— Бомжи какие-то в автобусе привязались — еле ноги унесли. Следы запутали. Почти как в Лондоне. От панков. Хорошо, хоть попутчица город знала...

— Погнали домой, — сказал Никеш водителю.

И только дома в зяте Никеш узнал щуплого пацана «секьюрити», помогавшего тащить сумку попутчице.

— А где другой лорд? Однофамилец во фраке? И кто тогда рядом с зятем был? Что за секью-деваха?..

— Профессор Куница из Академии. Возвращалась с симпозиума. Он как истинный джентльмен и помог даме огромную сумку с докладом донести.

— Кто ж мог подумать, что профессору Кунициной лет двадцать пять — тридцать. Вундеркиндша, не иначе!

Никеш поманил пальцем Гагулька.

— Виталяй, на пятахатку и живо за горячим! Для всех.

— А сдачу?

— Сдачу — на пиво. Танцуем все.

— Будь сделано! — быстрыми шагами, почти бегом воодушевленный Витек испарился за углом дома.

— Пока перекур. Расслабляемся, расслабляемся, товарищи, — захолопал в ладоши Никеш. — Ну, какие новости в мире?

Витек появился также быстро, как и исчез:

— Не дали, мутовки, водки — сказали: нет восемнадцати.

Никеш хрюкнул:

— Согласен восемнадцати нет, а больше — есть. Сомы, сходите с ним.

Витек в сопровождении Левы и Музыана снова двинулся в чипок.

И пропал на веки вечные.

Куда эти сомцы подевались? Отправить Люлипупенко? Это совсем трындец. Тогда не жди ни водки, ни денег, ни Люлипупенко.

Маярчука? Пока доползет, наступит утро следующей недели новой эры.

— О, Дулепистый — вот его можно. Он парень фартовый. Не подведет.

— Вадя.

— У?

— Сходи, проветришься — отыщи этих... как помягче выразиться, чемберленов.

— Уже ушел.

Пропал и Вадик. Всё! С приветом! Гутен морген!

— Три тысячи чертей! Батумыч и Арно, ждите меня тут — пойду этих растягаев выловлю, — и Никеш сам отправился до чипка.

Странно, но в нем никого не было.

Тусовались, конечно, некие мутные личности. Из созвездия бражников. Так, мелкие гопарьки.

Никеш спросил у чипочницы:

— Моих хлюстов не было?

— Были. Взяли на полтыни всякой белизны и отправились в родные пенаты, — посочувствовала Светик.

Никеш обошел чипок — нету архаровцев. Забежал во двор — опять никого нету. Куда ж они делись, бедуины. Не чипок, а «Бермудский треугольник» какой-то!

Снова НЛЮ, что ли?

— Любезные, никто моих орлов не бачил? — обратился Никеш к бражникам.

— Нет, нет, никаких орлов не знам.

— А если так? — показал угол полтинника Девелопментыч. Проверенное средство!

— Всё равно не знам.

Но один, самый старый подмигнул еле уловимо Дрюнову краем глаза: «Чувак, отползем в сторонку».

Никеш, соблюдая конспирацию, проследовал за угол чипка. И там стал дожидаться мужичонку.

— Вот, что я тебе скажу, мил человек, — раздался хриплый голос за спиной Никеша. — Вали-ка ты отсюда, пока жив-здоров, подобру-поздорову.

— Я не из боязливых, — напрягся жилами Дрюнов.

— Замели твоих напарничков какие-то носяры в «буханке». Больше ничего не скажу, потому как сам еле утек в канализационный люк.

— Надо звонить Раулю, — понял Никеш. — Номер его должен быть в записной книжке мобильного.

На дверях третьего подъезда с вечера висело объявление «С 10 до 18 электричество будет отключено».

Частный детектив Рауль Комаров мельком осмотрел дверь. Он пришел домой на обед. Детектив попытался открыть домофонный замок. Тот ни в какую не поддавался.

— Опять чип окислился, — догадался детектив и стал усиленно сдирать пылинки с контактной поверхности. Но домофон всё равно не реагировал. Рауль продолжал елозить «таблеткой».

Подошла фройлен Марина.

— Не работает. Электричества нет, — сказала она.

— Вот ведь, совсем забыл! Объявление еще утром читал, — хлопнул Рауль себя по лбу. — На дверях.

Комаров подошел к лифту. Стал лихорадочно нажимать кнопку вызова. Никакой реакции.

— Вот еще лифт полчаса жди! Знать, катается какой-нибудь, лифтогонщик.

— Не полчаса, а, по крайней мере, еще часов пять, — уточнила, поднимаясь мимо по лестнице, Марина.

— А верняк! Знал бы — вообще домой не пошел обедать, — огорчился Рауль. — А то еще ползти на девятый этаж, булочки в СВЧ-печи разогревать.

«И это известный детектив», — подумала Марина.

После обеда Рауль вернулся в свой офис (частное детективное агентство «Рауль»). Нужно было расследовать запутаннейшее дело. Улик — ноль. Свидетелей — пшик. Да уж, задачка!

В дверь протиснулся невзрачный человечек.

— Недавно в банке работаете? — не поднимая глаз, задал вопрос детектив.

— Как вы догадались? — откинул губу посетитель, не успев поздороваться.

— Жена, двое детей, автомобиль «Тойота Камри».

— Вот это да! Пермский Эркюль Пуаро!

— В чем-то соглашусь, — ответил Рауль, прикрывая папкой анкету, присланную по факсу секретаршей.

— А догадаться несложно: вы в пока еще выглаженном костюме и невыцветшем галстукке, значит, работаете недавно. Лицо гладкое только с правой стороны. Следовательно, жена отобрала зеркало, не дав выбриться дочиста — детей нужно собирать. Сына — к первому уроку в третий класс школы, дочь — в старшую группу детсада. Ну и для такой большой семьи «Камри» — самый подходящий автомобиль. Всё проще простого. Кстати, его госномер... Пойдите, угадаю... Х375ЛА.

— Точно! Но как?

— Ну, это профессиональная тайна, — ухмыльнулся детектив, закрыв досье на посетителя с фотографией авто на первой странице...

Следующим посетителем детективного агентства был доцент Вивасов. Он никак не мог смириться с мыслью, что какой-то хмырь замочил ему в бубен традиционно и ко всеобщему ликованию кочаном капусты (см. ниже с. 179).

— Давно в классическом университете на химфаке доцентом?

— Лет двадцать. А откуда вы знаете? — неподдельно оторопел Вивасов, поздоровавшись.

— Жена, четверо детей, автомобиль «Дэу Матиз».

— Точно! — стал оглядываться вокруг себя Вивасов. — Вот это да! Пермская мисс Марпл!

Это сравнение не очень-то понравилось Раулю. И он дал отмашку секретарше: «Отставить, кофе».

— А догадаться несложно, — нехотя пробубнил он, постукивая тыльной стороной карандаша по стеклу, —

вы забыли снять белый халат, из нагрудного кармана которого торчит спринцовка. Значит — доцент. Привыкли студентам клизмы вставлять. За незнание формул.

Надо сказать, что прямо на рабочем столе у Вивасова красовалась целая линейка разнокалиберных спринцовок, подписанных по случаю «для не сдавших теорию», «для перезачета», «для переэкзаменовки». Это производило должное позитивное впечатление на нерадивых студентов.

— Халат весь в дырках от реактивов, следовательно, работаете давно. Лицо выбрито только у уха. Суть, жена отняла зеркало, не дав закончить процедуру — отпрысков нужно отправлять. Старшего — в университет, среднего и младшего в школу, мальчика — в среднюю группу детсада.

Ну и для семьи доцента «Матиз» — самый доступный автомобиль. Всё предельно просто. А его госномер... Подождите, попробую угадать... Н221КФ.

— Совершенно в точку! Но каким образом?

— О, это профи-тайна, — снова ухмыльнулся детектив.

— Всё стесняюсь спросить. Это вы не в честь закона Рауля назвали агентство? Закон такой есть в химии.

— В честь него, конечно, — на всякий случай ответил детектив. — Закон — он, что в Африке, что в химии — закон!.. Что же, слушаю вашу историю.

Вивасов во всех подробностях поведал детективу происшествие на уборке капусты.

— Усилия Киселькова при всех его стараниях оказались тщетными, — так завершил он свой рассказ.

— Сложный случай, — обронил детектив. — Проблема почти неразрешимая... Для других. Но! (он поднял указательный палец вверх) есть одна идея... Надо внедриться мне под видом студента-первокурсника на ваш факультет. А вы организуйте прикрытые...

Раскроем несколько коронных секретов детектива (естественно, с его разрешения).

Секретарша Комарова Дина вела предварительную запись приемов. К назначенному времени она подбирала информацию для Рауля по базам из рунета. Ну, а фотографию... Фотографию делала входная видеокамера. И моментальная печать бесшумного лазерного принтера.

Рауль напряг все свои мозговые извилины:

— Куда же могли деваться сотоварищи Дрюнова? Не похоже, ох, не похоже на то, чтобы его банально развели на мани.

А к чему эта странная фраза кваснюка: «Замели твоих напарников какие-то носяры в буханке».

«Носяры» — это кто? Лица кавказской национальности или люди в противогазах? — размышлял Рауль. — Так вроде учений по ПРО в данный отрезок времени не проводили.

Проверим в инете сводку последних событий в городе.

«Обрушилась сосулька, оставшаяся на крыше дома моделей на модель бульдозера».

— Не то.

«По ошибке заасфальтировали цветочный газон в сквере февральских анархистов»...

— Не то!

«Трамвай вместо маршрута №7 пустили по железной дороге — стрелку не туда перевели. Работники первой смены ехали на машзавод — попали в Питер, на завод Михельсона»...

— Не то!

А вот: «В результате спецоперации задержана банда Закопченого. Никто из сотрудников спецслужб сильно не пострадал. У участников банды в изобилии обнаружено холодное оружие, большое количество фальшивых денег российского производства (изъяты и тут же оприходованы), отсутствовали какие-либо документы».

— Что-то в этой сводке вызывает сомнение? — заныло под ложечкой у Комарова.

Рауль позвонил своему давнему почитателю таланта: Ромуальду Кремову:

— Рома, что там за заморуха такая с Закопченным? Позвонькай мне, если что надыбаешь.

— Пока не в курсах, но постараюсь выяснить, Рау, по своим депканалам.

Через двадцать минут Кремов набрал детектива:

— Твоя интуиция на высоте. Наши силовики проводили профилактические мероприятия на вверенной территории. Нужно было выполнить молниеносную показательную операцию перед вышестоящими товарищами.

А тут под боком такие возможности. Такой контент. Вокруг чипка крутится. Замели всех до выяснения личности. Контртеррористическая операция «Сигнал» в действии. Уж больно пакеты подозрительными показались. Поди, коктейль Молотова-Риббентропа (*портвейн плюс водка, плюс инапс, прим. автора*) бодяжили?

Кремов взял охранников и тут же с мигалками помчался в отделение.

...Каково же было его разочарование, когда он увидел, что в обезьяннике... сидели совершенно посторонние люди. Обычные алкоголики. А на столе у следака в избытке лежало изъятое холодное оружие — штопоры и пивооткрывашки.

— Рауль, отбой! Ниточка оборвалась. Дуй ко мне в Курью. Возьми моих оставшихся орлов и прочешите центральное гетто. Я сейчас тоже подскочу.

Детектив и Кремов встретились в особняке. Как полагается, опрокинули пару стопарей джина с тоником за встречу. А потом еще столько же виски с текилой.

— Ангажирую тебе «Мазератти Мистраль». Вместе с водителем. Разрешаю. Вот брелок от гаража.

Рауль спустился на лифте в подземный гараж Там, среди бочек бургундского и квашеной капусты (подарок

Вудрайтиса) и рыжиков, стоял новенький вишневый спорткар.

А рядом валялись все наши хорошие знакомые.

...Что выяснилось позже.

Боря Андрюков устроился на подработку в штаб партии «Народная совесть». Дали первое партийное задание — развозить после собраний членов партии по домам. Тех, которые сами дойти, а то и доползти не могут.

— Двигатель бы турбировать, — пожаловался Боря Крмову. — Не возможно в таких пробках вовремя доставлять уважаемых соратников к вечернему чаепитию.

— Как это? — спросил Ромуальд.

— Просто: баллон с закисью азота в багажник и двигатель форсировать, — пояснил Борюсик.

— Действуй! — коротко распорядился депутат.

— Ну че, братва, повеселимся, — сняв противогаз у чипка, высунул голову из «Мазератти» Андрюков. Второй противогаз стянул с головы Шура Кисельков, которого Боряшка для дегустации пригласил первым по сотику (вот вам и «носяры»).

— У меня тут целый баллон веселящего газа (закиси азота) припрятан. Оба пацана гасились этим газом, поместив гофры от противогазов рядом с баллоном.

Искушение было столь велико, что никого особо уговаривать не пришлось. Вся братва засела в «Мазератти» и погнала в гараж к Крмову наслаждаться безумием: к глушителю припал и катается со смеху, как на «Юрмалине» в Прибалтике.

— Но как ты догадался, что они у меня в гараже пасутся, сэр Эйнштейн?

— Видишь ли, Рома. Когда я услышал от бражника про «буханку», то это меня зацепило. А вдруг буханка — не тип автомобиля, а форма общения?

...Отсюда и все остальные умозаключения.

— Ну что ж, Рауль, ты еще раз подтвердил статус самого лучшего детектива и моего друга!

Вадик Дулепистый хлопнул себя по лбу:

— Кстати, я тут недавно второго лорда видел. Всё еще в Перми ошивается. Похоже, денег нет на обратный путь. Потому шабашит. В цирке подрабатывает — фокусы простенькие откалывает — научишься с горя. В том же костюме. Тоже меня узнал.

— Я как раз на выход с дочерью, смотрю — он. Я ему: «Гудбай». А его перекосило всего.

...Сергей Хитров увидел Дулепистого и всполошился не на шутку — и тут выследил, моржухай стоматитный. Помахал ручкой и так издевательски, как немцы в войну: «Гут бай...». Мол, бай, в смысле, колхозник, «хороший». Типа, «хороший бай — мертвый бай» — будем поджидать у выхода...

— Ага, жди да радуйся! Нашел дурака.

И черным ходом.

— Что я хуже жены? — усомнился Никеш.

— Не хуже, — на всякий случай ответили пацаны.

— Вчера сдала на права, — продолжил он. — А машину-то мне покупала, чтоб с вами не квасил, оглоеды.

И вот она, чтобы вызвать ощущение моей полной неполноценности, прошла месячные курсы и получила водительское удостоверение. Международного, между прочим, образца.

Ну и мы не лыком шиты. С выпивкой придется завязать... На время. На время. Спокойней, товарищи! До получения соответствующего сертификата.

— Иди в ту же школу, что и я — там классные инструктора, — с радостью напутствовала жена.

Иногда и от нее можно дожидаться дельного совета.

Вот денежки уплачены. Дни согласованы. Подошел Дрюнов в назначенный час — машина с молодым инструктором уже ждала его рядом с автошколой.

— Вас как звать-величать молодой человек? — насвистывая попури из альбомов «АББА», спросил Никеш.

— Андрей, а вас?

— Никита. Никита Девелопментович Дрюнов.

Видит Никеш: инструктор, как услышал его фамилию, в лице переменялся. Подозрительно как-то смотрит, скорее даже, филином.

— Вашу жену не Надеждой зовут?

— Верно.

После этого инструктора перекосило навывлет.

Никеш весело подмигнул и спрашивает:

— Ну, как она водит?

— Можно сказать, что так... — горестно вздохнул инструктор. — Э-э-эх! По первости, сотовый отключи!

И инструктор вспомнил, как это было...

...А началось-то всё с невинного вопроса:

— Можно мы до магазина прокатимся? Тут рядом.

— Давайте, отчего ж не заехать, — сказал не подумал.

Настроение-то отличное — зарплату только что выдали, с Ксюшей помирился. Опять же, погода в жилу. Вырулили на центральную улицу. Машин много. Пока всё идет нормально. Женщина старается. И тут... Зазвенел телефон. Что с ней произошло. У нее, как крышу снесло: она бросает руль, хватает сумочку и начинает лихорадочно искать там мобильник. А то, что машина едет — неважно. Вторые педали у инструктора для чего?

— Ой, это же Верунчик. Чмоки, чмоки, чмоки. Куда ты пропала, лапочка моя? Два дня не было слышно!

— Вы машину ведете или с подругами болтаете? — зло бросил инструктор.

— Конечно, машину. Какой вы невнимательный! К тому же, одно другому не мешает, — и продолжила. —

Сейчас одну секундочку, дорогая, только эсэмэсочку отошлю.

Поскольку у инструктора второй комплект педалей, он притормозил самостоятельно у обочины.

Потом поехали дальше к магазину.

— О, вот и магазин! Там сегодня распродажа бижутерии! — и она тут же выскочила и помчалась на всех парах.

Инструктор сидел-ждал потом часа три, потому как ключи от машины жена Дрюнова «предусмотрительно» забрала с собой. Настроение, конечно, уже никакое. Зарплата не радует. С Ксюшей, наверное, снова поссорятся.

Но вернемся к Никешу...

— Держите руль обеими руками. Только крепче держите. Изо всех сил! Надеюсь, руки к рулю привязывать не надо?

Как выяснилось потом, зря он это не сделал...

Сели, поехали, вернее, понеслись. На компьютере-то у внуков Никеш мастерски водил — одной правой. Да даже тремя пальцами или джойстиком.

— Ну куда ты гонишь? Куда?! На соревновании что ли? — завопил инструктор. — В городе больше шестидесяти нельзя, а ты все сто двадцать выжал.

— Да? Не заметил.

— Тормози! Жми на тормоз! «Красный» на светофоре!

— А где тут пробел?

— Какой пробел?

— Вот кто тормоз-то! Это клавиша такая для торможения.

— Здесь педаль тормоза, а не клавиша. Сам тормоз, — огрызнулся инструктор. — В середине находится. Правой ногой дави, а не левой одновременно с газом. Ну вот — машина заглохла!

Но то были цветочки. Главное развернулось потом.

Завелись и снова выехали на центральную магистраль. Вокруг одни иномарки. Подрезают, сигналият, матерятся.

Жесты всякие непристойные показывают. А другие шарахаются как черт от ладана. По газонам шпарят, хоть и штраф за это дело вырос раз в десять. Словом, работа у инструктора нервная. Хорошо, что он не всё в свой адрес воспринимает, а выборочно.

— Назад не оглядывайся. В зеркала смотри.

— Где они?

— Ты что?!

— Их тут много. Поди-пойми в какое смотреть?

— Во все, поочередно. Сцепление отожди — левая педаль. Да, не газ, не газ притапливай. Горе луковое!

Еле в багажник «Бугатти» не втиснулись. Миллиметра два, почитай, осталось. Инструктор покрылся зеленым потом, как в фильме ужасов. Ничего минут десять не мог произнести. Переклинило по полной.

Наконец, он стал делать какие-то знаки глазами, а затем появились отдельные звуки и слова.

— С... Св... Свора... Сворачивай с главной. Дворами до автошколы доедем.

— Ты что делаешь, Раздолбай Раздолбаевич?

— Я сказал вправо, почему ты влево, на встречную вылетел?

— Руки перепутал — я с детства левое с правым путаю.

— Руль! Руль держи! Куда наклонился?

— Шнурок развязался, цепляюсь я им за педаль.

— Это у вас что семейное? Твоя жена, как встречника увидела — руль выпустила и лицо обеими руками прикрыла. Еле вывернул. Правда, встречный водила в кювете оказался! После бодания со столбом! Через переднее стекло выбросило вместе с баранкой! Прямо в гидрант! Всё еще долечивается от заикания. Врачи пальцы от руля оцепить не могут — так и лежит с ним на кровати. Говорят, нужна операция по их пересадке.

Но здесь еще хуже. Клиника. Психиатрическая. Вместе с хирургией.

Уйди! Сам поведу. Мне еще жизнь дорога! Садись на мое место и руки спрячь в карманы или лучше сядь на них, чтоб не дергались.

— Не дрейфь, Андрей, держи шланг, бодрей, — попытался было разрядить обстановку Никеш. — Шланг, в смысле, руль.

И «разрядил».

— Бы-Быц! Приехали! Прямо в канализационную машину врзались (в тот самый шланг) — откачивала во дворе фекалии из колодца после аварии на коллекторе. Шланг вырвало с мясом и содержимое цистерны затопило и Никеша, и инструктора, и двух девиц, мирно потягивавших из горла пиво у подъезда, и председателя ЖЭКа, и вице-мэра по ЖКХ, и депутата Кремова, и слесаря дядю Петю Мавлюгаева (вот почему он до сих пор неравнодушен к Никешу, вспомните случай в бане), не считая зевак и работников всяких администраций. Короче, пришлось всем отмываться за счет пенсионных накоплений Никеша в городской бане с предварительным длительным вымачиванием в растворе карболки.

Потом оказалось — Никеш нажал на инструкторские педали. Ради спортивного интереса. Правильнее инструктору было бы его на заднее сиденье посадить, а еще лучше в багажник закатать — так надежнее. Но он, видать, растерялся, горемыка.

— Ну, если твоя жена — обезьяна с гранатой, то ты — танкер с тротилом, — выдохнул инструктор, точнее, бывший инструктор, когда Никеш пришел к его выписке из психиатрической больницы после длительной реабилитации.

Сейчас он инвалид первой группы работает на дому: огородные семена по пакетикам раскладывает. Вот тебе и Ксюша!

Какой-то могучий чувак нервно бегал по тротуару. Рядом стояла грузовая машина с надписью «Контейнеро-

воз» с торчащим из кузова гигантским коричневым ребристым металлическим ящиком.

Водитель то и дело посматривал на часы, и лицо его с каждой минутой становилось всё более жизнерадостным.

— Где же они, где же они? — раздраженно восклицал чувак.

Те же слова, но уже с плачем: «Где же они?» — повторяла его жена.

— Кто они? — участливо спросил у женщины Риня.

— Да грузчики эти облезлые!

— Земляки, помогите разгрузить контейнер! — вдруг прозрел гориллас. — С Хабаровска ждали две недели. И тут на тебе. Разгружать некому!

На разгрузку по договору с фирмой отведен всего один час, а дальше штрафные санкции, по тысяче за каждые пять минут, хлеще, чем в «Дуби-банке».

— Это вы по адресу обратились, — снисходительно кивнул Люлипупенко. Точнее, он сказал покрасивше:

— Че ж вы сразу к нам не обратились, дримбубу чукотские?

— А ну, кличь нашенских! — задергал локтями Музян.

— А пломбу кто снимать будет? Моя такса пять сотен за перекус тросика, — захмылился водила.

— Обойдешься, трупье! — промолвил Арнольд. — Вадик, тащи-ка пилку для когтей. У своей возьмешь. Она алмазная. Враз перепилим.

Однако с тросиком промаялись полчаса. Крепкий орешек. Водила уже ликовал, явственно мусоля отступные. Оставалось менее пяти минут.

Но не тут-то было. Как только тросик был перепилен, братва, как воронье, накинулась на контейнер, и не успел шофер посмотреть в очередной раз на свои часы, контейнер оказался пущ.

Да и смотреть стало не на что: братва обнесла и кабину, и самого водителя (сиденья, шины почти новые, доски с кузова, те же часы с руки).

— Ну, бли-и-ин! Как пираньи! Одно железо болтается!

— Подожди еще, — усмехнулся Люлипупенко. — Сейчас мой друг металлист подкатит, в одних трусах попрыгаешь.

Перспектива остаться в одних трусах в незнакомом дворе осенью не очень-то обрадовала водилу. И тот быстро по газонам на своей колыхаге. Просто испарился!

— Ребята, да тут всё мелкие вещи, — виновато сказал хозяин, показывая рукой на развал коробок. — Я один их укладывал и таскал. Может, подсобите на третий этаж забросить, за дополнительную плату.

Ничего себе мелкие! Для этого бугая, вероятно, и мелкие, а Малярчука, пришлось валидоллом с касторкой отпаивать. После первой же ходки.

— Ты туда гири что ли напихал или свинец-металлец? Но это был отнюдь не конец истории.

Рядом еще какая-то дамочка телепалась. Салон красоты на первом этаже в этом же подъезде из квартиры переоборудовала. Косметологическую аппаратуру в фуре завезла. Во дворе не разъедешь. Фура маячила на въезде, со стороны улицы.

— Красавчики! Мужички! Помогите! Надо фуру разгрузить и затащить содержимое в салон. Всего первый этаж. Плачу в двойном тарифе, — причитала она. — Грузчики задерживаются. Едут из Левшино. Звонили с мобильного: там на площади Восстания такая пробень! До ужина.

— Успокойтесь, фрау, и вам поможем, — заверил Люлипупенко.

Ну и распотрошили фуру рядом с вещами переехавших с Дальнего Востока — коробки-то примерно однотипные.

Хозяину из Хабаровска с гинекологическим креслом подфартило. Установили на кухне. Среди голых стен и газовой плиты.

Жена мужу истерику закатила:

— Ты уже достал своей ревностью, честное слово! Еще мебели в квартире нет, а он кресло осмотровое притащил. Вместо телевизора? Чтобы меня сразу после работы проверять — не зародился ли кто? «Чужой» какой-нибудь -1, -2 или «чужие»?.. Причем, у окна. Незашторенного. Бесплатное шоу для прохожих? Да?

— Мало ли какую тварь подцепишь на работе, — оправдывался вконец обалдевший от переезда муж, даже не воспринимая всю абсурдность сказанного.

— Вы че нам натащили всякой шмали, питоны? — разобиделся хозяин, когда, наконец, пришел в себя. — Какой-то лак для волос. В канистрах. Ножниц три охапки. Бигуди в двухсотлитровых бочках?

— Это не наше дело, — отрезал Арнольд. — Мы в норматив уложились? Уложились. Сам уверял, почасовая оплата — не разгрузим за час контейнер, всё! Штрафные санкции, похлеще швейцарской фирмы «Нога».

Но и на этой фразе история не закончилась.

В то же самое время во двор третья машина подруливает. Мебельный фургон. Кухонную стенку привез. В третий подъезд на второй этаж. И снова грузчиков нема.

— С Левшино грузчики? — участливо спросил Всева.

— Откуда сведения? — удивился шофер.

— Порт там речной и станция железнодорожная. Весь поселок на разгрузке мантулит. А сегодня суббота — ну они все на шабашках в городе.

Тут и хозяин мебельного гарнитура объявился. Двухметровый лоб.

— Легкотня одна, — щелкнул пальцами он.

Схватился Шура за один такой сверток, чувствует, пупок заново придется прижигать.

— А вот это — собранный уголок. Его только впятером можно поднять, — уточнил «лоб».

Малярчук, семидесятилетировый перец, всех растолкал и встал в центре. Впечатление такое, что он здесь самый главный.

— Сдается, ты один его понесешь, старче? — спросил Вадик. — А ну, дайте Батумычу возможность проявить себя!

— Мужики, я вижу, вы профессионалы, — воскликнул «лоб».

— Мы первые с ними договаривались, — наскочили на «лба» бывшие жители Хабаровска.

— Никуда ваше барахло не денется, а мне надо, чтобы завтра салон уже работал, — заупиралась директорша косметички.

— Нам всё равно, чьи вещи таскать. Но для очередности устроим аукцион: кто больше отбашляет, тому и приоритет.

Победила, естественно, бизнес-вумен.

Стаскали ей всё, что под руку попало. А «лбу» зато солярий достался. Вертикальный и горизонтальный. В одном — курицу-гриль готовить, в другом — рыбу вялить. Доволен!

Директорша сильно наутро ярилась:

— Где инструмент для эпиляции, где массажные кушетки, где фены для сушки волос?!

— Ну зачем мне двадцатилетняя подписка на журнал «Моделист-конструктор» и «Охота и рыбалка»? Клиентов в очереди развлекать? Какие-то удочки, коньки, лыжи, сервизы, слесарный инструмент, тиски. А посудомоечная машина? Голову клиента туда засовывать и волосы полоскать перед завивкой в скоростном режиме?

Пока хозяева пытались отобрать друг у друга свои, как им казалось, вещи, водитель фуры разоткровенничался:

— Это еще што: прошлой зимой итальянский раритетный гарнитур закинули по адресу улица Революции, 4

— Ты — Петров? Хозяин? — спросил я у нетрезвого вида мужичка во дворе.

— Ну я... (двойной ик) Петро.

— Тогда распишись вот тут в трех местах. Хотя бы крестиком.

...Настоящие Петровы, проживающие в элитном доме по одноименному адресу «Революции, 4», ждут уже две недели.

Их по телефону наши диспетчеры всё время успокаивают:

— Везут, а, скорее всего, привезли уже. Разгружают. Или:

— Будут с минуты на минуту.

Адреса-то одинаковые. Старый дом по «Революции, 4» предназначался под снос, а новому уже тот же номер присвоили, хотя он еще и в жилом фонде не значился. Эх, работники!

А мне, собственно говоря, до лампочки, где разгружаться. У Петро во дворе? Дак там еще просторнее... Или во дворе нового дома? — не подъедешь, одни иномарки всё заполонили. Заденешь — вовек не рассчитаешься.

...А Петро подумал: «Социальная помощь — дрова подбросили на зиму. От недавно избранного мэра. Как обещал. В период избирательной компании».

Собрался поколоть. Ужо обрешетку снял. На инкрустацию нацелился.

...У владельцев гарнитура сердце не на месте. Чувствуют: «Что-то тут нечисто. Неувязочка какая-то».

Отыскиали меня. «Отвез, — говорю, — честь по чести. По записанному в путевом листе адресу: Революции, дом четыре». Место указал. Лежит их итальянская сборная мебель из цельного массива палисандра. В снегу. А обитатель трущобы уже распиловку затеял. Топор натачивает. Во, наглая морда!

Еле отобрали у него. Пришлось с двумя поллитровками распрощаться.

— Хозяевам?

— Ну не мне же! Легко отделались.

После разгрузки машин пацаны во главе с неизвестно откуда появившимся в протертых трениках Гуньдюком нежно принимали к банке с мутно-зеленой жидкостью, которую тот любовно поглаживал шершавой рукой.

— Что за благовонь такая? — спросил Лева.

— Табуретовка, — пояснил Гуньдюк. — Мое фирменное изобретение. На каждый килограмм кухонной табуретки килограмм сахара и кило дрожжей. Перестроенный рецепт. Времен «сухого закона».

Особый неповторимый аромат изделию придает масляная краска, которой окрашены табуретки, или засиженность гостями.

На «Пермодежде» после внедрения моего изобретения сесть можно было только на корточках. Да и в своих квартирах на кухнях сотрудники все табуретки повывели. Вместо них стали коврики использовать, как на Востоке. Вот были времена! Производительность труда на предприятии мигом выросла. Аж в четыре раза! На корточках-то перекуров много не устроишь.

Почин, было, по всей стране разошелся. Но тут правительство прежние безалкогольные указы отменило.

Сейчас вот табуретку у бабуся одной в частном доме еле обменял на кресло от «Жигулей». Ну и сварганил фирменный напиток. Мебель нынче никакая. Из искусственного ламината ничего не сделаешь, кроме атеросклероза окаянного.

Во двор почти строевым шагом зашел участковый.

— Что-то ты зачастил, Гурген? — попыхивая сигарой, покосился Квартет.

— Служба есть служба!

— Товарищ Брагин всегда на посту, — приложил руку к виску Арнольд, который еще недавно под чутким руководством капитана мел дворы у отделения милиции.

— Даю вводную установку, — не обращая внимания на косые взгляды, продолжил участковый. — Разыскиваются особо опасные преступники. На днях сбежали из-под стражи.

— Ты, поди, хочешь, чтобы я их нашел? — сверкнул очами Сашок. — Это дорого тебе будет стоить.

Капитан развернул листки с фотороботами и зачитал список особых примет.

— Жду достоверной и своевременной информации, — сухо завершил речь Брагин.

Знать, на помощь Квартета у него просто не было заложено денег в бюджете.

Когда он растворился в соседнем дворе, ребята ради спортивного интереса взглянули на бумажки и опешили: по описанию «бегунки» были в каплю Музян и Вадик.

— Вот это да! — только и смог произнести Мошот и присел на дрожащих ногах на лавочку.

— Сашок, только не сдавай нас! — взмолился он через несколько мучительных секунд.

— Вы за кого меня считаете, цуккини полосатые?

— Надо сменить им имидж! — озарило Киселькова.

— Точно! Для начала обеспечить черными солнцезащитными очками.

— И переодеть. Лева, давай шляпу. А ты, Батумыч, сымай свое турецкое индиговое пальтецо. Вадику — шапка Евсеича подойдет и когда-то спортивное трико Гундюка. Держи мои полусапожки и куртку, — развернул бурную деятельность Шуран. — Молик, а ты возьми джинсы!

— Как насчет тюбетейки Арнольда?

— Она слишком заметна. А вот сапоги для Музяна надо у слесаря дяди Пети прибрать.

— Вадя, — жабо моей жинки, — расщедрился Всева.

— К слову, Музян, сбрей усы. А Вадику, наоборот, по-

ка наклеим фальшивые. При условии, что потом он свои отрастит.

Для изменения профиля носа предлагаю Музяну вставить ватные тампоны в ноздри, а Вадику аналогично тампонами «щеки надуть».

— Принято.

— А если им пластику зафигачить? — осенило Леву. — С помощью моего друга Либеры Квасцова.

— Позже, не сейчас.

— Молик, бросай курить. Срочно! А ты, Вадик, давай, наоборот, начинай, — внес свою лепту Квартет и воткнул Дулепистому в зубы свою раскуренную сигару.

У Вадика с непривычки свело скулы.

Через полчаса имидж был сработан на высшем уровне.

— Джинари длинноваты, — проямлил Музян, — и из сапогов выпадываю.

— А мне Шуркины обутки жмут, — жалобно проскрипел Дулепистый. — Лучше я сланцы жены надену.

— Потерпите чуть-чуть...

...На следующий день компания собралась в прежнем составе.

— Ну вот, видите, все живые-здоровые, никто из присутствующих не отсутствует, — радостно констатировал Люлипупенко.

Не прошло и получаса, как во дворе снова вырос капитан Брагин. Опять со своей неизменной папочкой.

— У тебя там, наверное, электрошокер вмонтирован? Или бумеранг спрятан? — пошутил Квартет.

— Вам из штатного оружия по уставу только рогатки полагаются? — обронил Малярчук. — Хоть бы аркебузой какой-нибудь вооружили.

— Повесь на шею портрет президента и крестом животворящим отгоняй демонов, — посоветовал Всева.

— Да он не русский, имя ж восточное, какой ему крест.

— Почему восточное? Самое что ни на есть русское, —

обиделся Гурген, — аббревиатура слов «Главный Уральский гений».

— Насчет «уральского» не спорим, — отреагировал Кисельков, — а вот насчет остального...

Но Гурген не был склонен к риторике.

— Граждане, отбой! Выловили вчера ночью злодеев. В коллекторе отсиживались. Товарищ Мавлюгаев повязал их шлангом от сварочного аппарата — спать мешали после работы.

К теме сказать, я вам вчера не те портреты оставил. Это со стенда нашего вытрезвителя два завсегдатая. Один Музян по фамилии. А где, правда, он? Не видали? Вчера вроде еще с вами был?

— Болеет, — с воодушевлением ответил Молик.

— Главное, что пластику делать не пришлось, — ликовали мужики, — а то домой и так пускать не хотели. Как Люлипупенко. Пришлось бы рядом с ним на теннисном столе загорать. Трудно! С непривычки.

Много разных забавных случаев видели стены старого университета. Наибольшее количество ярких эпизодов происходило во время студенческих сессий. Рассказы о подвигах во время сессии передавались из уст в уста, слагаясь в университетские легенды.

...Например, когда-то на биохимии по спецкурсу принимал экзамены профессор Мозер, участник гражданской войны. «Зимний» брал. В конных атаках рядом с Буденным скакал шашка к шашке.

Ему уж тогда за девяносто было. Любил он армейских. За выправку их бравую.

Ну, Серый, нечесанный панк, у Витька-Гагулька солдатскую стиранную-перестиранную форму выпросил. Значки там всякие. Тельняшку естественно. Подстригся сам собой. Входит в таком прикиде. Отчеканил:

— Товарищ профессор, рядовой Бубенков по вашему приказанию прибыл. Разрешите приступить к выполнению задания!

— Вольно. Разрешаю. К ликвидации вопросов билета — «трубка пятнадцать, прицел сто двадцать, огонь!».

— Есть!

— Давно на гражданке?

— Никак нет.

Серюня Бубенков поплавал, естественно, по вопросам. Подрейфовал, как яхта без паруса.

— Материал, конечно, вы полностью, батенька, забыли, но пятерку, как bravому солдату, поставлю. Авансом.

— Служу России! Разр-р-решите идти?

— Вольно!

Через неделю встречает его профессор. Ирокез на голове. Волосы разноцветными клоками, весь в цепях и пирсинге, татуировка опять же на плечах, как у Тимати.

— Рядовой Бубенков — это вы?!

— Так точно, — отвечает лихо и, понизив голос до шепота. — На ответзадании — внедряюсь в ряды агентов мирового империализма. Разрешите продолжить выполнение боевой задачи?

Вот прохиндей!..

Или еще был случай. Другой.

Приковылял будущий аспирант Игорь Гмелько на экзамен на костылях. Нога до шеи забинтована. К доценту Вивасову.

— Что за напасть?

— В стройотряде с крыши навернулся.

— Ну такому герою стыдно ниже четверки поставить.

Игорьсон не ожидал подобного поворота событий. Поэтому на радостях, целую зачетку, вприпрыжку выбежал из аудитории.

...И костыли забыл.

Декан потом вызывает его дружков-бразжников:

ющий экзамен ему без них не сдать. Потому что ноги-то я ему точно пообрываю!

Первое апреля на факультетах. Это, скажу я вам, что-то! Настоящий фурор!

Приказы об отчислении и назначении, заверенные всеми мыслимыми подписями, включая президентскую. Причем, никакая графологическая экспертиза не усомнится в подлинности. Пресс-релизы о нобелевских и простых премиях. Портрет доцента Вивасова в траурной рамке в вестибюле, другие дела.

Столетов вызвал лаборанта кафедры голосом заведующей на склад, а надо сказать, что склад был далеко за пределами факультета. Да, и одеться нужно было подобающим образом. Не лето еще.

Встречает лаборант с тележкой и в телогрейке заведующую по дороге. Ему нет, чтоб переспросить, а точно ли вы меня отправили по указанному адресу к черту на кулички. Прошел мимо ничтоже сумняшеся. Только козырек шапки приподнял в знак уважения.

Минут через сорок добрался по заснеженной тропке к двери, а там — амбарный замок...

Студенты Андрюков с Жихиной и Вермилиной написали несколько объявлений разного содержания. В первом: «Даю уроки английского языка за смешную плату», во втором — «продаю видеоплеер японский почти задаром», в третьем — «организую блатные номера на авто». И во всех трех объявлениях указали разные телефоны. Но одной кафедры. И одну фамилию, догадываетесь какую? Развесили бумажки по городу на фонарных столбах...

Звонок.

— Могул Феоклистович. Вас. Какая-то девушка с приятным голосом, — пригласили Вивасова в лаборантскую. Тот на всех копытах туда. Вдруг кто хочет отужинать вместе. Из хвостисток.

— Какой английский? Мне бы с русским разобраться. Подобные звонки повторялись несколько раз.

Рассерженный Вивасов сказал:

— В лаборантскую больше не пойду. Достали.

И тут реально ректор звонит.

— Ты лучше ничего придумать не могла, — завопил Вивасов на молоденькую сотрудницу. — Пошла ты!

И не пошел... Сам. На совещание в ректорат.

Ничего. Выговор за неявку обеспечен!..

Затем стали доцента ко второму телефону вызывать в ассистентскую, насчет видеоплейера.

— Задолбали.

Перестал и в ассистентскую бегать. Не мальчик.

И, наконец, к третьему.

— Да у меня и машины-то нет (тогда еще «Матиса» не было), — взревел он. — Разве что у соседа номера во дворе снять? Вам подойдет такой вариант?

После этого он закрылся в своей комнате и никого не впускал. Ох, и перепало же ему на следующий день от руководства!

— На работе тебя вечно не отыщешь! — выговаривал ГенСеК Вивасову. — За что государство только деньги таким лодырям платит?

Вивасов тогда на доцента Мопову подумал. Ее проделки. Ох, и едкая штучка!

А та — на него. Потому что старший препод Валя Столетов вызвал Инессу Мефодьевну к декану (через посредника, естественно) с отчетом о проделанной работе по студенческому научному обществу. Срочно.

Заваливается она на всех парах на третий этаж с первого (при ее-то весе). Вся в мыле: во-первых, за отчет еще и не бралась, а, во-вторых, как всегда по магазинам шлется в рабочее время. Только что зашла к себе в кабинет с полными сумками всякой всячины.

А декан в это время коньячку выпить собрался вместе с другим деканом Рудольфом Винегретовичем, с филфака.

За первое апреля, так сказать. Чтоб скорее оно закончилось, ядрен батон!

Только рюмки к губам поднесли. И тут дверь с треском распаивается — замок не выдержал натиска Моповой, и она вваливается прямо в кабинет декана и падает на стул.

Винегретыч, тот от неожиданности подавился напитком. Закашлялся. Но после удара по спине Моповой еще и ушиб легкого заработал.

А Геннадий Сергеевич просто опрокинул рюмку на штаны. В самое интересное место. Внешне — диарея! До конца дня так и не вставал с кресла, чтоб не увидел кто.

— Никого я не вызывал. Уже пятнадцатый человек прибегает. Сколько можно издеваться?! — твердил он...

Долго же доцент Мопова дулись с Вивасовым друг на друга, пока их Шубейко не примирил по-свойски фирменным винцом.

Но Шубейко, тот еще гусь. Своих-то на кафедре он постоянно первого апреля, то есть в День дурака разводил. А тут в командировке оказался, в Штатах, по обмену опытом (уж не из-за винца ли?).

Все вздохнули с облегчением. Всё. Тишина! Источник перманентного террора в наличии не наблюдается.

Так этот хмырь (вернее, он попросил своих коллег по командировке) из Лас-Вегаса позвонил по международной линии и всё равно отправил сотрудников в ректорат за премией. Вот, черт возьми! И оттуда достал.

...Кисельков в этом году тоже на Первом апреле подлетел. Выходит, как обычно, к первой паре.

На двери подъезда объявление болтается. Детским почерком шариковой ручкой написанное:

«С 11 утра до 24 часов 1-го апреля воды не будет, в связи ремонтом на водоводе». И подпись: «ЖЭУ».

Шура и добавил снизу: «Ха-ха. Сам дурак. Вива, Первое апреля».

Естественно, кто ж после такой приписки поверит в серьезность объявления.

А воду, действительно, отключили. Пришлось всем таскать ее ведрами с колонки.

Не знаешь, кому и верить!

Отдельных слов заслуживает такое явление, как так называемая «студвесна».

Происходила она и в бытность Бодуненца студентом и до него, и в наши дни...

На физико-математическом факультете пединститута к ней готовились основательно. Людей, да и просто статистов катастрофически не хватало. Все надежды были обращены на первокурсников. Среди которых находился и наш герой. В первом отделении должна была прозвучать патриотическая тема, этакая литературно-художественная композиция. Что-то про Гражданскую войну.

Завершающим аккордом композиции была перекличка раненых бойцов. После боя.

— Иванов! — выкрикнула ведущая Вика.

— Я! — откликнулось трое из шестерых солдат лежащих на сцене в разных неестественных позах.

— Петров! — уже двое.

Зал уползал от смеха.

— Смирнов! — продолжала Вика...

И снова двое.

Не иначе воевали с двойной фамилией типа Петров-Водкин или Немирович-Данченко, или Бонч-Бруевич.

Словом, патриотического воспитания не получилось.

Во втором отделении выступил женский танцевальный коллектив «Бозон Хиггса»*, а поскольку девушек на факультете — кот наплакал, то собрали всех лиц немужского пола во главе с уборщицей тетя Варей. Нарядили, обучили. Это было шоу: толстые и худые, высокие и дюймовочки — такого решения никто, кроме, само собой, обитателей физмата не понял. Но смотрелось

*Самое первое упоминание элементарной частицы (прим. автора)

смешно, и даже дали поощрительный приз за оригинальность прочтения.

Отличился также балетный дуэт «Юнона и Авось».

Насчет русского авось — это правильно. Поскольку студенческая весна, естественно, проводилась осенью, а вторую обувь никто, разумеется, не приносил, то поверхность сцены после нескольких номеров, особенно, хора напоминала танцпол в сельском клубе во время дождя.

И вот современный балет. По ходу партнер в ослепительно белом трико должен был упасть и покататься от боли по полу, изображая лебедя, сраженного стрелой злодея.

Несколько вращений, и его белоснежный костюм превратился в одеяние бомжа — сплошные коричневые разводы. Не продумано как-то. Другими словами, что ни номер, то аншлаг — в прямом и переносном смысле...

Надо сказать прямо, что, несмотря на отдельные провалы, первые места в смотре талантов всегда были за физматом. У них и театр миниатюр. И ансамбль. И КСП. И классика.

В институтском зрительном зале при выступлении физматиков свободных кресел никогда не было. Люди даже толпились в проходах.

— А теперь песня. «Ест студент», — объявила Вика Кривцова. — Из репертуара вокально-инструментального ансамбля «Битлз». В исполнении ВИА «Лептоны» физико-математического факультета под руководством лауреата олимпиады по немецкому языку среди технических специальностей, дипломанта студенческого научного общества, ветерана стройотрядов, почетного донора Андрея Тринитина («студентка-комсомолка-красавица»).

В составе ансамбля пели и играли, но не плясали Женя Ленов и Павлик Макаров (Джон Леннон & Пол Маккартни)... Ага, спросите вы, а Жоры Харина и Игоря Старкова там не было? Как и Миши Жарова и Феди Меркурьева?

Вышли нечесанные (правда, побритые) юноши в клетчатых пиджаках и полосатых брюках с манжетами, в туфлях на высокой платформе. С комсомольскими значками в лацканах пиджаков. Легендарные гитары «Тоника» розового цвета. Килограммов десять без струн. Со струнами — двенадцать. Ударная установка Усть-Гусевского завода столовых приборов. Неизменные клавишные «Юность».

После трех взмахов ударными палочками на «ан, ту, фри» пацаны слегка шевельнулись. Стояли как истуканы и открывали рты. Кто в лес, кто по дрова. Не зная оригинал песни, можно было и не догадаться, что это нетленный шлягер. Но, попробуй, скажи — обидятся, как Пугачева на Киркорова. Во всяком случае, публике в высшей степени нравилось. «Музыканты» в это время болтали руками в районе гульфика. То еще зрелище. Как в «Американском пироге». Но тогда это воспринималось нормально, без подтекста. Значит, так и надо...

...Вторая песня была собственного сочинительства: *«Я еще успею сделать эпопею...»*.

Во наивняк! Хотя... Хотя, кто их знает, верно, и стал кто-нибудь из них заслуженным олигархом России...

И о театре миниатюр. Поставил Савелий тогда вместе с другом сюжетец про студенческие колхозные будни. Как там картошку убирают. Натурализм высшей пробы.

Вдоль сцены на веревках в обе стороны разъезжала тележка, на которой обычно перевозили сосуды с жидким азотом. Посередине стоял стул, а на нем, повернувшись лицом к залу, закинув ногу за ногу, в кирзовых сапогах, телогрейке, шапке с одним оттопыренным ухом и неизменной сигаркой в зубах сидел «тракторист» и, загадочно улыбаясь, биноклем всматривался в зал. За ним кто попластунски, кто баттерфляем, ползали студенты с ведрами. Зрелище было весьма реалистичным, особенно, когда сильно дернули веревку и тракторист упал

с бутафорского «Беларуса», якобы заглядевшись на девочек в поле.

— Импровизация? — спросите вы.

— Импровизация. Но, оч-ч-чень весело!

Зал извивался от смеха. Под стульями. Даже столетние профессора. А почему? Не понятно. Просто показали чистую правду. Однако на городской смотр эту интермедию уже не выпустили, так как посчитали ее злой пародией на смычку города с деревней и бескорыстную помощь студентов. Ничего себе бескорыстную: иногда еще бывало и задолжали колхозу за пайку.

Для чего тогда ездили на уборку картошки, до сих пор Савелий понять не в силах, так как гнила она потом в непригодных хранилищах до следующего заезда.

Просто, скучновато в деревне — а студенты вместо артистов Москонцерта, причем бесплатно.

...С ужасом вспомнил Савелий свою первую «картошку».

Когда вчерашние школьницы, а ныне первокурсницы взялись за прокорм целого батальона голодняка. Ведь кроме примитивной яичницы и блинчиков с повидлом, они по сути ничего готовить не умели.

Еда была... Наверное, в концлагере лучше кормили. Разваренные картофелины в смеси с песком и глиной плавали на дне глубокой алюминиевой чашки. И ЭТО сверху припудрено свежим укропчиком! Для эстетики.

Но молодым всё было нипочем. Энтузиазма через край. Отлежишься ночью где-нибудь под кустом шиповника, отмаешься желудком. И утром как огурчик снова за вилы.

По уши в грязи выбуривать неподатливые клубни. Здесь можно провести аналогию с первыми золотоискателями Аляски. Но Чарли Чаплин с «Золотой лихорадкой» просто отдыхает...

— А сейчас Клуб самодетельной песни (КСП). Только что с турслета, с Басегов.

Возникли бородатые парни с гитарами наперевес. Солисты крепко обнялись.

— Песня из кинофильма «Голубые города» в исполнении коллектива «Голубые дали» физико-математического факультета.

Название коллектива, скажем прямо, по нынешним меркам шокирующее, впрочем, как и песня, и одноименный кинофильм. А тогда — романтическое.

Со временем всё больше русских слов принимает подтекст. Например, раньше обычным было сказать: «Ты ведь то же член народной дружины». В институте была и кафедра членистоногих, и кафедра многочленов. Да и сами институты все называли без подтекста «медиком» или «педиком».

Поэтому неизвестно какой семантикой завтра обернутся самые безобидные слова.

Был обычный летний вечер. Традиционные дружеские посиделки с трепом-рэпом. На улице в это время достаточно многолюдно.

Арнольд Люлипупенко, покуривая, размеренным шагом прогуливался вдоль газона, профессионально замечая каждый неряшливо брошенный бычок. Так и хотелось кинуться и собрать в кулак «непрощенных гостей». На днях его выпустили из кутузки. Махал метлой от зари до зари. На уборке территории округа депутата Кремова. Вместе с женой физика Кометова (ту привлекли за членовредительство в особо тяжких размерах см. с. 91).

После того, как стражи порядка сняли бесчувственное тело с кровати в летней резиденции — теннисного стола. Там Арнольд видел третьи сны. При этом кто-то из мелких смог обрисовать контур его распластанного тела мелом. «А, если защита от нечистой силы, как у Гоголя?» — спросите вы. Не отрицаю — версия достойна внимания.

Мало того, «злоумышленники» умудрились выдавить кетчуп рядом с головой и на жилет в области брюшины. Вылитый «труп с огнестрелом» на месте совершения преступления.

Сама манера лежания и сочетание теннисной сетки, под которую была просунута голова Арнольда, вызывала нехорошие ассоциации — застрелили гуру всех средне-ямских кваснюков из-за убедительной победы в пинг-понге. Не уступил, значит, пальмы первенства признанному лидеру. И поплатился.

Жестокий это спорт — малый теннис!

— Глухарь! На подведомственной территории! — усиленный наряд милиции во главе с Гургеном осторожно, используя тактику айкидо с молниеносными выпадами и ударами в воздух (что будешь делать в отсутствие табельного оружия), с криками «йя» и «кумитэ», а иногда и ползком по земле, окружал лежбище героя.

Наконец, собравшись с последней храбростью и надеждой, служивые бросились к столу и вцепились в пульс Люлипупенко — одни на руках, другие в области шеи. Хотя шансов, что жив и было мало.

Такой атаки Арнольд, естественно, не ожидал:

— Сгинь, нечистая! Сгинь! Демоны! Демоны тьмы!

Видать, снился ему какой-нибудь мистический триллер. Вдобавок, Люлипупенко, не просыпаясь, саданул ногой. Правой, потом левой. Снова правой. Да не один раз. Причем, без видимых промахов.

Милиционерам, очевидно, это не очень понравилось.

Они вежливо сгребли Люлипупенко за шиворот и аккуратно поволокли по грязи до ближайшего отделения, попутно по рации, давая отбой автобусу с ОМОНОм...

Навстречу Арнольду с барабаном и саксофоном двигалась стайка бой-скаутов в милитари-форме.

— Гражданин Люлипупенко, курить — здоровью вредить, — звонко продекламировал один (похоже, живший в том же подъезде, что и Риня).

— Послушай, Конфуций! Я те ща уши-то надеру, — зауросил Арнольд.

Под деревом разбирал старый электродвигатель дворник Митяй. Подобрал у мусорных баков.

— Цветмет воскрес! — воскликнул Люлипупенко.

— Во истину цветмет! — откликнулся Митяй.

Рядом на лавке Витек-Гагулек окучивал в карты доверчивых лохов — молодняк.

— И припадочный старлей всем навесил кренделей, — с этими словами Витек швырнул пачку козырей на лавку.

— Погоны вам, пупсарьки! По шесть звездочек под коврик! — отчекрыжил он, снимая кассу.

— Евсеич, что читаешь на ночь глядя? Возбуждаешь подсознательные страхи?

— Не. Политика, — пенсионер развернул газету с не совсем приличным названием «Нувель обсерватор».

— Содержание, наверное, соответствует вывеске — голая критика всего и вся?

— Естественно.

Незнамо откуда появилась Татьяна Кирюхина, этакая бомбанелла, пузырь-бэби. Была она солисткой сводного хора лица, в котором преподавал Бодуненц. Кроме нее в хоре пели многие известные в городе люди: Стас Пьянков, Димыч Бухалов, Макс Дерябкин и, само собой, Гоша Кваснецкий, короче, целый запой.

— Че зыришь, глазёнокосилка? — возбух Арнольд.

— Мужика моего не видали? Третий день к ряду нет.

— Спокуха, Танюха! Лаваш тебе в ухо. В наших краях твоего морячка не смякивали.

— Волной не смыло? — участливо подал голос Евсеич. — Он у тебя вроде в системе водоочистных сооружений работает (*потому и «морячок», прим. автора*).

— Ежу-моржу понятно, что загулял по-флотски с семейным кораблекрушением.

— Кончайте шмолькаться, фуфырики! — не на шутку разозлилась Таня-джан.

— Ты с кем так невежливо люлишь? А лифчик не слипнется, каракатица ванильная?

— О-ля-ля! Да мы еще хрычимся!

На этой минорной ноте стороны расстались. Каждый при своем мнении.

— Ну пойдем, Арно, посидим что ли в Диснейленде (песочнице), — сказал Вадик. — Рано утром и поздно вечером вход в него свободный.

— Кто сегодня с чем?

— У меня плодово-ягодное, — засмеялся Люлипупенко, любовно оглаживая карманы. — Боярышник. В аптеке от авитаминоза дают. В цивилизных таких пузырях. Аромат! Можешь прямо там дегустировать.

— «Боярская улада»? Правильно я понял? — смекнул Лева.

— Ты где так долго пропадал. На каких курортах? — задал нескромный вопрос Дулепистый. — Опять, как год назад, загребел на Банную гору, в профилакторий для болящих душой?..

Тогда Люлипупенко почил на пятнадцать суток за езду на велосипеде в нетрезвом виде по перилам Камского моста. Думал, велотрек. Готовился к чемпионату по шоссейным велогонкам в Италии.

— Братаны, свобода! — воздел появившийся после лечпрофилактория Люлипупенко руки к небу. — Три дня был привязан к койке. Поставили диагноз алкогольный психоз. А я ведь, между прочим, совсем не пью! Ни капли.

— Верно! Верно! — загудели братаны...

Появился студент Кисельков весь в глине и еще в чем-то непонятном. Пришел с практических с занятий. Сегодня в университете висело объявление: *«Секция спелеологов! Тренировочный сбор на 9-ом этаже общежития у мусоропровода».*

— Ну ты, диггер-тиггер. Своих не узнаешь?

— Спелеолог он, а не диггер, — пояснил Никеш.

— Спелеолог или диггер — мне один фигтер!..

— Не скажи, — возразил Никеш. — Один по пещерам ползает, другой — по канализации — вещь менее приятная. Это как стоматолог и проктолог. И на всякий случай посмотрел в сторону Левы — услышал или нет.

— Вот теперь узнал. Переоденусь и выйду, — успокоил Шуран, — освобождая глаза от нависших очисток картофеля.

Вскоре он на самом деле выбежал из подъезда с бутылкой красного.

— Презент тестю от брата.

— А-а-а?

— Ты что ступоришь-стопоришь? Штопор давай!

Пока пригубляли фирменное винцо, Кисельков рассказал об очередном улетном случае на фате:

— Проходили мы сегодня методику преподавания химии в средней школе. Тема «Щелочные металлы» (натрий, калий и т. п.).

Лара Жихина по окончании импровизированного урока стала посуду перемывать.

А она тут замуж собралась за парня из военного училища. Статный такой хлопец.

Ходит каждый день накрашенная, напoмаженная. Одним словом, амурная.

Короче, стала она фильтры отжимать под краном. Вдруг, как долбанет на «всю Ивановскую»!

— Вроде петард, которые мне зимой школьнички под ноги подбрасывали? — задал уточняющий вопрос Люлипупенко.

— Во-во, вроде. Но значительно мощнее!

И тут... Жихина в истошный рев и пулей, нет, болидом выскакивает из лаборатории и давай бегать по всем этажам корпуса, сбивая с ног студентов и преподавателей.

Мы за ней. В погоню. С Андрюковым. Но нет у нас такой кинетической энергии, чтобы догнать ее, да и не

было никогда. Пытаемся ее поймать. Пролетает торпедой и размазывает нас по стенкам маслом по бутерброду.

Рев, повторяю, стоит дикий. Как на Байконуре. Или на мысе Канаверал при запуске «Шаттла».

Прошло минут тридцать, пока общими усилиями всего мужского контингента факультета удалось схватить ее и «пригвоздить» к дверному косяку.

— Глаз вышибло, глаз! — истерикует она. И обеими руками за лицо держится.

Стали потихоньку пальцы отгибать. Сами в диком ужасе от воплей. Но замечаем: глаз-то целый!!

Говорим ей — не верит. Боится веки разомкнуть.

Наконец, еле-еле успокоили. Открыла. Видит. Всё. В цвете. Ну она всех и давай обнимать. Спасителей, то есть.

Зато на лбу красная шишка.

Выяснилось, когда она фильтры отжимала, там крошечный кусочек натрия залежался, а он под водой взрывается. Так он ей как пуля в лоб саданул.

С чего она взяла, что в глаз? Этих женщин никогда до конца не поймешь. Перециклило! Навзничь!..

...Степным вихрем из дверей выскочил Гундюк, волоча за собой склянку с какой-то бордосской жидкостью.

— Опять табуретовка?

— Не, в этот раз новая схема. Попробуй.

— Как ты этот клоповник пьешь? — сморщился, как сдутый воздушный шарик, Музын. — Настойка колорадского жука на керосине? Что за бухлятинка?!

— Песня! — причмокнул губами Гундюк. — Из мездры. Завар по старинной рецептуре. В этот раз всё будет повзрослому, не по-детски.

— Ты, судя по всему, совсем с головой не дружишь? — покрутил пальцем у виска Евсеич.

— На кого бочку катишь, степлер с ушами? — разобиделся Гундюк.

Из колодца тем временем показалась голова слесаря Мавлюгаева в мокро-желтой кепке. Отсыпался. Разбудили. После пива. Гомоном. И еще кое-чем.

— Кто крышку отодвинул?! — зыркнул он свирепо.

— Петюня, глотнешь водички? — попытался успокоить этого злобыря Музян.

— В другом разе. Я кого спрашиваю? — повторил еще свирепее дядя Петя, утирая густо забрызганное лицо.

— До чего дошел прогресс — сантехники не пьют! — всплеснул руками Никеш, который, как известно, давно контрился со слесарем.

Это было почти оскорблением и, поскольку водопроводчик Мавлюгаев не страдал косноязычием средних школ, то он быстренько объяснил братве, откуда она взялась и куда аннигилирует.

— Дись рядом. В ногах правды нет, — уселся по-турецки на столе для пинг-понга Люлипупенко. Правда, предварительно он покрутил головой: нет ли рядом дотошных гургенов сотоварищи. Был Арнольд в красном кожаном жилете и рваных джинсах.

— Дяденька, можно нам поиграть в шарик?

— Скоко таймсов?

— Девятнадцать.

— О, я думал уже вечер. Ладно, сидайте хлопцы в песочницу. На пляж.

— Рыг! — одобрительно восхитился старый хмырь-куале Малярчук, приковылявший ниоткуда. — Вся интербригада в том же составе.

— Эй, вы, песняры, а ну, принимай гостинец! — клацнул он зубами, доставая из сумки спиртосодержащие жидкости.

На закуску как всегда было пиво. Крепкий «Рифей».

— Хорошо пошел. После первой не закусывают.

— После второй не закусывают.

— О, привет, Евс, та мы ж с тобой давеча видькались.

— До мене вчера бывшая жена приезжала. С Мариуполя. Лолиту попроведать, — поделился впечатлением Музын.

Молик — убежденный холостяк. Общий стаж: тридцать лет семейной жизни. Был четырежды официально в разводе, неофициально — о том история умалчивает. Так вот Музын всегда утверждал:

— Женщинами лучше любоваться издали, а еще лучше на фотографии.

— А ты, женатик-лунатик, что думаешь по этому поводу? — хлопнули по затылку Киселькова.

— Молод я еще с дедами делиться опытом, — заскромничал Шуран, бережно собирая пустые бутылки в пакет.

Евсейч качнул пакет на пальце:

— Примерно кило пять будет. Примерно... Жена с бизнесменом ушла на рынок картошку взвешивать.

— С каким таким бизнесменом? С Саней Водником, что ли?

— Ну, этот... с крючком. На пружинке.

— С безменом? — догадался Люлипупенко.

— А я как сказал?

— Пошлем Музына с пустой тарой в чипок на разведку. Поди какая-нибудь «балясина» подвернется.

Молешот шустренько отправился до «Дианы».

В это время в чипке какой-то недалекий мэн в шляпе брал марочный коньяк.

— Мужчина, — вкрадчиво обратился Музын к нему, — для вас есть более интересный предложений по деньгам и по пользе. Оптимальный вариант.

— Какой?

— Как насчет вон того портвеешка. Дешево и сердито? — Молик расплылся в улыбке и задергал бровями, типа, зацени интеллект.

— Мало осталось мозгляков в стране, — сокрушенно

вздохнул Музян, получив категоричный отказ.

Пришлось вернуться обратно с одной бутылкой пива на всех.

Дискуссия продолжалась.

— В этом доме я живу больше тридцати лет, — похвастался Музян.

— А я — с самой постройки.

— А ты помнишь, у нас здесь сначала мэ́р жил? — оттянул подбородок Никеш.

— Ё! Горячая вода даже летом была. Золотые времена!

— В нашем доме кто только не жил: народные артисты, известные писатели, парт- и профбоссы, авторитеты всех уровней. Потом мраморные мемориальные доски некуда будет клепать.

Арнольд узрел смутную тень справа.

За деревом притаился незнакомый низкорослый мужичонка. Не из местных аборигенов.

Люлипупенко, как всегда, не растерялся:

— Мужик, а туалет платный.

— Первый раз слышу.

— У нас управляющая компания. Знаешь, какая! Носом землю роет. За такое. Словом, берусь уладить всё на дипломатическом уровне. Короче, отслюнявь десятку.

— Ты совсем кто? Что за чел? — удивился Арно, когда человечек вышел из-за дерева.

Оказалось, незнакомец был заштукатурен под китайца или японца. С подклеенными веками. И щеками, вымазанными желтым тональным кремом.

— Откуда такой Восток?

— Работаю поваром в китайском ресторане, — сказал человечек, протягивая столь желанные десять рублей.

— Тогда скажи: и в чем же секреты вашей кухни?

— А вали всё, что по́д руку попадет, в одну кучу. Вот и весь секрет. Мясо с рыбой. Колбасу с горохом. Капусту с молоком. Главное, побольше специй. Правда, Ли?

— Когда во рту горит, — заметил Музын, — всё проглотить без дополнительного пережевывания.

Тот, которого обозвали Ли, встал с корточек. Оказывается, он сидел недалеко от русского подмастерья. Но, как товарищ вежливый, не вмешивался в диалог.

— Ты по фэн-шую ботаешь? — обратился Люлипупенко к китайцу (других китайских слов он всё равно не знал, а это как «шпрехен зи дойч»).

— Китайса знает фэнь, знает шуй, — заулыбался главный повар.

В это время на улицу выскочил Жека из шестого подъезда, видать, в чипок за добавкой. В светлых штанах.

— Треники спадывают, — пояснил он Люлипупенко. — Подвязал тесемкой.

Черной. Был он к тому же в светлой рубахе.

— Да ты совсем Джеки Чан. Черный пояс. Пятый дан.

Откуда ни возьмись заискрился Хоттабыч. Редкий гость. Точнее, едкий. Появляется сразу после очередного пожара. Залить душевные раны. Вообще-то его фамилия Хотенков. Ну, а так — Хоттабыч. Для своих. Верный признак: зачистил, значит, сушь стоит, тополя цветут или новогодние фейерверки пускают.

И, действительно, дым на четвертом этаже. Наблюдается.

— Кто Хоттабыча запустил? — спрашивает грозно.

— Я не пускал, — потупился Люлипупенко.

— Это же Малярчук смолит на седьмом, — вставил слово Музын.

— А дым ползет до четвертого. Потому что тяжелее воздуха, — блеснул знаниями Кисельков.

Тут встрял Батумыч, который, казалось, давно уже был в отключке. Просто сычом минометным сидел.

— Ох, и достали! В пиццу вас всех, патиссоны скулас-тые, — заершился Малярчук. — То ж Артемка с Кости-ком балуются. Где только их отцов носит?

— Не, это из другого подъезда пчеловод улей на лоджии охмуряет. Медогон, — вставил слово Никеш.

— Как Ющенко?

— Вот почему осы летают! — озаренно взвыл Малярчук. — А я-то страдаю!

— Всё это опять же не по фэн-шую, — вздохнул он.

Хоттабыч тем временем, опрокинув пару стопарей (бутылка само собой его), рассказал поучительную историю:

— Мужик один решил славно позавтракать. Спросонок ухнул перца в суп. Третью перемычку. Циклотронный вкус. Запало весь пищеварительный тракт от входа до выхода. Дыхание сперло. Насилу выдохнул. Рядом кто-то сидел курил, вроде племянник или брат (сейчас не установишь) — взрыв бытового газа. Полдома в руинах.

Поаккуратнее с перцем, братва!

...Мимо проходил декан филфака Рудольф Винегретович.

— Никита, ты?!

— Я. Какими судьбами, Рудик?

— К профессору Мозеру, почетному ветерану заглядывал по общественной линии, — и, предвосхищая вопрос. — Всё там же декану.

— А ты где?

— Да на пенсии. По вредности.

— Точно! Вредным ты был всегда. Таких только и надо на пенсию. Своевременно...

— Как тесен мир! — экстазно воскликнул Никеш.

— Чему удивляться, город-то маленький. Всего миллион жителей. Не Мехико, — засмеялся Винегретыч. — Хотя и тот — одна большая деревня.

— Причем, в горах. Значит, аул...

Снова в команде почувствовалась острая нехватка производных карбинола.

Все посмотрели на скромно застывшего с краю Леву. Лева развел плечами:

— Сегодня денег в ноль. Тут мои медсестры ежедневно стали меня разводить, зная, что я страдаю прогрессирующей рассеянностью.

— Как это?

— А вот так, например:

— Вы опять мой ключ, Лев Купидонович, взяли.

— Даю чес-слово — не я!

— А, давайте, проверим?

— Хорошо, если не я, с вас — шоколадка!

— А если вы, с вас — две!

— Заметано.

Проверили, и точно — взял. Пришлось откупаться.

— Ну вот, а мы не знали как на зарплату его раскрутить, — ликовали медсестры.

Через две недели сотрудницы стали уходить с работы, надсаживаясь от переполненных сумок в обеих руках. Сноровка везде нужна. Особо, в борьбе с начальством.

Все взоры устремились к Дулепистому.

— Сегодня и у меня по нулям! — развел руками Вадик. — Жена всю окончаловку прибрала подчистую. Нашла, кочерыжка, под стелькой.

Пацаны нервно закурсивали от чипка во двор и обратно. Денег не было. А надо, чтобы были.

До аванса далеко, до пенсии Никеша тоже, спонсеры вроде Бодуненца отсутствовали. Бесполезняк.

Стали лихорадочно вспоминать, кто кому должен.

Выяснилось, все должны друг другу. Как в преферансе.

Евс от огорчения слюнявил почву возле акации. Рядом пристроился Шуран.

Остальные закусывали прибаутками:

— Какое главное секретное оружие России?

— «Булава» или «Сатана» какая-нибудь.

— Не-а! Газпром!..

— Мы живем в век нано- и биотехнологий.

— Хватит нецензурно выражаться!

— Это слова первого лица государства, тупорез!

— А вот и нет.

— Где инет? Провели уже? — приподнял ухо с земли
Шуран...

Вчера в бане Митяй сказал:

— Один парень.

— Почему один?

— Видишь, он один упарился, то есть угорел. Остальные — нет.

— Тогда не парень, а упарень, — педантично уточнил
Арнольд...

Чей-то старенький седан, пытавшийся объехать вереницу припаркованных на проезжей части автомобилей по скользкому бордюру развернуло, и он чуть со всего маху не снес дорогу иномарку.

Шофер — молодой парень. Выскочил из машины. Весь бледный как полотно. Стал растерянно крутить головой по сторонам.

— Кто это? — спросил Лева у Вадика. — Не знаешь?

— Юзер он, — ответил Дулепистый.

— Фамилия?

— Водитель неопытный? Цугом ездит, в смысле, юзом, — пояснил Вадик...

Жена Василия Демьяновича, соседа Малярчука, вышла на балкон и стала звать:

— Вася, Вася.

— Не Вася, а Квася! — замырлыкал Лева, приобняв Демьяныча, который клевал после выпитого носом.

Демьяныч — истинный мариец, родом из республики Марий Эл.

— Это она его однофамильца кота кличет, — уточнил Люлипупенко. — Вон в кустах схоронился...

— Господи!

— Не повторяй имя Господа нашего всеу, — пропел басом Люлипупенко.

— Сам не ершишь.

— Я и не ершусь, это ты ершишь. Че там миксуешь дома по праздникам? Пиваря с водяном?

— Может, вентиль латунный где-нибудь стибрим в бойлерной, — предложил Люлипупенко и с вожделением затеребил за рукав Музыана.

— Рванем? А?

— Я тебе не Юрий Башмет — струны на раритетных скрипках рвать, — отмахнулся Скриншотович.

Вадика в это время проняла икота. Жуткая.

— На, запей водичкой!..

— Еще больше усилилась.

— Шалишь, малыш! Кто ж лечит ик водой? Дурило.

— Только пивом. Разбавленным...

— Чем?

— Водкой!..

— С этой реформой ЖКХ то воды нет, то электричества, то лифт стоит, — ворчала жена Малярчука, спускаясь пешкодралом с седьмого этажа.

— Где мое бесценное сокровище? Цыпа-цыпа-цыпа... Орел ты мой! — крикнула она, увидев Малярчука в привычной компании.

— Уважает, однако.

— Это потому, что орет часто, — пояснила Мариша мужикам.

— А ну, домой, живо! — рявкнула жена.

— Ща, ша, морковка из борща! — процедил Арно, отвернувшись в сторону.

Из-за угла дома вдруг неожиданно вырулил Бодуненц с женой.

— Привет квасной компании!

— Пивнешь маненько? — широким жестом предложил Арнольд. Хотя предложить, честно говоря, кроме остатков боярышника было нечего.

— Не пью. Совсем.

— Что за выперт? Хватит бычиться! Знаем мы вас преподавателей. Вечно на комплимент напрашиваются.

— Ты что там авоськаешься с продуктами? — заспросила Савелия жена.

— Да вот, банка сметаны опрокинулась, — жалобно ответил он.

— Что есть пожевати? — наострил уши Музян и за сверкал голодными глазами, как стая волков в Оренбургской степи.

— Ищите, да обряцете, — процитировала Нина.

Пока она балаболила с пацанами, Люлипупенко удалось выудить у Савелия жизненно важные сто рублей.

Полный хэппиэндйц, однако!

Доцент Вивасов нынче тоже попал в не совсем однозначную ситуацию. Шел он как-то по улице. Глаза по сторонам пялил. На витрины. По курсу его следования на проспекте стоял ансамбль гитаристов и что-то пел. Из репертуара «Машины времени». Наверняка, к студвесне репертуар затачивал. Рядом, на земле, шляпа ковбойская лежала с накиданной мелочью. А еще чуть дальше — неглубокая лужа. Вивасов прошел мимо музыкантов. Но мелочи жалко стало. Пусть лучше теорию молекулярных орбиталей разучивают. Причем, бесплатно.

Неведомо откуда дунул ветер. Внезапным вихрем шляпу Вивасова сорвало, и она упала в лужу. Он бегом за ней. Насилу догнал. Но та уже плыла, как кораблик по морю. Вытащил Вивасов ее и стал расстроено внутреннюю поверхность осматривать — не промокла ли? Со стороны это походило на то, что стоит нищий, смиренно склонив лысую голову, и клянит милостыню на пропитание. Ну одна старушенция и бросила ему горсть медяков. Посчитала, что Вивасов из того же созвездия певцов:

— Хорошо поют, бисовы дети!

На четвертом курсе зимой послали Киселькова, Борю («Борюса Ли») и еще трех парней с факультета склад реактивов перебирать. Заодно и историков (студентов истфака) туда направили. Ну, наши-то, как полагается, в халатах. А те лохи — в брэнде: манто норковые, джинсы «Дольче & Габбана», костюмы бутиковские и на ногах, разумеется, модельная обувь (у девиц шпильки на высоком каблуке, у парней — лодочки из кожи кенгуру). Среди кислоты и щелочи ползать — один кайф!

Проходит минут тридцать, и видит ГенСеК: со стороны склада идет этакая процессия в составе трех человек в белом. Впереди Кисельков — босыми ногами по снегу, штанины закатаны до колен. В руке несет кроличью шапку, перевернутую мехом вниз.

Лица у всех безумно тоскливые.

В сердце у декана закололо:

— А где остальные? Что с ними? И что с вами? Почему дрейфуете босиком?

Выяснилось. Когда историки (ну, тупые!) схватили по неопытности двадцатилитровую бутылку с серной кислотой и подняли ее высоко над полом, у той отвалилось дно, и окатило всех присутствующих.

У Киселькова ботинки в один момент превратились в лохмотья. Хорошо хоть он сразу прыгнул в снег головой и умудрился сорвать их с себя вместе с носками.

Историкам повезло меньше. Вся их фирма и меха оказались безнадежно запорчены — в сэконд хэнд не примут.

— Будем разбираться, кто возместит убытки студентам, вернее, их папенькам, — грустно посетовал ректор. И посмотрел на декана истфака, а тот посмотрел на нитроглицерин — хватит ли до вечера?

— Отгадай загадку, — сказал Артемка отцу:

— А, И, Б сидели на трубе. А — упало, Б — пропало.

Кто остался на трубе?

— Буква «И», — вспомнил детство родитель.

— Ответ неправильный! — воскликнул Артемка. — Сдаешься?

— Не знаю. Сдаюсь.

— Буква «И» и две запятые, — заискрился радостью мальчуган.

Евсейч летом вывихнул руку. Сдается, и не вывихнул, а так, только растянул. На всякий случай попросил у Вадика:

— Ну-ка, дерни за руку. Вправь мне сустав.

Вадик дернул слегка.

— Сильнее дергай, так только боли добавил!

Дернул сильнее.

— Я же просил сильнее, а не как в предыдущий раз. Вадик дернул еще сильнее.

Евсейч упал навзничь. Вывих прошел, но ребра погнул при падении. Вот и не известно, что лучше.

Никеш в молодости тоже учился в университете. Но было это давно. От той поры в памяти запечатлелось несколько курьезных случаев.

Как-то шла первомайская демонстрация. Никеш, как видный общественник, тащил портрет генсека (настоящего). Погода стояла скверная, дул сильный ветер, и портрет с древка сорвало. Потому что болтался на одном гвозде и честном слове (как это всегда у нас принято).

Тогда Никеш положил портрет на землю и давай камнем по лбу лидера партии неистовствовать, а чтобы фанера не сползала, придавил ее правой ногой, наступив прямо на розовощекое лицо. Нет, он не был тогда идейным противником. Просто...

Собкор газеты «Будни университета» встал рядом и давай делать провокационные кадры. Вышел бы репортаж под хлестким заголовком: «Получай, фашист, гранатой».

Ладно, наша доблестная милиция оценила весь пафос момента и вовремя отвела в сторону незадачливого фотографа для засветки пленки.

Университетский фотограф Евсеич, а это был именно он, любил находить неожиданный ракурс для своих фоторабот (вспомните, благодаря ракурсу Малярчук даже родную квартиру не опознал).

На привокзальной площади недалеко от университета в тени деревьев стояли мусорные баки. А рядом было излюбленное место продавцов пирожков и мороженого: далеко ходить не надо, после завершения миссии продаж. Выкинул пустые коробки — и домой.

Евс нашел такую диспозицию, что получалось, будто длинная очередь выстроилась к мусорному баку, из которого расторопная лоточница бойко доставала горячие пончики. Излюбленное лакомство студентов.

Во находка для иностранных бы репортеров получилась! Материал с шокирующим заголовком «Голод среди российских студентов».

Бодуненц не служил в армии. Но закончил военную кафедру при пединституте.

Особенно запомнились ему ежегодные демонстрации с участием сотрудников оной кафедры. Они обычно шли в первых рядах колонны и делали честь институту своей безупречной офицерской выправкой.

Была у них и еще одна «коронка»: от стен вуза они отправлялись трезвые, как стеклышко, а мимо трибун уже маршировали в драбадан пьяные, хотя внешне это было трудно заметить. Только в приватной беседе.

В первые несколько лет Бодуненцу никак не удавалось раскусить секрет столь незаметного фазового перехода.

«Может быть, эффект Малярчука?» — задавал себе вопрос Савелий. Вышеназванный эффект заключался в том, что идет, например, Батумыч выносить ведро к мусоропроводу, а через пять минут уже висит в стельку пьяный на ручке ведра.

— Везде лешак найдет шишак! — так реагировала на эти парадоксы жена Малярчука, Мариша.

Так бы никогда и не догадался Бодуненц о методике астрального офицерского опьянения, но Витек-Гагулек, большой знаток армейской жизни просветил его: бывалые вояки на параде прячут плоскую бутылку или грелку во внутренний карман кителя и выводят трубочку в районе лацкана воротника. Маршируя, тихонько посаждают коктейль. И не замерзнешь, и настроение натурально праздничное.

А так, вроде никуда не отлучались — руками, как все махали. Умеют ходить на автопилоте!

Как-то в возрасте двадцати восьми лет пытались Бодуненца призвать в качестве офицера на действительную воинскую службу. Пришел Савелий по повестке на встречу с военным комиссаром.

В коридоре уже толпилось несколько человек.

Военком лично беседовал с каждым.

Спрашивает первого:

— Служить пойдешь?

— Не-е. Мне на свадьбу надо!

— Что ж, вычеркиваю. Дело нужное.

Второго.

— А мне разводиться!

— Что ж, вычеркиваю. Дело житейское.

Третьего.

— Ну, а ты, женишься или разводишься?

— Да нет, вроде.

— Тогда в стройбат на два года. Очки мне твои понравились. Шибко.

Так до Савелия очередь и не дошла. Сказали: «Будешь пока в резерве».

С этой военной карьерой много курьезов связано. Например, был такой капитан Молодцов. Не усмотрел. Лицеисту первого курса (по школьным меркам — девятикласснику) Огольцову повестка. Так мол и так, ждем по указанному адресу в полной экипировке (т. е. сухари и два комплекта сухих портянок) для прохождения срочной воинской службы в горячей точке. Морпехом. На два года.

Младший Огольцов в рев. Всего пятнадцать отроку стукнет, и то через месяц. Недавно еще с игрушечным автоматом бегал по улице. Видимо, пока не разучился, надо в реальных условиях закрепить пройденный материал.

Отец сказал:

— Значит, так нужно. Стране. Будешь служить, раз некому. Сейчас, знаешь, какой недобор? Гайдар вон в тринадцать фронтом командовал. После чего сколько книжек отличных написал. Мемуарных. Все бы так. Глядишь, и перегнали бы Евросоюз по уровню жизни.

Запричитала бабушка.

— Всегда ты в педпроцесс вмешиваешься, — осадил ее отец.

Наутро все вместе направились в пункт предписания: зареванный младший Огольцов с пластмассовым автоматом наперевес, отец, мать, бабушка.

Обратно в том же составе, ошибочка вышла. В базе данных.

Бодуненц неделю назад был на приеме у стоматолога. Врач без умолку болтала по телефону. Стационарному.

И одновременно по мобильнику.

Завидя Савелия, сразу на «ты» панибратски. Толкнула его в кресло. И принялась деловито сверлить. В паузах между сверлениями SMSки отправляла кому-то.

Потом ковыряться в канале начала. Тем же макаром.

— Черт, заболталась, иглу в зубе сломала! — вдруг открылась потом она. — А ну, почеси языком. Не мешает?

— Есть немного.

— Варя, тащи кусачки...

Медсестра принесла здоровенные пассатижи.

— Не вырывайте, зуб почти целый! — засопровивлялся Савелий.

— Подожди, подпаяю сейчас к обломку проволочку и тогда вытащим... Уф, еле достала!

— Вишь, ты на этой игле уж десятый, вот она и не выдержала.

— А как насчет СПИДа? — затрясся Бодуненц.

— Какой тебе тут СПИД! Это в Америке всё, а у нас — тишина.

— Как, ничего не мешает? Пощелкай языком.

— Да вроде нормально.

— Тогда иди... Стой! Кажется это мне или нет? А че у тебя щека так распухла?! — испугалась врачиха.

— Наковырялись тут досыта — вот и распухла! — строился Савелий.

— А ну, садись обратно! Е-мое. Так это ж я «тампаксы» забыла достать. Ну, ты меня чуть до инфаркта не довел, даже сердце екнуло.

«Больше к стоматологу ни ногой! — решил Бодуненц. — Жизнь дороже!»

За Витьком-Гагульком водилась одна страстишка. Кроме любви к выпивке, отличался он также неумеренной страстностью к женскому обществу. Это и понятно: в свои двадцать семь Витек уже успел быть

дважды женат и снова разведен.

Как-то видит Бодуненц, выбегает Витек из чужой квартиры в женском халатике и в бигуди. Правда, Витька Савелий не сразу признал. Уж больно артистично тот свою роль отыгрывал. Как оказалось, зашел Виталей навестить свою бывшую подругу. Жила она в подъезде Бодуненца этажом ниже.

А тут, откуда ни возьмись, законный муж приперся. С работы. Но уже выпивши. Изрядно. Пока он в дверях ключами скрежетал, подруга Витька в женское обличье обрядила — типа, соседка Жанна за растительным маслом и сметаной зашла. Муженек с пьяных глаз ничего и не понял, а давай еще и вязаться к соседке. Хапать за что ни попадя. Пришлось Витьку ему по калгану треснуть. Сметаной. В банке. Сильно. Муж отрубился прямо у порога. До утра. Прележал в сметане. Мордой. Ничего, для цвета лица полезно!

Потом случайно встречает Гагулька на улице:

— Где-то я вас видел, мужчина. Вблизи. Но не помню. За сметаной вместе не стояли в молочном отделе гастронома?

Криптомнезия, другими словами. Или дежавю.

А у жены иногда спрашивал:

— Где, Нюся, твоя миловидная подруга Жанна, почему не заходит? Ты ее хоть приглашай изредка!

История Гоши Дресвянкина

На одном этаже с Савелием жил Гоша Дресвянкин. Любитель выпить, но так, тихо, по-семейному. Во дворе под кленами его никогда не увидишь. Да и в подъезде.

Однажды Гошина жена заныла:

— Хоть бы мусор вынес, алкаш-прохиндей.

Ни слова не сказал тогда Гоша. Надел он линялые трико с дырками и вытянутыми коленками, застиранную

футболку с одним рукавом. Ушел с переполненным мусорным ведром и в шлепанцах на босу ногу.

Исчез как в воду канул.

«К другой», — решила жена.

...Прошло семь лет.

Увидели, но не узнали они с дочерью и внучкой его в американском блокбастере со Шварценеггером в дуэте по телевизору. Причем, Арнольд только так, на подхвате, тусовался...

Женился на фотомодели. Развелся из-за другой. Потом снова. И так раз семь. Снялся в десяти десятках фильмов. В Каннах — «Пальмовая ветвь». Три «Оскара» в номинации за лучшую мужскую роль в Голливуде. Основал фонд поддержки русских актеров. По приглашению Российского президента открыл Сочинский кинофестиваль. Заехал попутно в Пермь. Нашел ведро и шлепанцы у мусорного бака. Вернулся домой. Сел за телевизор смотреть свой первый фильм со Шварценеггером.

Жена проворчала: «Где так долго? Тебя только за смертью посылать».

— Я слышал, — почесал затылок Музян, — вчера в Штатах какое-то мероприятие крутое было. По-чудному называется. Не то «холуи», не то «хула вин».

— Хеллоуин. Праздник национальный американский. Типа Восьмого марта у нас. Но с маскарадом.

— Берешь тыкву. Делашь прорези и в них изнутри свечки вставляешь. Что получается?

— Жена Малярчука — вот что.

— Точно.

— Спросим у Киселькова. У них там, в университете, наверняка без сенсаций не обошлось.

— Шуран, как событие отметили?

— Как-как? Не хило. С выдумкой.

В поточной аудитории учебный фильм показывали. В полной темноте. Мой друг Костян на свою дыню прицепил сверху огородную, на нее — простыню, внутрь вставил два фонарика с красными китайскими лазерами.

Идет демонстрация. И тут в свете прожектора он. «Крик-7» называется. Ужастик. Ну и всё.

Уборщице ведро с водой не пригодилось. И так всё сыро. Особенно под передними партами и за менторской кафедрой. Лектору даже «скорую» не вызывали. Не успели.

«Все на уборку капусты», — гласил лозунг на первом этаже химкорпуса. И нарисована аппетитная россыпь долларов, евро, юаней.

«Коль не срубишь ты капусты, то в зачетке будет пусто», — многозначительно намекал второй лозунг у дверей деканата.

«Вилком ту харью» (это уже практически по-английски с красноречивым рисунком — кочан капусты летит в голову отстающему двоечнику) — третий. На дверях студенческого общежития.

Кто ж после таких лозунгов удержится от поездки?

Все по единому зову выехали на Красавинский огород. Находился он на окраине города. Рядом с новым мостом. Работа шла споро.

Скоро закидали одну машину, потом вторую... После короткого обеда — и третью.

Доценту Вивасову, как обычно, кочаном в дыню. Подставился, пугало огородное. Это уже ежегодная традиция. Чтоб Вивасов и без попадания в маковку — тогда и капуста — не капуста.

— Ой, сотрясение! Не иначе, — застонал Вивасов. Забинтовали его, разумеется. Клизму вставили на всякий... От ботулизма (кишечной тошноты). Из его же кармана.

Тот, конечно, подумал на Киселькова — это, суть, тебе за несданный зачет.

— Ну ты теперь вообще его не получишь! Американская вонючка! Скунс — по-деревенски, — разозлился Вивасов.

— Да вы что, Могул Феоклистович, да я...

— Абзац из букваря! — и Вивасов пошел с прокламацией на Киселькова в деканат.

За столом в приемной что-то, по всем вероятностям, очередной приказ об отчислении на ноутбуке сидела-строжила Элеонора Тушканчикова, секретарь факультета.

Вивасов деловито спросил:

— ГенСеК у себя?

— У себя, но занят. У него там Зулягина с Моповой.

— Ну, это надолго. Зайду на неделе, — и он побежал к себе проверить электронную почту.

— Опять всякий спам! — взревел Вивасов, открывая почтовый ящик на компьютере. — Когда я слышу слово «программист», моя рука тянется к гранатомету!..

Кисельков страдал несколько дней, а потом догадался: нужно восстановить всё (хронику событий) как было на бумаге. Кто где. Как аварийный комиссар. Хронометраж. Диспозиция.

Через два дня приносит Вивасову схему:

— Вот я, вот вы в момент попадания. В радиусе недосягаемости.

Вивасов, знамо, любил точные расчеты.

Всё сходится — не мог Кисель достать, даже если бы очень захотел — находился вне зоны поражения. Алиби. Причем, мощное.

— Неужто ГенСеК постарался, старый хрыч? — обмяк Вивасов. — Припомнил мне, подлец, что я ему, когда вместе учились на втором курсе, не дал списать лекцию по истмату. Точно! Больше некому. Хотя нет.

— А если Столетов? Тоже одноклассник. Тот еще хохмач. Во, гад! А ежели киллера капустного наняли? Того же Пантелеича? Ну что ж, сделаем ответный ход. Сквитаемся.

К Пантелеичу, старшему, да что там говорить, старому лаборанту нужен подход. Миллилитров сто медицинско-го. Или гидролизного — тот еще шибче. Он в этих спиртах знаток — куда тебе дегустатор!

Выпил, надфилом занюхал.

— Ну, какая у тебя ко мне ботсвана?

— Ты, Пантелеич, помню при всех хвастался, что в первую мировую снайпером в гренадерском корпусе служил? Из трехлинейки в перстень попадал. Австрийского канцлера.

— Было дело, под Полтавой, — как-то неопределенно крякнул Пантелеич.

— Гранату кидал с тридцати саженей во вражеский редут без промаха?

— Случалось.

— А уж кочаном капусты в кадушку для засолки — завсегда с сорока футов?

— Ты к чему это клонишь, Феоглистыч? — запротестовал старый лаборант. — Не кидал я в тебя тех кочанов, потому как, если б кинул, то лежал бы ты сейчас пластом где-нибудь в Склифасовске.

— И то верно! — сквозануло у Вивасова. — Или? Ловкая инсценировка?

Вызвал Киселькова.

— Чтоб окончательно снять с себя всякие подозрения, сходи к декану. Вот де, гарно у вас получилось уважаемого Могула Феоклистовича скопытить. А потом к Столетову с тем же вопросом. Чай, растрогаются и сболтнут чего лишнего.

Делать нечего — пошел Шуран к ГенСеКу. Понарошку.

— Геннадий Сергеевич, Могул Феоклистович спрашивает, когда больничный можно закрыть?

— Все бы так болели, — сходу завелся декан. — Его головой да кирпичи ломать. Помню студенческий футбол у общаги: всегда норовил тыквой если не в мяч, так в живот сопернику зафинтилить. Классно это тогда у него

получалось. Все мы после матча занятия пропускали. Из-за длительного расстройства желудка. Вот и сейчас условный рефлекс сработал. Сам головой боднул кочан. Так и передай! Мой пламенный привет.

Вроде, убедительная теория.

Затем Кисельков подрулil к старшему преподавателю Столетову — у того имелось больше оснований проверить репу доцента Вивасова на прочность — как-никак обогнал по служебной лестнице.

— Валентин Николаевич, как вы относитесь к Вивасову? — спросил прямо, без обиняков, по-мужски.

— Хорошо отношусь, — отшутился Столетов. — Можно сказать, по-дружески.

Но, упредив вопрос Шуры, сказал:

— Не кидал! С моей близорукостью при всём соблазне не попал бы.

Эти аргументы Шура и передал Вивасову.

— Вот задачка-то! Похуже уранения Клапейрона-Менделеева. Полный абзац из букваря.

...И тогда доцент по совету друзей с юридического факультета пошел к частному детективу Раулю Комарову (см. выше с. 129).

В прошлом зимнем семестре ГенСеК всех на овощную базу отправил. Под предлогом: для столовой корпуса надо свежих овощей накромсать. Мороз градусов сорок, не больше. Синтетические импортные шубы колом стоят. Дорога идет через Мутлянский пруд. На нем метровый слой льда. Правда, кое-где рыбаки просверлили лунки, в надежде че-нибудь выловить: котелок доисторический или сапог испанский.

Студентка Жихина в одном строю по тропинке шла. Ресницы смерзлись. Вот она и шагнула с тропки случайно в сторону.

Хоп! Только песцовая шапка над водой всплыла — угодила, стрекоза, в лунку. Кисельков ее в проруби рукой нащупал и вытянул за воротник шубы. Хорошо, у Вивасова спирт с собой был — отпоили и оттерли обоих. Жива Жихина, как мы знаем, до сих пор, однако, про ту историю ничего не помнит, так как окосела от спирта в сметану...

Далее студенты зашли на склад. Там туман кромешный. Видимо, паровое отопление в прямом, а не в переносном смысле, то есть не по трубам пар гонят, а напрямую — для большей теплоотдачи.

В этот раз студентов на яблоки бросили. Перебирать. С условием, ешьте от пуза. Но без выноса через проходную. Наши, само собой, студентки честных правил. Так и следуют заветам начальства.

А вот рядом несколько молодых девушек-женщин, похоже, с «Акцизнака» работали. Ну те, известное дело, привыкли ценные бумаги тырить с предприятия. Что стыбил, так и живешь. Вот они и наелись досыта, и набрали яблок навывнос: одна за пазуху напяртала для пополнения худосочного бюста на несколько размеров; другая — на живот, типа, смотрите: беременных и то привлекли к хозработам — не пожалели, вампиры.

Наши студентки смекают: вот как жить надо умеючи. А те профессионалки! Никто ничего и не усек на выходе. Только посочувствовали.

В нашем городе почему-то не стало наперсточников. Раньше на каждом углу тусовались. Сейчас — нет. В прессе твердят — заслуга доблестной милиции. Вероятно, оно и так. Не спорю. Но отчасти этому поспособствовала и акция, предпринятая господином Люлипупенко Арнольдом...

Как-то Арнольд схватил за руку Дулепистого:

— Вадик, хочешь долг отдам. Седня. В полном объеме!
— Опять за свое?..
— Клянусь!
— Ну-ну. Попробуй.
— Пошли к наперсточникам.
— Ты у них что ли подрабатываешь?
— Нет, как ты мог обо мне такое подумать, валенок?
Пришли. Стоят лицезреют.
— Дай десять блей, сыграю.
— Да это же кидалово, Арно!
— Само знамо, — ухмыльнулся Люлипупенко.
— Смотри, дурлепан. Продуешь — не дам, сколько потом не проси!

— Играем, — кинул купюру Арнольд.

Водящий начал метать свои стаканы по фанере. Быстро так. Как лосось икру. Видит Вадик, вроде тут он должен быть, но никак не тут. Но Риня пальцем совсем на другой стакан показывает.

— Ты что, Люлик, совсем офонарел?

Но Арно оказался настойчив в своих намерениях. Водила перевертывает — и... Шарик!!

Снова заход. И снова удача. И так несколько раз. Наперсточник уже из кожи скоро выпрыгнет от злости. Но его бомбилы против Вадика слабоваты, поэтому не решаются войти в открытый конфликт.

— Харэ, — думает. — Тактику поменяем. Резервный вариант. Будем подбрасывать шарик незаметно в процессе открывания. А гонять под стаканами воздух.

Но и Люлипупенко не лох последний. Разгадал уловку.

— Ну что, — говорит, — пойдем от противного. Вот здесь точно нету. Открывай! В следующем тоже.

Остался один, но и в нем ничего нету.

— Значит, здесь!

Заерзал водящий как уж на сковородке. Опять проиграл — не покажешь ведь, что шарика и тут нет.

Так накололи лохотронщиков! Весь банк сняли!
На следующий день аналогичный триумф.

А после? Компания наперсточников стала разбегаться уже при одном появлении Люлипупенко на улице!

— В чем фишка, Арно, не поделишься с друзьями?

— А ты помнишь, Вадик, где я работал до перестройки? Вот! То-то же. Электромагнитное устройство в руке — лазерный радар с ОКБ телефонного завода — секретная разработка для таможи: незаметно туристов обыскивать.

Да и фокусами Люлипупенко в детстве увлекался. Сам кого хочешь, обдурить мог.

И вот недавно Люлипупенко наказал еще одних аферистов на металлорынке. Распространяли они там «бесплатную лотерею» с платным проигрышем.

Идут Вадик, Евсевич и Арно по рынку в поисках обновления прейскуранта цен на старые латунные краны.

Вдруг к Люлипупенко подбегает парень:

— Бесплатная лотерея. Тащи билет.

Арно машинально взял.

— А ну, разверни, — настаивает парень.

Люлипупенко развернул — DVD-плеер.

— Поздравляю! Мужчина, идите получите выигрыш.

Арнольд подошел к лотку.

Но тут другой амиго объявляется с тоже «счастливым» билетом.

Потом третий. Сколько же вас, хануриков?!

— Тройной билет? Спор решит сильнейший. Придется кинуть жребий. Либо доплачивайте по полштуки. Все доплачивают. Никто не сдается. «Видя» такое упорство, лотерейщики решают:

— Всё-таки жребий. У кого на кубиках больше выпадет — тот и победил.

Те амиго бросили кости — у каждого по максимуму. В итоге по двенадцать.

Бросает кубики и Арнольд: тоже две шестерки. Ой-ей-ей! Повторим попытку.

Те снова кидают, и у них обоих по единице. А у Арнольда снова двенадцать.

Лохари скрипят зубами — облошались по полной. Пришлось и приз отдавать, и мани.

— В чем секрет удачи? — восклицают пацаны.

— А ты помнишь, Евсеич, где я работал до перестройки? — снова отвечает Люлипупенко. — Вот то-то же! Электромагнитное устройство в кармане — индукционный осциллятор вращения с ОКБ телефонного завода — секретная разработка для казино — нашим разведчикам за рубежом запасы валюты пополнять для содержания резидентуры и любовниц.

Или еще эпизод. Снова на рынке. Обитатели «парижских тайн».

Идет Арнольд с командой, слегка подотстал. Смотрит: кошель лежит. Прямо под ногами. Нагнулся. Поднял. А там полно денег. Пока он по сторонам головой вертел, другой мужикан подлетел.

— Я в доле. Всё видел. Чуть-чуть меня упредил. Пойдем за угол разделим по-братски: фифти-фифти.

Пошли. Откуда ни возьмись, появляются два бомбини.

— Мужики, наш кошель подобрали. Молодцы! С нас причитается! Постой, пересчитаем еще раз. Э-э-э. Десяти тысяч не хватает. Тогда с вас причитается!

Второй мужикан сразу пять штук отдает. Без базара. И те сразу к Арно — теперь твоя очередь.

Люлипупенко протягивает им свой полупустой кошелек. После чего они с мушкетерскими реверансами и элегантными извинениями быстро растворяются в толпе, оставляя Арнольду все свои сбережения.

— Как тебе это удалось? — спросил Дулепистый. — Снова электромагнитное устройство с телефонного завода?

— Да нет. В этот раз, смекаешь, в кармашке красные корочки лежали «Отдел по борьбе с оргпреступностью». Аллур три креста. Заправские! Квартет подарил.

Таким образом, Арно за короткий срок вывел всех отпетых мошенников в черте города. И снова жить стало не на что.

Назавтра на факультете была представительная комиссия по проверке правильности хранения реактивов и медицинского спирта.

Декан сделал широкий жест: «У нас от комиссии секретов нет. Давайте, коллеги, не станем обращать внимания на авторитеты — устроим "несанкционированный обыск" у лица всей кафедры органического и биохимического синтеза — заведующего Степан Степаныча. Почетного химика».

После непродолжительных прений... Принято!

Открывают шкафы: всё, как полагается. По инструкции. Бумаги, приборы, посуда. По прилагаемому списку.

Открывают сейф завкафедры. На средней полке литровая бутылка спирта. Понятно, тоже в норме. Хранится, родимый, как и должен, вдали от охочих людских глаз. Под замком.

Но был в комиссии дотошный мужичок (догадываетесь кто?). Конечно же, Могул Феоклистович Вивасов! Он всегда вливал десертную ложку дегтя в железную бочку меда.

— А что вон там, на верхней полке, поблескивает пузатыми стеклянными боками?

А на верхней полке за другими токсичными растворителями стояла... трехлитровая банка огурцов. Солевых. Мировая закусь!

Музын с Артемкой и его отцом пошли гулять. В Детский парк Горького.

— А почему не «сладкого»? Или «кислого»? Это в честь водки что ли? — заерничал Музын и сам ответил. — Раньше в нем все, кто ни попадая шумаркались. Поди, с той поры в названии намек и остался?

— Да нет. Это в честь Максима Горького. Но вот чему удивляюсь. При всём уважению к классикам, Горький — это пролетарский писатель, а, отнюдь, не детский, — проявил начитанность Артемкин родитель.

По дороге в парк обычный треп. О том, о сем. За жизнь, одним словом.

В парке отпрыск потащил отца к колесу обозрения:

— Пап, прокатимся с ветерком на колесике обозления.

С земли-то оно кажется ерундовеньким.

— Что ж, Артемка, прокатимся. И дядя Молик с нами?

— На этой халабуде? Че ж не прокатиться за чужой счет. А потом по сто. Так? — усмехнулся Музын. — Детские шалости.

Взяли — поехали.

Музын сидит, раскинув руки в разные стороны, растыкает. Физия довольная. Поднялись на высоту третьего этажа. Корзина поскрипывает на ржавых винтах. Древняя конструкция. И вот уже весь город как наладони.

Музын, заикаясь, обращается к отцу Артемки.

— Поражаюсь, поражаюсь я твоей отцовской безалаберности. А ты уверен, что вон тот дохлый болт не лопнет от нагрузки? Наверное, уж всё давно списано, как немецкие автобусы, с каких-нибудь азиатских аттракционов.

Словом, нагнетает истерию. До самой высокой точки. Там он вдруг неожиданно замолчал.

И продолжал молчать до самого низа, т. е. выхода.

— Ну что? Выползаем? — спросил отец Артемки.

Музян сидит как истукан. Пальцы побелели. Зубы свело. Колесо на второй круг заходит. Что делать?

— Артемка, не бросать же товарища? — обращается отец к сыну. — Не по-пионерски это.

Так прокрутились второй круг. Музян — ни слова. В рот воды набрал.

— Ну что, выходим?

Безответно. Заходят на третий круг.

И тут отец Артемки догадался.

— А если водочки вжахнуть грамм сто для храбрости? Позвонил по мобиле Витьку.

— Срочно в парк с пузырем за мой счет.

Кто ж от такого предложения откажется. Они на завершении круга — Витек тут как тут. С бутылкой.

Витька тоже с собой посадили. До половины круга Гагулек каламбурит, издевается на Музяном.

— Ах ты, Музило! Вот чумарило.

Пытается стакан поднести Молику. Но тот стиснул челюсти, как стаффордширский терьер. А после половины круга... Та же история!! Витек прикипел к корзине намертво — он ведь в пехоте служил, а не в ВДВ.

Артемка еще хотел корзинку качнуть или повертеть, так Музян с Витьком на него таким прощальным взглядом посмотрели, что отец Артемки понял: сейчас их апоплексический удар хватит. Обоих.

Вызывает Леву — тот-то ничего не боится. Как диггер — всё время в клоаке.

С Левой решили: Артемкин отец из трубочки сверху через воронку поит, а Лева, тем временем, из клистира снизу. У кого раньше получится.

Туго пришлось обоим. Водка льется мимо. Зубы-то те сжали очень плотно. А снизу к сиденьям корнями приросли.

Так кругов шестнадцать прокатались. Пока аттракционщица не догадалась колесо выключить. Потому что парк уже закрывали. На ночь.

Зря только водку израсходовали: что Музын, что Витек трезвые как стеклышки. Ни в одном глазу. А детский парк они сейчас стороной обходят. Подальше от юных соблазнов. Жить-то хочется. И даже переименования не требуют.

Для них он теперь действительно «несладкий»!

Однажды Люлипупенко встретил своего бывшего начальника. Теперь тот мерчендайзером в продуктовом маркете промышленности.

— Арно, помнишь девяностые. Начало. Когда мы с тобой в КБ рубились? Ты тогда еще в жуткой фаворе у директора ходил.

— Помню, Петруня. «Пока, Петь, чалиться нам рано. Но всё равно ведь день придет...» — перефразировал Люлипупенко известную в восьмидесятые песню ансамбля «Лейся песня» или «Лейся пиво» — сейчас уже не важно.

— И я помню: встречаются два бомжа.

— Это не вы ли-с, Аполлинарий Тихонович, академик Российского Академическогоу?

— Я-с, батенька, я-с. Собственной персоной.

— А не вы ли-с, Терентий Павлович, профессор имени Его Высочества Первого медацинского институту.

— Оне самые. Вот пошел пузырьки из под реактивов сдавать.

— Дружок, давайте-ка встретимся вечером у мусорных баков — костерок разведем. Шашлычков из кильки сварганим. И...

— Продолжим нашу дискуссию об инвариантности Вселенной... и о черных дырах, — поддакнул Терентий Павлович, проверяя дырки в карманах пальто.

Бывший начальник громко рассмеялся. Всё как в Библии: «Кесарю кесарево...».

Шура однажды поспорил с сокурсниками на банку пива, что день продержится бессловесно, на одних жестах.

В гуне, само собой, проще — показал пальцем на зуб или горло, и все отстанут. А вот во дворе. Там такой номер не пройдет!

— Ты что, Шуран, своих не признаешь? — обратился к Киселькову Малярчук.

Вопрос проигнорирован.

— Значит, запахло с товарищами?

— Зазнался, стал быть, в натуре?

— Дай ему в лобешник.

Дали. Молчок. Как рыба об лед!

— Проверь у него в карманах — деньжата водятся?

Достали три сотни в куртке, еще сотню из джинсов — ноль эмоций!

— Сходи, Вадик, «обналичь» их в чипке.

— Смотри, Шурик, как мы на твои гуляем!

Батарею пива прикончили. Шуран сглотнул слюну. Чуть не заплакал. Когда занялись за последнюю бутылку, не выдержал:

— Сволочи, из-за вас я банку пива продул!

— Да на. Возьми.

— Важна не сумма выигрыша, а сам факт. Андрюков теперь меня засмеет при всех!

Пензер Малярчук поднял многозначительно палец:

— Друзья, я вот что маракую. Сейчас вундеркиндов разноцветных — плюнуть некуда. Сразу попадешь. Да не в одного. Ученые определили: гены инопланетного разума. «Дети индиго» называются. Брехня всё это!

— А ты сам-то сможешь хотя бы перемножить два восьмизначных числа?

— Натощак. Как два пальца... Задавай числа!

Витек написал две цифры на бумажке.

— Ну дерзай!

Малярчук посмотрел на цифры, пожевал губами, будто пробуя их на вкус. Пресные. Закатил глаза куда-то в небо и затем быстро написал ответ.

— А теперь проверь столбиком, — обратился он к Гагульку.

Витек запыхтел, перемножая столбиком.

— С таблицей умножения я всегда не дружил, — извиняюще парировал он, отбросив в сторону карандаш.

— Хорошо, упростим задачу. На, возьми калькулятор и пересчитай.

Витек набрал произведение.

— Точный ответ! Всё до цифирьки!

— Угадал что ли, Эйнштейн?

— Давай, еще поэкспериментируем для контроля. Возьмем корень из любой двенадцатизначной цифры.

Витек написал на бумажке число.

Всева снова воспроизвел ранее проделанный ритуал. А Гагулек продублировал расчет на калькуляторе.

— От, старе, ты даешь! Верный ответ.

— А, раз, верный — бежать тебе за пол-литрой.

— Мы так не уговаривались!

— Сдрейфил, цыган?

— Че ж сразу сдрейфил? Давай еще раз попробуем!

И нась снова. И опять — правильно! Деваться некуда. Вскрыли пол-литру... На деньги Витька.

— А теперь цифру загадай и напиши на клочке бумаги.

— Написал? Умножь на сто. Вычти задуманное число. Раздели полученное на одиннадцать. А теперь раздели на загаданную цифру.

— Знаешь, сколько получилось? Девять.

— Точно!

— Еще раз.

— О'кей.

— Число загадал? Снова умножь его на сто. Вычти загаданное. Еще раз. И еще раз. Теперь раздели на свое число. Вычти сорок семь. Раздели на десять. Число «пять» получается?..

— Верите, нет, мужики, а у Малярчука особые свойства мозга!

— Да у меня тоже что-то такое есть. Особенно, после выпивки.

— Ну ты тоже вылитый «дед индиго»!

— Не индиго, а в индиго, поскольку пальто у Всевы темно-синее, — уточнил Люлипупенко.

— Эх вы, наши «деды в индиго», — приобнял он Малярчука и Евсеича (у того была темно-синяя шапка).

Похоже, калькулятор у Малярчука не работал, барахлил — одни и те же цифры выдавал по порядку, которые он и запомнил...

«А цифры отгадывать — так это вообще простая математика», — так подумал Бодуненц, когда Витек вздохнул и рассказал ему об удивительных способностях Батумыча. Но спорить вслух и, тем более, ниспровергать «экстрасенса» не стал. Профессиональная этика.

Сегодня во дворе объявился эксклюзивный посетитель компании — старый мичуринец и пожилой митлайдеровец Семеныч. Вышел подышать воздухом. Обычно он на фазенде безвылезно: всю весну, лето и осень, а иногда и зимой недельку-другую прихватит.

Люлипупенко спросил:

— Ты, Семеныч, из плодов что делаешь, компот или варенье?

— Буду я еще добро переводить, — пробурчал Семеныч. — В основном, настойки и наливки.

— И как получается?

— Пока никто не жаловался.

— Дегустацию, в смысле, презентацию проведешь? Для закрепления статуса, так сказать.

Семеныч сначала нахохлился, как фазан. А потом, зная Люлипупенко, как он умеет завести человека — профессионал да и только! согласился. Припер яблочную.

— Так себе.

Сливовую — слабит.

Черноплодку — крепит.

— Че-нибудь пооригинальнее.

— Из топинамбура — груша земляная.

— Не дюшес, конечно. Привкус земляной.

Раззадорили пенсионера не на шутку. Тогда садовод вынес новую настойку: корень златоцвета памирского.

— Жена говорит: «По капле на стакан. Для поддержания мужского тонуса».

— А мы его в пиво — для профилактики.

И тут подруливает Гундюк из шестого подъезда. На «Пермодежде» грузчиком числился. Редкий гость, если не в запое.

— Че смеяться? Сам — каплями. А мы...

Опрокинул залпом. Сейчас на ферме вместо быка работает.

...Так как на родную фабрику «Пермодежда» его теперь за километр не пускают! — некому пальто шить. Всех сотрудиц в декрет отправил.

Лева Смолянский любил свою работу. По звуку определял какие «пальцы» стучат в организме. Где «клапана» подправить, а где «выхлопную трубу» запаять.

На столе у него стоял целый набор различных спринцовок и кружек Эсмарха.

Объявился первый утренний пациент. Видно, что с похмеля.

— Мутит меня, гражданин доктор. Справку надо для работы. Чтобы премии не лишили.

— Ну, это мы марганцовочкой мигом поправим или касторкой. Пургенчик опять же. Крушинка. Александрийская сenna. Магнезия.

— Настроение у меня к тому же какое-то невзрачное, прямо скажем.

— Подправим и настроение. Есть надежный метод.

— Какой?

— Клизма, дружочек, клизма.

— Доктор, а, может?

— Только клизма, милок, только она.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Три раза в день, ведерная. Радикальное средство.

— Инквизитор!!

Люлипупенко важно поднял палец:

— Устроился я по великому благу на новую работу в зоопарк кормораздачиком. Работа наиответственнейшая. Директор так и сказала: «Спаси, сынок, на тебя надежда!»

Вот и работаю ежедневно. А че? Хорошо! Птички поют, павлины шастают, каждый день с обезьянами бананы ем, шашлыки в клетке со львом жарю. С белыми медведями в бассейне купаюсь... После пива.

И так он это складно рассказывал, что у всех слюнки потекли. И просили его пристроить хотя бы младшими помощниками.

— За ящик пива не соглашусь, а вот за два, пожалуй, можно, — отреагировал Арнольд. — С испытательным сроком.

Назавтра подошли к директору Дине Аристарховне.

— Тут к вам добровольцы, хозяйка, стало быть, как обещал.

— Здорово! Ребята, первое задание: клетку у слона уберите.

— Эт мы враз.

Подвели к гигантской клетке слона. самого не видно. Наверное, из-за горы. Что это, Бэрримор?

— Ну нагадил, порось, так нагадил! Это ж целый «Камаз». Попадись он мне, сомец, убью без зазрения совести.

На Малярчуке тоже самое пальто. Жираф схватил сзади за хлястик — оторвал с мясом.

— Новое пальто! Турецкое. Темно-синее. Взял на день под залог, — пустил слезу Батумыч.

Обезьяны закидали чищенными апельсинами и банановой кожурой. Видимо, пальто тоже их раздражало.

Лев норовил лапой снизу поддеть. Левика. А когти у него — не у Мони домашней. Поцарапает не по-детски!

Где тут бассейн с белым медведем? Медведь принюхался и лапой: мол, идите, поплаваем вместе, а то давно не кормили. Славный будет ужин!

— Не, эта неинтеллигентная работа не по нам.

— Ну, как знаете, — обиделся Люлипупенко.

Только через два дня он снова сидел с утра на скамейке и читал объявления о приеме на работу.

В дежурную службу 04 (горгаз) поступил сигнал: «В доме №47 по Средней Ямской газом и не пахнет. При всех открытых конфорках. Не иначе диверсия».

— Кто звонит?

— Евсеичем меня кличут.

— Продолжайте, товарищ Евсеич. Слушаем вас.

— Раньше включишь газ — чайничек вскипятить. Выпимши уснешь. Так спать, подлец, не даст. Аромец тот еще. И вот замечаю: стало пламя тухнуть. Самогонный аппарат на плите стоит — самогон не идет. Технологический сбой. Условия перегонки нарушены.

Похоже, несанкционированная врезка в трубу. Возмущает качество приготовленного на таком, язык не поворачивается сказать «газу», продукта. Получаю справедливые упреки и нарекания граждан. Разве можно

обеспечить в этих условиях первоклассную отгонку спирта-сырца. Непорядок, господа хорошие, начальнички!

Жена говорит: «Чуть весь дом не спалил, паразит!»

Шутить изволит. При таком истечении газа не то что дом — папироску не запалишь.

Неужто весь газ на Запад ушел? В условиях газового кризиса. В качестве компенсации за недопоставки. Или Украина опять чудит с откачкой? Прошу разобраться и наказать виновных.

— Надо послать спецслужбу, выяснить причину недовольства! — приказал начальник. — А то жильцы платить откажутся по мировым ценам. Реформа ЖКХ, чтоб ей пусто было. Каждый норовит газовиков шантажировать.

Поехал зам. Самолично. Смотрит. Странная машина во дворе мозолится. Вороватого вида мужички передвигают подозрительные баллоны.

— Третьим буду?

— Иди, иди мимо, друг ситный. И не лязгай болтами, а то вывернем руки-ноги наизнанку.

«Заправляют, стало быть, баллоны для автомобилей, — смекнул зам. — Никак десятка за литр. АГЗС в натуре».

Тут их и накрыли оптом. Пресекли террористическую деятельность преступной группы.

— Спасибо за бдительность, товарищ Евсей! За злостных расхитителей акционерной собственности. Пять кубометров газа за наш счет.

Вот это щедрость!

Дулепистый выруливал из двора на своей «жучке». Пятился аккуратно, чтобы не задеть соседские иномарки.

И всё равно! Хлобысь! Уперся в кого-то. Только что совершенно пусто было!

К стеклу вприпрыжку подбежал плюгавый шкет.

— Ну ты попал! Крепко попал! На такие баклажаны!

— Усохни, гримзид! — цикнул Дулепистый.

— Посмотрим, кто сейчас усохнет! — наседал шкет.

— Ты сам подъехал незаметно, чтобы свой старый рыдван отремонтировать до нового, — грозно зыркнул глазами Дулепистый и вышел из двери к машущему ручонками мужичонке.

Тот, оказалось, дышал ему в пупок.

Видит — физиологически с Вадиком не справиться. Поэтому сразу сменил гнев на милость:

— Кочумай, твоя взяла!

— Давай, вызовем аварийного комиссара. И при хорошем раскладе половина гонорара тебе, тем более что бампер на твоём ВАЗе вообще без единой царапины.

— Стали лучшими друзьями, — поделился позже Вадик. — Страховку он получил в двадцать косарей. Моих десять набежало. Почти вторая зарплата. У мужичка бизнес такой. Седьмой раз нынче в аварию «попадает» и всё в качестве потерпевшего. На этой страховке он, действительно, уже на новый «Лэнд Ровер» накопил.

К слову, Вадик Дулепистый в тресте работает, на стройке. Иногда отбегает: дочь из школы — в школу проводить.

Прораб, тертый калач, картинно возмущается:

— Где шастаешь, морячок? Я велел строительный мусор вынести, а ты двери упер. По-твоему, это — мусор?

— Такие, какие упер на свалку — да! Пальцем ткни — насквозь. И Брюса Ли звать не надо. Уж лучше вовсе без дверей и то видно, кто на подходе. Извиняюсь, запнулся — сами вылетели вниз с восьмого этажа.

— Кто все электророзетки скрутил, а лампочки?

— Я по чертежам смотрел — не по ГОСТу всё тут. Вон ванная на лоджии по схеме. Это что? Квартира нудиста? Смотрите все: моюсь шампунем «Хэд энд Шолдерс»!

А туалет сообщается с кухней? Мол, вдыхайте сероводород вместе с лавровым листом — аппетит только усилится!

А спальня на балконе? — бесплатный фильм для пешеходов от 18 и старше.

— Ты — мастер, я смотрю, критиковать. Попробуй сам проект дома составить, — разобиделся прораб.

Но Дулепистый продолжал.

— А лестничная площадка прямо к пожарной лестнице примыкает? Забирайся, когда лифт не работает.

Она же проходит и рядом с лоджиями для проверки: чем тут есть поживиться.

Кстати, о лифте. Открывается у мусоропровода. То есть вверх на лифте, вниз — через мусоропровод? Скользом? Как в бобслее. Так что ли?

Прораб машет рукой: «Отстань, Вадя, сам знаешь, как всё у нас делается. Через... Когда к тому же сроки поджимают. Нужно, как всегда, еще вчера было. А уже завтра!»

Люлипупенко удалось-таки раздоить один раз депутата Кремова на пари, кто пива больше выпьет. Тот почти в два раза выше Арно в рост. А по пузу — в четыре. Шире.

Смахнулись не на жизнь, а на принцип.

Кремов сразу «Газель» с пивом подогнал, чтобы таймаутов не было. Кочевряжились до ночи. Но ничья. Боевая.

Рому на «Геллендвагене» в Курью отправили. На спине. Фонтанчики, как кит, пускал. Изю всех отверстий. А Арно на своих пришлось домой чапать — это при неисправном-то лифте. Еле к утру осилил шесть этажей.

Интересно, что мочевого пузыря не только не лопнул, а вообще признаков жизни не подавал, будто атрофировался в одночасье. Зато все закоулки кишечника и желудок раздулись до невероятных размеров.

— «Эффект анаконды», — пояснит потом Левик.

Когда Люлипупенко пришвартовался домой, то супруге и дочери ничего сказать не мог, ни словечка. Так его распирало.

— Ты что, участвовал в фестивале аэростатов? Гелием надули, как на закрытии Олимпийских игр в восьмидесятом Мишутку?

— Б-р-р-р? — только и мог произнести Люлипупенко.

— Или рожать собрался? На девятом месяце?

Не знаю, сколько бы он еще страдал, возможно, до сих пор, но первой не выдержала жена.

— Ну подожди уж. Я тебе покажу, — и она опрометью бросилась на кухню.

Не успел Риня и слова вымолвить, как та прибежала с большущей вязальной спицей, и, словно бабка-повитуха, со всей силой вонзила его в брюхо мужа.

Мебель и другие вещи еще сутки плавали в бушующем океане пенного напитка.

Был еще один положительный момент истории: что с пивом, что с квасом пол моется очень хорошо и потом блестит. А кесарево сечение на брюхе заштопали той же пресловутой спицей. Правда, никакой посторонней живности в разрыве брюшины обнаружено не было.

Оправившись после пари и его негативных последствий, Люлипупенко появился, наконец-то, во дворе. Присел на лавочку у подъезда.

Смотрит: какой-то незнакомый дед вышел в одних портянках и ушанке (как потом выяснилось — семнадцать лет не был на улице). Старый одесский подпольщик.

Посмотрел на Арно диким взглядом:

— Мужик. Кто сейчас в городе, красные али белые? Мне надо с пакетом к товарищу Артему.

— Опоздал, дедок! Лет, эдак, на девяносто. У Артема твоего уже правнуки в Америке живут. Давно. А билет я

тебе всё равно не куплю. Даже, если бы очень хотел. Не на что!

Тут прибежала тетя Нюра:

— Утек «Тарзан». Традиция. Он трижды из «Крестов» сбегал. Царская охранка вся на ушах стояла. Куда уж мне, простофиле, за ним доглядеть. Не уследила. Проскользнул, как змей, сквозь замочную скважину.

— Дверь запирать тщательно надо. А то развели, понимаешь, Санта-Барбару. Одни теряются, другие — находятся.

— Слушай, Гуньдюка уже лет сто не видел. Живой или болеет?

— А ты что не в экскурсии?

— На «курорте отдыхает». «Неминеральные воды» называется.

— Слушай ты его! Да дома он лютует... Соседка сверху к мужскому празднику в большой комнате брагу затворила в двадцатилитровом бутылке. Но передержала малость в тепле. Он и лопнул, как яичная скорлупа. Соседей снизу подтопила. В первую очередь, Гуньдюка.

А у него люстра в семь рожков.

Вдруг в одночасье гореть перестала. Причем, сразу о всех семи. Видит он, какая-то коричневатая жидкость в них скапливается. Струхнул не на шутку, только что фантастический фильм про это смотрел. Как слюна монструка просачивается через решетку в космическом корабле и капает на железный пол с шипением, будто азотная кислота.

Он жидкость с рожка на тряпку собрал, в ожидании, что она вспыхнет синим пламенем. Но тут чувствует: запах какой-то родной, до боли знакомый. На палец, а потом на язык.

— Да это ж!

Сейчас сидит в кресле с разинутой пастью.

— Во-во. Из рожков люстры хлещет, как из природных источников на Кавказе. Нескончаемым потоком. *(Еще литров десять осталось, прим. автора.)*

— Ну, а я до этого как сказал? Фигурально: «...отдыхает на курорте "Неминеральные воды"».

— Лакает сразу из всех стаканов одновременно, вернее, рогов...

В это время во двор вышла семья, одни особи женского полу, с ведрами ледяной воды и ну друг друга поливать.

— Ты бы так смог, Арно?

— Ни в жисть! Это напоминает мне вытрезвитель, — ушел в прошлое Люлипупенко.

— Йоги, не иначе. Секта.

— Точнее, «йог-гурт» — сборище йогов.

В лицее своя специфика празднования Нового года. Наряжают елку по-особому. Серпантин со штамповочного автомата, дождь — алюминиевая и латунная стружка. Снег — каустическая сода и, само собой, стекловата. Искры от шлифовального круга. Лунный свет из сварочного аппарата. Чти традиции предков.

Любил Шура рассказы офицеров военной кафедры об их былой лихой службе в действующей армии. Подвинуть тех на воспоминания было делом достаточно несложным. Стоило в разгар занятий по тактической, строевой или огневой подготовке сказать капитану, майору, подполковнику заветную фразу:

— А как там, в Африке (Корее, Кубе)?

И всё. Тема занятия напрочь забыта. Зато слушаешь, открыв рот, о похождениях храбрых военспецов во враждебных условиях мирового противостояния.

К примеру, рассказывает полковник Дынюк скучным каравым голосом о несении караульной службы:

— ...развод наряда в холодное время года...

— А в Африке, наверное, сейчас палево?

— Не то слово! — оживляется военспец.

И он тут же предается мемуарам об одной, ну очень жаркой стране:

— Показываю местным ополченцам, как надо бросать гранату. Сначала учебную.

Те повторяют. В точности.

— Правильна сделать?

— Правильно. Теперь перейдем к боевой гранате.

— Прежде чем бросить, нужно предварительно чеку вынуть. Отогнуть усики. И затем метнуть ее в сторону вероятного противника. Всё поняли? Уи? Ферштейн? Йес? Повторите разом.

Местные курсанты в касках и бронежилетах суют гранаты между коленей, вытаскивают чеку и спрашивают:

— Правильна сделать?..

— А дальше догадываетесь?! Сам еле успел ничком на землю упасть!

Курсанты менялись через день...

Или еще байка:

— После обучения раздали всем местным национальным гвардейцам оружие патроны, сухпак и форму. Выставили караул. Всё как полагается.

На следующий день в казармах никого нет, включая президентский караул. Утекли все! В джунгли.

Через месяц-два стали обратно подтягиваться. Голодные, без оружия, нагишом. Что они в джунглях делали — одному африканскому богу известно. Но то, что численность гражданского населения в их отсутствие на базе росла в геометрической прогрессии — бесспорный факт.

...Так за рассказами незаметно проходил час, другой, третий. «Тысяча и одна ночь» в полном отстое!

Особенно помогал прием во время практических занятий в Балатовском лесу при рытье окопов. Воткнул

лопатку в землю и слушай рассказ бывалых «одиссеев» о их чудесных путешествиях. Лучше, чем вымахнуть два кубометра мерзлой земли!

На военной кафедре полковник Дынюк, как обычно, дает разгон неряшливым студентам.

— Боец, вы почему в таком непотребном виде явился? Что? Подстричься не судьба?

— Денег нет. Стипендию не дали.

Дынюк понимающе крутнул головой, порылся в карманах кителя и протянул пятьсот рублей — меньше не было. На стрижку. В парикмахерскую.

— Держи, сынок! Но, чтоб через час оборотились как огурчик. И сдачу. Вернешь!

Приходит студент часа через три. Какой был лохматый, такой и остался а, главное, деньги заныкал. И... похоже возвращать не собирается.

— Боец, где деньги? — не выдержал Дынюк.

— Там, — куда-то неопределенно махнул рукой Кисельков.

Как вы догадались, это был, конечно же, он.

Заведующим военной кафедрой назначили полковника Мавлюгаева. Замечательного человека. Брата того самого дяди Пети Мавлюгаева, слесаря ЖЭКа.

Вообще, офицеры — самые лучшие представители мужчин. Особенно в университете. Всегда подтянуты, начищены, наутюжены, гладко выбриты, надушены. А прическа! Не то, что у профессуры — один мышиный хвостик вьется. Из чела. Зато брови в «ельнике».

Скупы на слова. Если не подначишь (см. выше). В большинстве своем они одновременно учились заочно на истфаке, а после выхода на военную пенсию пополняли ряды кадровиков на лучших предприятиях города.

И вот как-то сидит Шура в составе условного пехотного взвода (филологи-химики) на занятиях по тактике. Правильнее сказать, «филолог-химики», потому что филолог был в единственном числе (на четвертом курсе учился только один парень). Правда, какой! Гера Лагринович! Самый высокий в городе. Мог бы украсить любую баскетбольную команду. Но он хотел стать поэтом, как Александр Блок.

Лекционные занятия вел полковник Мавлюгаев.

А Гера расположился за первым столом, вытянув ноги вперед, и клевал носом («стихи обдумывал»).

Полковник Мавлюгаев стоял точно напротив, между распластанными кроссовками сорок седьмого размера, и едва не запинался за них. Но делал вид, что не замечал или действительно не замечал откровенно спящего студента.

Кончилось тем, что в конце лекции Гера шумно всхрапнул.

Это случилось, когда полковник спросил:

— Всем всё понятно? Не слышу вашей реакции.

— Не спи, сынок! — отечески потрепал по плечу Лагриновича полковник. Ну, а что он мог сделать с таким Гераклом?

Летом этого года, в июне, Люлипупенко сидел на лавочке какой-то торжественно-хмурый.

— Не узнаем тебя, Арнольд!

— Улетаю, братцы. Дядя фон Люли Филипп наследство в Мюнхене оставил. По-хорошему бы... отметить надо.

— Ты, давай, еще и его пропей! — заурчала жена.

— Улетаю насовсем, — продолжил Люлипупенко. — Буду жить в старинном замке в горах. Если что — не поминайте лихом.

— Ты звони, — смахнул слезу Музын.

— Не обещаю, но помнить буду.

— Вот, и еще одного отпе... отпили!

— Кто это? Держите меня семеро! Неужто фон Люли-пупенко? Арнольдиче! Риня! Ты?!

— Я.

— Плафон от фонаря. Видение, так сказать!

Вернулся почти через три месяца в новой тубетейке. Счастливы-ы-ый!

— Зажилили, буржуи, турки, наследство. Нашли какую-то лазейку в местном законодательстве. Типа, надо было десять лет безвылазно жить в Мюнхене. Причем, трезвым. Нереально. Обычная отмазка. Своих, почитай, гастарбайтеров немеряно.

— А я тут уже с женой развелся (одно хоть успокаивает), квартиру заочно продал по дешевке... Так что есть пока на что квасить. Одним словом, дайте полтинник до завтра!

В своем репертуаре!

Жена Арнольда сумела отсудить квартиру обратно. Суть, сделка притворная. Нашла лазейку в нашенском законодательстве: жили больше десяти лет безвылазно. Пришлось Рине вернуться в тамбур. Не каждую ночь на теннисном столе отдыхать — не лето.

Отец Артемки вышел с сыном на прогулку. После осеннего дождя всюду блестели овалы воды. Мальчик пробежал по луже, обдав всех брызгами грязной воды. Ну и сам, конечно, изгваздался.

После чего засыпал отца наводящими вопросами.

— Ах ты, Артемка, болдухан такой! — процедил отец, отряхиваясь.

Сын удивленно заморгал глазами.

— Это похвала, — пояснил отец, — умному человеку.

Евсеич — известный нумизмат. У него даже керенки припрятаны. С обоев в деревенском туалете ободрал. В юности. На всякий случай. Вдруг власть переменится — тогда мультимиллионер.

Так вот, он — шибко любознательный. В бабушкином сундуке карту нашел старинную. А, не исключено, в архиве — архивариусом когда-то работал.

Прошел слух: кто-то по ночам канавы копает во дворе.

Люлипупенко, который частенько «дежурил» ночью на теннисном столе или под ним, в зависимости от степени опьянения, провалился раз. Чуть ногу не сломал.

— И какой панцирь тут ямы стругает?

Выследил однажды — Евсеич! Что за хильня?

— Ты, старый бизон?! Че творишь? Кому яму роешь? — и схватил того за самый шиворот. С поличным

Евсеич сильно не сопротивлялся. Признался после третьего пузырька боярышника.

— Ты помнишь, Арно, во дворе еще дом стоял и вековой кедр рядом?

— Припоминаю, но вроде то липа была. Потом всё это на хрен срубили.

— Сам ты липа! Кедр был! Настоящий. Сибирский.

— Чайник. Да ты пальму от крапивы не отличишь.

— Не ботаник! И что? Но тогда — кедр. Точно! Все старожилы подтвердят. А ты в то время еще малой бегал, неразумный.

— Так вот, — продолжил Евсеич, — возле кедра располагался старинный купеческий дом, а там под полом был клад спрятан. Купцов Измогиловых. Многих поколений наследство. И, в особенности, бриллиант неземной красоты, «Франциск I» назывался. С кулак величиной. Да не с твой кулачок, а Квартета.

— Откуда знаешь?

— В интернете прочитал. В чате. (Соврал — мы-то с

вами знаем, откуда информация, но помалкиваем).

— С металлоискателем его ищу. На пенсию купил за тридцатку в «Охотнике». И, между прочим, есть впечатляющие артефакты.

С этими словами Евсеич достал из пакета ржавые подковы, гильзы патронов — медь. Цветной металл!

После таких находок друзья с удесятеренной энергией взялись за дело. Медь — это хорошо. Это к деньгам!

Результаты не заставили себя ждать: уже к утру перерубили кабель правительственной связи с Камчаткой.

Старший по дому, Самвел Маисович, экстренно собрал жильцов:

— Ну сколько можно, товарищи, х-значит, терпеть?

— Мало эти ворюги вентиля в бойлерной свинчивают, так уже и в земле телефонный провод накрылся! А вместе с ним и кабельное телевидение и высокоскоростной интернет! Доколе терпеть это безобразие, граждане!

Но был не только негатив. Оказалось, Евс и Арно откопали кость динозавра. Это потом оказалось. А как только очистили ее от земли, так сразу и хозяева нашлись. Собака какая-то бродячая, урча, вцепилась в кость.

— Отдай, коза, мое.

Рычит злобно и не собирается отдавать.

— Неси колбасу.

— Какую колбасу? Там одна бумага — она даже не среагирует.

— Тогда кусок мяса из банки с тушенкой.

— Там вообще один жир химозный.

Договорились: «"Чаппи"-шашлык». Он хоть мясом пахнет. Во всяком случае, Джеки, мопс Евсеича, иногда не брезгует с голодухи.

Наконец, отняли находку. Обратились в местный музей, где должны были быть специалисты.

— Лошадь, — определил один.

— Э, нет! Не скажи. На слона похоже.

— Откуда тут слонам взяться?

— А помнишь, как-то из зоопарка сбежал? Вероятно, бомжи поймали и съели.

— Спросим у Викеляна, он на археолога учится.

Викелян, как увидел кость, так и выпал в осадок.

— Это же самая мелкая косточка древнего ящера. Тиранозавра. Открытие мирового масштаба, и я получу Букеровскую, нет даже, скорее, Нобелевскую премию! — мечтательно прошептал Викелян.

Отдали на экспертизу в Драмхеллеровский музей. Но до сих пор ответа не получено. Скорее всего, неизвестная науке рептилия. Нужен дополнительный ДНК-анализ.

Зато после этих раскопок площадку вскапывать не нужно — всю почву взрыхлили, как кроты огород. Знай, сади цветочки и кустики. Да и теперь полная уверенность: всё разминировано, а то, поди, с Гражданской лежат какие-нибудь фугасы — парятся до поры, до времени. Ведь гильзы от винтовок-то нашли. Х-значит, есть у вас товарищ Самвел Маисович фронт работы по благоустройству придомовой территории!

Люлипупенко, вследствие своего легендарного конструкторского прошлого (чай, был ведущим специалистом, шизобретателем-иррационализатором), слыл мастером на выдумки. Его лохматая голова в тюбетейке всегда фонтанировала множеством самых бредовых проектов.

Вот и сейчас, когда речь зашла об источнике бесперебойного питания команды хрусткими купюрами, Арно отстегнул идею: организуем-де платную парковку во дворе. Для гостей дома, так сказать.

На эту простую и гениальную мысль его навел случай на предыдущей неделе...

Вся команда в кворуме поливала за теннисным столом.

Беседа плавно перетекала в крепкий сон на свежем воздухе.

...Вдруг выскакивает мужик из двенадцатой квартиры. Только что новую тачку купил. И уже сигналка сработала. На первом дне.

Выбегает, в целом, но поздно: хоп, стоит мобиль на восьми кирпичках. По два с каждой стороны для симметрии. Скрутили колеса в один момент. Пока обедал. Сигналку, то бишь, ворье включило для констатации факта. Смотри, значит, дело сделано. Принимай работу!

Мужик зашнырял сначала в одну, потом в другую сторону. Запричитал слезливо:

— Вы че? Ниче не видели, ребята? Ась?

Люлипупенко повернулся вполоборота к мужику:

— Ща всё бросим и будем смотреть. Нам бы твои заботы!

— Как за твоейной машиной следить, — хрюкнул в дополнение Музян.

— Кто нам платит, тот и стоит с колесами. А скупой, типа тебя, платит дважды, — добавил Дулепистый...

И вот сейчас эта идея оказалась актуальной, то есть востребованной.

— Отпечатай-ка Шуран объявы на треть листа:

Граждане и леди!

Силами общественности домов 45 и 47 организована платная дневная стоянка — 10 руб./час. Сохранность ваших «ласточек» гарантируем.

Братва

— А вы, архаровцы, лепите их под дворники к машинам. Только не к своим, которые тут ночуют, а к тачкам заезжих гастролеров.

— У меня же дружбан в гипермаркете «Семья» работает уборщиком мусора. В фирменной зеленой куртке ходит с флуоресценцией, — осенило Витька-Гагулька. — Возьму для общего дела. Не откажет.

— Для убедительности нацепи еще красную повязку. Как у дружинников в прошлом. Эффектно смотрится в комбинации.

— И мой значок парашютиста, с ВДВ, — подхватил Вадик Дулепистый.

— Деньги под ногами валяются, как нефть и газ — надо только уметь их взять, — философски заметил Арно.

— Жена еще удивляется, на что мы каждый день квазим, — втянул воздух Малярчук. — С такими-то «Кулибиными»!

Кисельков, как главный охранник природы, делился своими неумными идеями:

— Пройдешь по осеннему лесу или вдоль рек. Набросано всего! Накидано! Мама дорогая!

— Вот бы вернуть двадцатые прошлого века, только в новом качестве! — мечтательно воскликнул он.

И Бодуненец ярко во всех красках представил: отряд красноармейцев во главе с комиссаром Кисельковым, в кожаной куртке и маузером в деревянной кобуре, в деревне у соснового бора. Пытает кулака Гермогена.

— Скроил помойку, гад! Где очистки прячешь? А объедки? Найду — не поздоровится. Расстреляю всех к чертовой бабушке!!

Батрак Фефила что-то яростно зашептал на ухо.

— Две телеги макулатуры в лесу схоронил? Кулацкое отродье! Ищите хлам, бойцы. В подполье, на конюшне. Старосту сюда.

— Ну что, враги народа! Отбросы затырили? Когда в городах не найдешь ни фантика, ни окурка с плевком. Вы тут обгадились все, контры. Спам под каждой елкой.

Только что всю эту черногвардейскую сволочь столкнули в Синее... Уже Черное?! Уже Черное море! Эх!.. черное от грязи и мазута. У-у-у, чернопузые! Не поспешили вовремя. Ведь телеграфировал товарищу Фрунзе!

Телеграфировал!.. Не говоря уж о прекрасном заливе Сиваш — эсеры в гнилое болото превратили.

А всех дезертиров и нерях к стенке без суда и следствия. Крестьян сознательных и сочувствующих нашей власти — лес прочесывать — назем собирать. С собаками. С мала до велика. Грибы и ягоды не трогать. Траву не топтать. Ходить на цыпочках. И чтоб без мешка отходов в деревню не пускать. А вон этих мордастых в реку. Пусть ныряют — бутылки и банки со дна вылавливают, дайверы чертовы.

Мне что комбриг сказал: без состава с мусором в город не возвращаться.

Подбежал красноармеец.

— Там целая свалка.

— Где?

— У озера. Накрыли черняков. Роту или две. Бой ведем с превосходящими силами неприятеля.

— За мной бойцы, живо! Бери тачанку с «Максимом» и гранаты, небось, пригодятся. Но аккуратнее с боеприпасами. Осколки и гильзы потом все собрать. Пули вытащить. Из раненых и из стволов деревьев. Лично проверю. Пересчитаю. И хоть одну не найду! Не поздоровится. Сразу в капусту пошинкую!

Подбежал другой красноармеец.

— Товарищ Искандер, Петров на проводе.

— Что, Петров? Кулаки на поезд с сэконд хэндом напали. Рассыпают вдоль железной дороги, вдоль полотна. У-у-у, спамеры! Всех в расход!

— По коням, бойцы!

Одни «зеленые» наши помощники! Идейные и идеологические соратники. Вчера кулацкий обоз с утилем отбили. В лесу хотели схватить. В липовой роще. Ничего святого нет.

Арно перекосило всего от жажды. Идет сверху вниз по лестнице. И одна только мысль свербит:

— Где бы денегят срубить? А?

И тут... На ловца и зверь бежит. Смотрит: на втором этаже какой-то мужик пристроился у мусоропровода.

— Мужик, а туалет у нас платный.

— Чего?

— На подъезде внизу не видел, объявление висит? Управляющей компании. Здесь — сто, в лифте — двести. Придется штраф выписать.

— Чего?

— Того. Не прикидывайся. В одной стране живем. Всё имеет цену. В смысле, за всё платить надо. Давай столько и свободен.

Но силы были явно неравные. Мужик-то крепче Люлипупенко раза в четыре. Поэтому Арно пошел навстречу (пока ему навстречу не пошел мужик).

— Сам-пят! — смягчился он. — На первый раз скидка 90% — с тебя десятка. По льготному тарифу, так сказать.

Мужик, видя, что без драки или без десятки уйти не удастся, выбрал последнее.

— Да на, подавись, упырь!

Довольный собой Люлипупенко сказал, пряча деньги:

— Сейчас квиток выпишем. И где мы работаем?

— А ну тебя в баню!

— Так в баню я и шел. За пивом, — ухмыльнулся про себя Арнольд.

Вот вы говорите: наш народ можно штрафами большими к порядку приучить. Лично я сомневаюсь.

К примеру, за отлив в неположенном месте — тыща. Вопрос, скажем прямо, философский.

За отлив с балкона на головы прохожих — понятно — хулиганство. Ходи под зонтом — целее будешь. А вот в подъезде?

Застукали, допустим, мужичка, выходящим с места преступления, а он:

— А ты попробуй, докажи, что это я сделал. Это не я.
— А кто?
— Дядя Ваня. Из 45 квартиры.
— Он же тремя этажами ниже живет.
— Поднялся... На лифте.
— Но он же парализован... Лет десять!
— Эх вы! Приспичит — в чем мать родила выскочишь, и болезнь нипочем, сам, поди, не раз испытывал?
— Но у него и дома, наверное, санузел имеется?
— Кто ж его знает, не ровен час, засорился? Честно скажу: не заходил, не проверял.
При этом к дяде Ване звонить в дверь бесполезно — всё равно не откроет.

— Не с кем детей оставить, — пожаловались Климуки из двадцатой квартиры Музыну.

Вечером у них никакого аппетита. С утра сладкого набузгаются. Весь фарфор-хрусталь перебьют. А то чего-нибудь наглопотаются остренького. Да и квелые: ноль продуктивного общения с родителями после работы.

— Есть у меня одна кандидатурка, — наморщил лоб Музын. — Профессионал, вернее, профессионалка. Проблем не будет.

Взяли няню. По рекомендации Музына. Действительно, дети спокойнее стали. Уравновешеннее. Никто ничего не проглотил. За целую неделю.

В чем секрет? Видимо, в умениях и навыках.

Молик долго не кололся. И только после длительного застолья разоткровенничался:

— Она сразу с утра дает детям успокоительные таблетки в смеси со слабительным, и те весь день сидят, точнее, спят на горшках. К приходу родителей и кишечника свободный, а, значит, аппетит отменный, и выпались досыта, и фарфор целый. Красота!

— Сознайся, капельмейстер ты ее надоумил?

— Нужен жесткий репортаж, бескомпромиссный! — сказал редактор областной газеты «Уральский запад», Чильгиз Бухвелкин штатнику Диме Колбасову. — С картинками, то есть — побольше красочных эпизодов.

В это же самое время редактор другой газеты «Вечерняя длань» Кондрат Мельтягин напутствовал своего собкора Татьяну Софрокину: «Пиши так, чтоб читатель всю воскресную ночь ворочался в холодном поту под впечатлением прочитанного и на работу в понедельник не проспал».

— Сбацаем, — сказал Дима.

— Изобразим, — уверенно пообещала Татьяна.

— В качестве задела можешь взять темку «Алкаши оставили дом без воды и тепла», — подкинул идейку Бухвелкин.

— К примеру, жизнь безработной интеллигенции, — небрежно бросил Мельтягин.

Дима сделал пометки в своем покетбуке.

Татьяна выключила свой диктофон в сотике...

Ровно в три часа Колбасов сидел с сумкой пива на теннисном столе рядом с Люлипупенко и душевно беседовал за жизнь.

Ровно в 3⁰³ Софрокина открывала зубами пробку на бутылке водки «Кристалл» и косила взглядом на одноразовые стаканчики, любезно предоставленные Арнольдом.

— Я в теме, — подсел Гуня Смоконзевотов, директор типографии, что находилась в подвале сорок пятого дома.

— И я, х-значит, — появился незнамо откуда старший по дому Самвел Маисович.

— В присутствии Маисыча я на тему вентилях разглагольствовать не стану, — заупирался Люлипупенко.

— Самвел, слетай за воблой, — кинула мятые бумажки старподу Татьяна.

Тот обиженно засопел, но желание дамы для бывших горцев (*хотя зря это я — бывших горцев не бывает, прим. автора*) — закон.

— Хоп, одна нога там, другая — здесь, — ответил Маисыч.

Пока старший по дому бегал за воблой, Татьяна и Колбасов упоили Люлипупенко, а заодно и Гуню до беспамятства (так их учили на журфаке развязывать языки респондентам).

Софрокина и Дима приготовились к интервью. Она включила диктофон. Он раскрыл pokетбук.

— Ну че. Слямзил я в тот раз вентиль с братвой. Сдали в пункт приема цветных металлов. Деньги нужны были на «лечение», — начал свой рассказ издалека Арнольд.

В голове Димы Колбасова созрела исходная фраза эссе: «Безбашенный это народ — вчерашняя интеллигенция. Бессмысленная и беспощадная».

В мозгу Татьяны Софрокиной также родилось начальное предложение: «Наша российская интеллигенция — это как первая слеза младенца. Святая и безгрешная».

И она тут же ее записала.

Далее материал потек как по маслу.

— Что им стоит оставить ближних без света и тепла? Здоровья? (ДК)

— Как могут люди (да и люди ли они после этого?) пройти мимо вопиющей несправедливости по отношению к ближнему своему? (ТС)

— Вчера с огорода мои садисты приехали — жена с дочкой, — бубнил окосевший Люлипупенко.

«"Садисты"! — озарило Колбасова. — То, что надо! Лучше не скажешь!»

«Садисты! Те, кто довел сей лучезарный генофонд нации до такого состояния!» — талантливо вплела Софрокина услышанное слово в ткань репортажа.

— Баланчин — мастер своего дела, — переключился на другую тему Арнольд.

«Палачи всему живому! Ек-макарек!» — обрадовался внезапной подсказке Дима.

«Палачи все вокруг!» — включила ассоциативное мышление Татьяна.

Материал явно клеился у обоих журналистов. Они сопели от вдохновения, успевая при этом лакать водку из принесенных запасов (теперь можно) и закусывать ее пивом (оттуда же).

Через полчаса появился Самвел Маисович:

— Все киоски оббежал, х-значит, — нигде воблы нет, а потом вспомнил, что у нашего рыболова, х-значит, из 38 на чердаке вялится. Там ее, х-значит, и накопал.

Под воблу интервью продолжалось в еще более динамичном темпе.

Интервьюент и корреспонденты не заметили как прошло время. Да и как заметишь за песнями и плясками (Самвел Маисович).

В разгар веселья Люлипупенко предложил честной компании:

— А пошли, еще раз стырим вентиля. Покажу, как это делают профессионалы!

— Пошли. Я знаю, где недавно поставили новые, — икнул старший по дому.

Вся компания направилась по указанному Самвелом адресу.

— Вот это репортаж! С картинками! — ликовал Дима.

— Душераздирающая получилась штучка! — смаковала материал Татьяна.

— А давай, выпьем на брудершафт, — напоследок сказала Колбасову Софрокина.

— И «махнем не глядя», как на литфронте говорят! — добавил Димон. И собкорры обменялись собранными артефактами.

Радостный Колбасов помчался на такси в редакцию.

Ошалевшую от успеха Софрокину добросил до редакции Дулепистый на своей вазовской тачке.

У редактора Бухвелкина при чтении контактные линзы выпали из глаз.

У Мельтягина из «Вечерки» при беглом анализе текста лопнули стекла в очках.

Бухвелкин в течение часа топтался по ковролину, пытаясь найти линзы. Куда там! Только раздавил.

Мельтягин вместо таблетки валидола глотнул экстази, которую отобрал вчера у дочери после похода на ночную дискотеку:

— Дожили!!

В качестве приложения предложим вашему вниманию полный текст очерков без редакторских купюр.

Интелгонники

Безбашенный это народ — вчерашняя интеллигенция. Бессмысленная и беспощадная, как русский бунт.

Что им стоит оставить ближних без света и тепла? Здоровья!

Садисты! Палачи всему живому! И это не пустые слова. Я веду свой репортаж из самой разнузданной клоаки города. Чтобы внедриться в чрево интеллигентского беспредела, пришлось одеться под бомжа в редакторской гримуборной. Накачаться для большего сходства аптечным боярышником и тормозной жидкостью. Попросил редактора «нарисовать» фонарь под глазом. Наш дорогой и всеуважаемый редактор Чильгиз-ага с удовольствием «подыграл» мне твердой рукой в интересах дела.

И вот я в чреве. Кажись, приняли за своего.

— Ну че, ... ! Твою , ... , слямзил я в тот раз вентиль, ... , с братвой. Сдали, ... , в пункт, ... , приема цветных металлов. Деньги нужны были, ... , на «лечение», ... , — цинично заявляет яркий представитель вчерашней интеллигенции Лялепупенко (все фамилии и имена изменены — прим. автора). Вот так! Всё пропить и прокутить. В дым! Опосля нас хоть de'luge!

Вчера мои новые знакомые снова пригласили меня на гнусное дело.

— А пошли, ... , еще раз ... вентиль. Покажу, как это, ... , делают профессионалы, ... !

— Пошли. Я знаю, где недавно поставили, х-значит, новые, — зашептал старший по дому Самвел Маисович (имя изменено — прим. автора). Оказывается, у них всё заплачено! И управдому, и властям. Поэтому и действуют так безнаказанно...

И только дарованная нам гласность и незамазанная честь журналиста может остановить это опасное безумие, имя которому — «интеллигенция»!

М.Колбаскин

Больной скорее мертв

Наша российская интеллигенция — это, как первая слеза младенца. Святая и безгрешная.

Как могут люди, да и люди ли они после этого, пройти мимо вопиющей несправедливости, по отношению к ближнему своему?

Садисты! Те, кто довел сей лучезарный генофонд нации до такого состояния!

Палачи все вокруг!

— Ну что. Взял я в тот раз вентиль вкупе с такими же б/у учеными. Сдали в пункт приема цветных металлов. За копейки. Деньги нужны были на лечение семерых детей от первого брака и восьмерых от остальных трех, — покаянно вздохнул Голопупенко и промокнул листом лопуха наворачнувшиеся слезы (все фамилии и имена изменены — прим. автора).

— А пошли еще раз стырим вентиль, — предложила я.

Нет никаких сил смотреть на страдания этих скромных и прекрасных людей!

— Пошли! Я знаю, х-значит, где недавно поставили новые, — проникся глубоким состраданием к миру вчерашней интеллигенции старший по дому Самвел Майсович (имя изменено — прим. автора).

Я долго глотала слезы, формируя этой очерк. Сердце разрывалось на части. Как они остались там одни без меня вчерашние интеллигенты? Доживут ли до очередного дня и выхода моего репортажа?

Уповаю только на Господа нашего и дорогого редактора Кондрата свет-Ивановича Мельтягина!

Д. Сиротина

Дулепистый как-то в августе забежал к скучающему Малярчуку. На коленях у того по обыкновению пристроилась пушистая кошка Моня.

Вадик погладил ее. Она замурлыкала.

— Скоро женихов тебе, Моня, найдем.

Кошка замурлыкала с утроенной энергией.

Дулепистый забежал через неделю. Моня на коленях Всевы выжидающе посмотрела на Вадика.

— А? Еще не нашел. В следующий раз.

Следующего раза не будет. Вот! Уходя, Вадик надел штиблеты и чувствует: как-то в них слизко и сыро.

Оказывается, Моня ему припомнила обещания — в оба ботинка по-крупному. Чтоб не бросал слова на ветер. А не фиг женщин обманывать!

Недели две назад с Малярчуком тоже произошла неприятная история. Пока Малярчук тащил ведро с мусором к мусоропроводу, кошка Моня выскользнула и побежала вниз. Прямо к входной двери. И как раз кто-то заходил. Моня шмыг под ногами и выскочила на улицу.

А там — раздолье! Она и забралась на дерево. Откуда все наши предки слезли. Сгнать ее оттуда уже было невозможно. Почуяла сладкий запах свободы!

— Че всхлипываешь? Всхлипасофский! — участливо спросил Всеву Квартет.

— Моня сбегла.

— Она ему родней жены будет.

— Сравнил!

— Ты ей колбаски дай, — посоветовал Евсеич.

— Есть захочет — живо домой прибежит, — с апломбом выдал Люлипупенко.

— По себе не суди. Она у меня домашняя, — обрезал Арнольда сквозь слезы Малярчук.

— Арно прав, — авторитетно рубанул Квартет. — Но, если не нравится, давай, я из «макарыча» ветку снесу.

— Ты ее заикой, в смысле «замяукой» хочешь сделать? Мя-мя-мя-мяу? Так?! Нет, этот вариант категорически исключается!

А вдруг она ночью есть захочет — сиди ее жди тут, — скульнул Малярчук. Но колбасы любимой Мониной принес.

Однако для Мони свобода оказалась важнее ужина. Она гордо отвернулась. На птичек смотреть. Малярчук весь напрягся. Подошел к детям на качелях.

— Ребята, залезьте. Кошку снимите. Мороженого куплю, эскимо или в вафельных стаканчиках.

— А «Баунти»?

— Черт с вами, можно и «Баунти».

— А ежели проще — камнем?

— Я те дам, камнем! Себе по лбу можешь. Для ума! — рывкнул Малярчук.

Мелкота попыталась залезть, но Моня поднялась еще выше на соседнюю ветку.

— Дальше не полезем. Даже за «Баунти», — категорично заявил молодняк.

— Вот и надейся на молодежь, — запричитал Всева.

— А если вы, хлопцы? Чай, помоложе, посноровистее? — махнул рукой он, обращаясь к Евсеичу и Люлипупенко.

— Охота была ноги-руки ломать. На старости (это Люлипупенко).

— Не-а. Я — пас. Руки скользкие чего-то (это Евсеич).

— Вадика зови — он высокий, как дядя Степа. С земли достанет.

— Где его возьмешь-то — на даче, наверное, носом землю роет. Да и с Моней у них нет взаимного расположения. Живьем ему не дастся, — совсем приуныл Всева.

Видя такое положение дел, он, кряхтя, полез сам.

— Братва, подсади!

Кое-как забрался на нижнюю ветку. Только шлепки свои потерял. Моня перебралась повыше. Малярчук в пылу за ней. Моня поднялась на следующую ветку. И так трижды. Но дальше — тупик. Вверх — хлипкие ветки. Не выдержат. Вниз — высоко. Страшно до жути.

— Буду тут пока караулить, — жалобно процедил Малярчук. Небось, слезет. Тогда и я потихоньку.

— Ой, ноги голые, простудится часом, — заголосили женщины у подъезда (жены Мариши в это время не было, гостевала у дочери). — Хоть бы носки шерстяные ему подкинули!..

...Но Моня так и не слезла. До утра. Малярчук тоже. Пришлось коротать ночь в кроне дерева, подобно Маугли.

Утром вызвали МЧС, чтобы снять Всевышнего с клена. Но опытным верхолазам стащить его с дерева не удалось: брыкался ногами, а в ветку вцепился мертвой хваткой. Решили спилить клен. А потом уже фрезой выбирать древесину под пальцами — гвоздодер не поможет.

Пока канителились с пилой, Моне надоело, и она спрыгнула вниз. В три приема. Без всякой колбаски. Любят они, женщины, нас, мужиков, помучить!

Как-то весной на третьем курсе Кисельков готовился к сессии. Предмет был сложным: коллоидная химия. По ней кол схватить проще простого (потому и кол-лоидная). Учебник толще шеи Квартета. А окно его комнаты на первом этаже выходило прямо во двор (до женитьбы, сейчас живет на девятом). И тут концерт... мартовских котов.

Какой к бадану экзамен!

Шуран стал искать школьную рогатку. Как назло, нет! Дротики для игры в дартс — нет! Тогда проковырял дырку в пластиковой бутылке из-под минералки. Налил водопроводной воды.

Весной вода ржавая, мутная. Под цвет котов.

Коты заливались, мявгали. Кисельков взял и в форточку пустил длинную-длинную струю из бутылки:

— Получайте, собаки!

Но те не унимались. Кисельков увеличил калибр водомета, то бишь расширил сопло. И выпустил еще большую струю ржавой воды. Она полетела навесом. Точно на ансамбль орущих созданий.

И тут, откуда не возьмись, под окном появился в новеньком, кремовом, отутюженном до блеска костюме Музын. Торопился на чествование ветеранов велосипедного завода. И... попал под заградительный огонь Кисельковского залпа.

Ржавая струя приземлилась прямо на товарища Музына. Принял, что называется, удар на себя. Волосы, лицо, пиджак, брюки — всё оказалось залитым ржавым негигиеничным составом. Зрелище то еще!

Музын, хоть и не совсем трезв был, а догадался, откуда «счастье привалило».

Непонимающим взглядом посмотрел на Шурино окно.

В глазах читалось отчаяние:

— Ну ты не прав, пятачило!

Вот тебе и почетный гость-ветеран.

Как-то слышит Кисельков (дело было еще на четвертом курсе): кто-то стонет в подъезде. Страшновато стало. Хорошо, что Андрюков забежал за конспектами.

— Давай, вместе выглянем, что за оказия!

Выглянули. Смотрят: сосед напротив, в дупелек нетрезвый Музян, дверь пытается открыть.

— А, не бойся! Это сосед мой, дядя Молик, — сказал заметно повеселевший Шуран. — Ну беги. До завтра, на паре.

Бормяшка пошел к выходу. Но Музян остановил его знаком. Пальцем он показал на карман плаща. Типа, достань что-то из него. Андрюков храбро погрузил руку в указанное место и выудил оттуда ключ от входной двери.

Музян замычал снова. Андрюков почти научился понимать «эзопов» язык Молешота и, вставив ключ в замочную скважину, повернул его. Дверь открылась.

Музян молча протянул руку для рукопожатия («спасибо, парень, выручил»).

— Пожалста, — пожал довольный Борюсик руку дяди Молика.

Но тот протянул ладонь во второй раз — суть, «одним рукопожатием не отделаешься. Моя благодарность безгранична!».

— Да пустое! — пожал еще раз «краба» Андрюков. — Всё путем!

Но Музян снова тянет трясущиеся пальцы. Как заведенный.

Что ж, пожал и в третий раз.

Тот снова. За свое. Знамо, зациклило, как «заяц — волк» в известном мультфильме.

Андрюков бросился бегом к выходу:

— Пошел к черту!

В дверь Киселькова задубасил ревущий Музян.

— Что случилось дядя Моля?

— Твой друг у меня ключ дюзнул, — понял из отдельных нечленораздельных звуков Шуран.

— Да не может такого быть! В принципе. Он парень предельно безобидный.

— А, о, у, я, э, — замычал Музян.

— Хорошо, проверю.

Догнал Андрюкова.

— Ну его к лешему! Привязался как репей. Открыл я дверь и оставил ключ в замке.

Шура возвратился в подъезд, достал ключ и отдал его счастливому Музяну.

— Спасибо, что успел отобрать у этого ворюги, — сказал Музян следующим утром. — И то вперед: хата в целости осталась.

Устроили у нас капитальный ремонт дома. Всё сделали чин-чинарем. Проходит месяц или полтора.

Евсеич вышел во двор. Сидит-курит, как обычно, на лавочке. А ветрено было. Зябко. И вдруг... сверху с крыши неясная тень скользнула. Что-то огромное типа Джиперс-Криперса на землю несется. Бы-Быц!

И накрыло сверху!

Пенсионера. И еще двух.

Смотрят ребята: вместо скамейки темная куча бесформенных плоских кусков-обломков.

И тишина!

— А где Евсеич?

— Сплющило.

— В лепешку!

— Рубероидом накрылся.

Проходит минут пять. В куче начинается какое-то смутное шевеление. Вроде, как муравьи шабашат. Шевеление постепенно крепчает. И... Наконец, среди груды толя показывается взлохмаченная голова Евсеича.

Первым вопросом его было:

— А где моя папироска?

И шарит вокруг руками. В том числе и в нагрудном кармане, и за поясом, и в ботинках. Всю кучу толя переворошил. Окромя двух других пенсионеров никого и ничего не откопал.

Проглотил, видать, беломорину-то!

В последующем выяснилось. Когда чинили, забыли старое покрытие с крыши убрать. Его ветром и сдуло на граждан.

Евсейч потом из редких волос неделю... Неделю! Вычесывал куски крыши. А папироска, знамо дело, внутри организма осела. И тлела!

Теперь понимаете, откуда у него язва желудка?!

Решил весной Дулепистый баньку поднять на даче. Жена подкинула денег. Взял водилу с «Газелью»-фургон. Шифер там, бак, дверца, ванна чугунная, труба железная. Полный комплект.

— Музян, хочешь подзаработать?

— Можно.

Предварительно распечатались по стакану, так как «я те как поеду в фургоне. Не, не доеду от скуки».

В кабине место на троих. Но одно оставили. Вдруг шабашка подвернется — попутчик какой — деньги не лишние. Да и водка целее.

Музяна посадили в фургон, не барин, в чугунной ванне доедет, а дверь снаружи закрыли на висячий замок. Едут, слышат настойчивый стук.

— Дайте, супостаты, глоток свежего воздуха!

Остановились, открыли.

— Отдышался?

Закрыли. Поехали дальше

Проехали еще пять километров. Снова стук.

— Дайте глоток свежего воздуха!

Снова по циклу. Через каждые два километра. Полное дежавю.

— А заутомил! Не запирай больше дверь! — взревел Вадик. — Когда надо, сам откроет. Дышать ему нечем... Хотя и не зачем!

Проехали Краснокамск. Вдруг смотрят: дверь настежь болтается, а тут скоро стационарный пункт ДПС.

— Где этот мутьланген?

Стали возвращаться по той же дороге. Видят, лежит километрах в трех поперек дороги, как бревно. Хорошо, хоть никто не наехал. А вдруг уже наехал? Черт его знает. Да и живой ли вообще? Ноги в пятки. Водитель побледнел и поседел одновременно.

— Давай, скорую вызывай! — в панике восклицает.

— Дай сначала убедиться!

Нервы у Вадима-то покрепче будут: в армии с парашютом не раз шагал от прапора навстречу неизвестности.

Подрулили. Потрясли. То ли дышит, то ли нет. Шум на дороге — не слышно.

— Придется здесь закопать (в такие минуты типа черного юмора на ум приходит), — вслух рассуждает водила. — Пойду за лопатами.

Повернулся и пошел обратно к машине. Вадик за ним.

Музян, как услышал про лопаты, сразу очнулся. Ноги в руки и бегом улепетывать, да так быстро — пешком не догонишь.

Ребята видят — живой. Они к машине. Не заводится, только урчит. Музян, наоборот, сразу газу прибавил — шанс появился.

Испугался не на шутку: думает, навешают ему тумачей. По полной. Прыткий оказался, как зайца с кенгурой.

Пока они раскочегарились, развернулись, да в погоню, Молик добежал до первых домов городка и скрылся в подворотне.

Сколько ни колесили по проулкам, нигде нет. Пропадет с голодухи. Денег — ни-ни. До Перми — 37 км.

Отчаялись словить. Повернули и обратно в город. Не до дачи! Во дворе пацаны всё обратно стаскали на балкон. ...Наутро встречают Музына. Как стеклышко трезвого. Во дворе. Делает вид, что ничего не помнит. Еще бы!

Вадик купил новую десятку. В кредит на три года. Стоит у подъезда стекла фланелью протирает. С нуля, рысачок!

Из дверей выскочил Лева Смолянский:

— Ты как, сильно занят? Тороплюсь на работу, подбросишь?

— Садись. Прокатимся с ветерком. Я подогрев тебе на всякий случай включил, а то простудишь свое естество. Не на чем будет эталон здоровья показывать (еще и подкалывает, растягай!). И пристегнись. Знаешь, сейчас какие штрафы. Ого-го!

— Обязательно.

Проехали километра два. По центральной магистрали. Движение очень интенсивное. Лева интеллигентно спрашивает:

— У тебя тут где подогрев сиденья выключается? А то палит уже.

— Вон кнопка справа, не отвлекай от дороги, — нервничает из-за подрезающих иномарок Вадик.

— Почему-то она не работает.

— До чего ж мы беспомощные! Прямо, как маленькие! Лева снова нажимает кнопку. Посильнее.

— Хопа, — кнопка вылетает прямо в лоб Вадиду.

— Ты тут поаккуратнее с автомобилем, не кувалда! А то после вас всё время ремонтировать приходится.

Лева пытается ерзать на сидении, но ремень безопасности впился в брюхо. Хочет его расстегнуть. Замок не поддается.

— Дьявол! Еще и ремень безопасности заклинило! Отечественный автопром, будь он не ладен!

Леву зажало на сидении. Ни туда, ни сюда. Словом, средневековая пытка. Он и так, и эдак, точно угорь на сковородке. И ладонь снизу подсовывает то одну, то другую. Жжет невыносимо.

Но несутся как угорелые (стиль езды Вадика). Наконец, приехали.

Вадик с помощью клещей освободил Смолянского из объятий ремня.

Выходя, плачущий Лева заметил:

— Не хватало только масла сливочного. Для классического бифштекса. Смекаешь, брюки дымятся. Обуглилось что-то внутри. Важное.

— Да и снаружи овальные дыры, — подтвердил Дулепистый.

— Ты в следующий тефлоном сиденья накрывай, чтоб не так подгорало, «профессор кислых щей».

— А ты не забудь перед употреблением посолить. Чтоб не так пресно было. Руки у него не из того места растут. Новую машину раскурочил!

— Я, надеюсь, — сказал декан, в этот раз обойдемся без ЧП. Не как в прошлые годы. М-да.

И он ностальгически закатил глаза.

Дело в том, что на филфаке существовала такая древняя традиция: все девушки, а их было 99 процентов, норовили упоить декана на выпускном вечере до безумия, до зеленых человечков, так сказать. То есть, каждая брала рюмку и скользила вальсом к декану: «Выпьем, Рудольф Винегретович, за пять лет знакомства или, если позволите, на брудершафт с поцелуем». Кто ж от такого откажется! Но... семьдесят рюмок и ты в отрубе.

А что потом студентки с тобой и на тебе вытворяют, об этом можно будет узнать только из фотосессий в интернете. Поди, докажи, что не фотомонтаж!

Для исключения подобного в этом году декан, естественно, принял меры административного порядка. То есть взял с собой на мероприятие двух крепких молодых аспирантов, дабы те дотащили, если что, его до дверей — сдали, так сказать, «под ключ». Тем более что на неделе у Рудольфа Винегретовича пошаливало сердце, и жена поставила ультиматум: «Чтобы ни-ни». Поэтому, сидя за праздничным столом, он только пригубливал свои рюмки и отдавал их аспирантам, кроме поцелуев, разумеется. Что мое — то мое.

Ну те ребята молодые так накачались!

Сла-ба-ки!

Пришлось Винегретычу тащить их самому. Но куда? Адресов местопроживания аспирантов он не знал, так как не предполагал, что подобным образом всё закончится. Оставить на факультете — досужих вымыслов не оберешься. В общагу — сам потеряешься (загуляешь) на неделю. Тут уж не фотомонтаж, а статья светит! И не в стенгазете.

Короче, повез их домой под ясны очи супруги своей. Картина Васнецова «Три богатыря» называлась.

Посередине почти трезвый декан — «Илья Муромец». Слева — «Добрыня Никитич» — ноги колесом, галстук и рубашка навывпуск, штаны болтаются на коленях. Справа — «Алеша Попович» — с очками на ухе и босиком. Оба повисли на плечах Винегретыча.

— Ты на какой помойке их подобрал, крэзи? — зашата-ло жену.

— Аспиранты наши.

— Эта пьянь подзаборная? Не факультет, а вакхультет!

На Камском мосту большущая пробка. В чем дело? Пассажиры автобуса видят: впереди три женщины толкают белую «Волгу», а внутри водила, здоровенный

мужик за рулем. Руководит всей операцией. «Нащальнике». Нет бы помочь. Сидит, султан гаремычный.

— Мужики, выйдем, откатим тачку, — обратился шофер автобуса к пассажирам.

Мужики дружно взяли и понесли «Волгу» к обочине вместе с водилой.

— Только не сбра!.. не сбрасывайте с моста!! — затиковал тот.

— Молодец, что предупредил. А то хотели было, — съязвили пассажиры.

— Женщин своих благодари. Коль развел гарем, так не они должны тебя возить, а ты их.

Рассказывал Столетов:

— Едем как-то в трамвае. На повороте «Газель» остановилась. Видимо, только что. Шофер вышел куда-то зачем-то. Угол «Газели» торчит. Движению мешает.

Трамвай проехать не может. Водитель сигналист — всё без толку. Намечается мощнейшая трамвайная пробка.

Преподаватель Столетов — прирожденный организатор. Из отряда «декабристообразных».

— Ребята, давай, толкнем.

Ну и повалили «Газель» на бок. Только колеса кверху торчат. Товар на тротуар высыпался.

Представляю, шофер авто выбежал. Волосы на себе драть. Поздно!

— Всяких случаев хватает, — поделился Вадик. — Поставила одна дама машину в карман. Но не параллельно другим «лошадкам», а перпендикулярно. Поперек.

Юмористы, однако, пока еще не перевелись. Подперли ее с обеих сторон. Две престижные иномарки.

Дама, как и все дамы, торопилась куда-то сильно. А, не исключено, то жена Никеша была, шут ее знает.

Дождаться хозяев на стала. А стала бодать то одну, то другую машину. Помаленьку растолкала их в разные стороны и смогла-таки вырулить. Представляю, каково было хозяевам соседних автомобилей, когда обнаружилось, что у обоих все бока помяты. А зачем было даму загораживать? Дама свободы хочет!

— Мужик в таком случае ведет себя по-другому, — вспомнил очередную историю Музян (наблюдал из собственной квартиры).

Один перегородил выезд другому. И ушел преспокойненько.

Первый вышел на улицу. Уж, как он бегал, как бегал! Как клался зубами. А второй, вероятно, увидев первого в окно, подумал: «Зачем нарываться на неприятности?» И... решил еще чайку попить кружек десять — пятнадцать. Пока первый не остынет. Через два часа руки целовать будет, лишь бы его выпустили!

Или еще случай. После слякоти сразу ударил мороз. Гололед. Зеркало. Медео. Едет полностью забитый автобус-«гармошка».

У ЦУМа немного в горку. Застрял.

— Мужики, толкнем, — развернул бурную агитацию водитель.

Сначала, конечно, никто не хотел выходить на зимний воздух из теплого салона. Но деваться некуда. Сиди — не сиди — цыпят всё одно не высидишь.

Стали нехотя выползать.

— А ну, даванули. Еще раз!

Автобус остался на месте, зато все, кто толкал, оказались на пузе. Да еще и назад откатились метров на дватц. Скользом. Настоящий каток! Без коньков далеко не уедешь. Вызывай МЧС!

В чипке народу было не пронохнуть. Митяй принес чаевые на обмен. Хоть он и работал дворником в бане, а рожа у него была гря-з-з-з-ная! Будто сто лет не мылся. Мясистые губы, мутноватые глаза и всклоченные волосы дополняли врубелевский портрет Демона. Отсчитывая мелочь и тем самым задерживая вожаденно ропщущую очередь, Митяй надеялся наскрести денег на горючку.

— Ты, видать, ее на паперти собирал, — усмехнулись чипочница Света.

— Не, то чаевые в бане, — честно признался дворник.

Рядом стояла томная габаритная молодлица. Вероятно, тоже в бане работала. Митяй попытался отвесить ей комплимент и где-то даже робко поухаживать. Деваха, ослепив щедрой улыбкой, слегка толкнула Митяя:

— Угомонись, болезный, такуе мурло, если приснится — вообще не проснешься.

Все засмеялись. Хариус у Митяя тот еще. Выгонять его как-то сразу расхотелось.

Однажды Евс потерялся. Вернее, он по пьяни думал, что его мопс потерялся. А, как оказалось, всё наоборот.

Был осенний вечер. Евсеич выбежал во двор в одних носках, трусах и майке. Но с бельевым тазиком наваристого супа с мозговой косточкой. И исчез. Как сквозь землю провалился.

Жена Евсеича бросилась к Шуре (с тещей его она давно корешилась).

— Помоги, Шурик родной, мужа найти!

Кисельков с друзьями прочесал все дворы — нигде нет. Он к автостоянке. Спросил охрану.

— Мужики, мужика не видели?

— ?

— Ну, в неглиже и с тазиком.

— А-а-а! Видели. Подкатил не по сезону. С вопросом:

«Земляки, пса не бачили?»

А потом через вон тот трехметровый забор сиганул, думали, «спайдермен» объявился в натуре.

— С тазиком?

— Не, он тазик под забор просунул, чтоб не расплескать, а сам с разбегу забор перепрыгнул, одним махом, как Брумель, вот не сойти нам с этого места!

Шура недоверчиво посмотрел на забор: на сегодняшний день с одного прыжка ни один атлет его не одолеет, если при своих делах хочет остаться. А на этих заостренных кольях такой знатный шашлычок может получиться!

...Побежали на новостройку, что находилась за забором. Арматурины торчат. Котлован — глина с водой. В таком утонуть — раз плюнуть. Осматривали каждый метр — как сквозь землю провалился.

— Ну так мы его вовек не найдем. Нужно разделить на поисковые группы. Айда в обход!

— Пацаны, мужика в одних трусах не видели?

— В такую-то холодрыгу в трусах? Не-а.

— Куда ж он запропастился?

— Пошарь в колодце.

— Кажись, клюет.

Вытащили слесаря Мавлюгаева в дрезину пьяного. Еще и отбиваться стал, чертополох. Комфортно ему, видишь ли, на теплотрассе — в полном челауте.

— Мимо, граждане!

Поиски сужаются. Найти бы до темноты.

Случайно повстречали жену Евсеича. У подъезда.

— Да дома он. Спит уже сном праведника...

На следующий день возникли вопросы.

— Евсеич, ты где ховался, родимый?

— Собаку покормил и домой.

— Хорош врать, какую собаку?

— Свою, конечно.

— А ты этот забор видишь?

— А слабо, «Вольдемар», через него перелезть?
— Что я, камикадзе какая, ноги-руки ломать.
— Ах, отстаньте, от него чего прицепились, нехристи.
Поголеванил слегонца и всё.

Квартет как-то забежал к Малярчуку на пару сек. Но вместе с Бодуненцем.

Батумыч был в очень нетрезвом виде. Увидев Бодуненца, с которым обычно вежливо раскланивался во дворе, в этот раз он зашипел. Злобно так:

— Кто это. Что за хрен?

— То ж мой друг, Савелий. Самойлович. Помнишь? Помогал мебель тебе еще таскать на седьмой этаж. При переезде.

Малярчук мгновенно изменился в лице. Распахнул объятия:

— Здравствуй, Самоил Савулович! Здравствуй, дорогой!

При этом он обнял и поцеловал Бодуненца по-настоящему, в губы, почти в засос. По старому политбюровскому обычаю.

Узнал или нет, остается загадкой. Но Савелий стоял красный от смущения. А про себя отплевывался, наверное. Вот, чучело, присосалось!

Несмотря на подагру, из магазина со скоростью метеора прилетел Музын.

— Парни! — брызгая слюной во все стороны от возбужденья, возопил он. — Парни, в гастрике идет дегустация красного. Давай быстрее!

Никого долго приглашать не пришлось — не каждый день халявная выпивка.

Скоро выстроилась длинная очередь. Девицы-пиарщицы стали звонить по сотику: «Подтягивайте еще пойла,

пишла хочет зрелищ». Им то что? Лишь бы план перевыполнить перед агентством. А тому — перед оптовиками. А тем — перед мировым держателем брэнда. А братва вся назюзюкалась от копчика. По пять раз в очередь отстояли. Такого успеха пиарщики еще не знали.

Трудно было Никешу во время ремонта в квартире. Но особенно, когда тот докатился до раздельного санузла.

К соседям ведь не пойдешь с деликатным предложением: «Позвольте у вас уединиться, подумать о вечном».

Приходилось каждый день отходы кишечника выносить к мусорному баку в пакете от известной косметической фирмы (*название не указываем, дабы не сделать неоправданно эффектную рекламу, прим. автора*). Чтоб не догадались.

— А жена твоя как же? — участливо спросил Батумыч.

— Не знаю, не исключено, с балкона приноровилась вместе с птицами...

И вот, наконец, долгожданный день: кафель уложен, полипропиленовые трубы подведены. Осталось только «царский трон» установить.

Заказал в строительном супермаркете. Там выбор гигантский...

Однажды во дворе появляется такси и из него выпрыгивает счастливый Никеш с большой коробкой на руках.

— Вот это коробень! Телевизор? — задал наводящий вопрос Люлипупенко. — Не-не, холодильник?

— Универсальный таз, чудик. Наконец-то. Хватит! Намаялись досыта!

— С покупкой, комрадэ. Надо бы обмыть удачное приобретение, — вставил слово Левик.

— Дай-ка, примерюсь разок. На импортном ночном горшке посижу.

— С подсветкой, поди? С цветомузыкой? — с завистью спросил Люлипупенко.

Через пять минут Арнольд торжественно восседал на фаянсовом седалище:

— Удобный — не проваливаешься. Не то что на моем, а то, того и гляди, в Каму смое.

А Музян пристроился на бачке.

— Не пора ли испытать его в действии? — спросил вслух перебравший пива Лева Смолянский.

— Точно! — вскричали пацаны. И устроили экспериментальную проверку качества агрегата.

— Славная пепельница, — в тон им заметил, а затем и стряхнул пепел внутрь Малярчук.

— Знаешь, как корабли на воду спускают? — отреагировал Вадик. — Разбивают о борт бутылку шампанского.

С этими словами он подобрал с земли пустую пивную бутылку (эрзац-шампанское) и треснул ей по боковой поверхности унитаза. С его то силой! Полный краш-тест!

Бы-Быц! От изделия откололся кусок санфаянса.

Никеш огорченно смотрел на зияющее отверстие.

— А смотри, так еще лучше — вентиляция как-никак, — успокоил Девелопыча Арно...

— Ты на какой свалке откопал этот дрек, чумарило? — спросит потом жена Никеша после апробации покупки.

И тому придется ночью, пока все спят, тайком везти в квартиру заново купленное санизделие — подальше от людского соблазна...

— К нему у меня теперь близко не подойдешь, — категорично резанула жена.

— Лучше тогда его в гостиную вместо вазона поставим и цветов сверху охапку? А?

Саня Водник рассекал по городу на «поршивце» с блатными номерами, которые в городе знал каждый: «о000оо». Полная тонировка.

В этот раз машина шла на автопилоте. Зигзагом, как на швейной машинке «Зингер».

Видя такой расклад, тормозит его представитель дорожно-патрульной службы.

— Лейтенант Дыменко. Ваши документы.

— Посмотри там, в кошельке, — кивнул Водник, небрежно протягивая большую спортивную сумку. — Твой кармашек третий справа.

Лейтенант скрупулезно искал права справа среди купюр разных стран, но так и не нашел.

— Потрудитесь выйти из машины.

— Лейтенант, как тебя. Слышь, ты, Ментко...

— А ну, дыхните в алкометр, — сказал гаишник, — хотя и так видно. На ногах еле держитесь.

— Это от усталости.

— Че свистите?

— Да, на!

Не показывает.

— Еще раз. Пробуксовочка в системе. Сбой.

— Фу-у.

Опять тишина.

— Еду дальше?

— Так точно. Свободны...

— Сколько тренировался? — спросил Витек-Гагулек, когда Саня снова пришвартовался на сидение рядом.

— Сутки-двой. Лева научил: через клизму перегара не бывает.

— А сзади гаишник трубку подставить не догадался?

— Скорее, постеснялся!

Вадик с Мошешотом проводили бывшую жену Музыана с железнодорожного вокзала. Уехала к себе в Мариуполь.

— Метнем по рюмашке. Пусть побулькает в желудке.

— За рулем? Ни за что! Но перехватиться надо.

На закуску в привокзальном буфете шаурма. Свеженькая. Пахнет зазывно. Дулепистого после первого же проглоченного куса вдруг как скрючит! В жгут.

— Атас! — заорал Вадик и бросился вон.

— Вот это «погудели»! — только смог промолвить Музян и попер за ним.

— Ой-ей-ей! Как живот крутит!.. В вокзальный туалет не пойду! — отрезал Дулепистый. — А под кустами — холодно и негигиенично. Только домой!

Вадик прыг в свою тачку. Музян — рядом.

Как он гнал. Уж как он гнал! Музян с жизнью не раз прощался. Пытался вставить слово:

— Давай, вот тут, в универсаме неплохой платный сортирчик. Был там пару раз. Сносно. Европейский дизайн.

— Не, стесняюсь. Только в своем итальянском.

— На, подстели что-нибудь на сиденье. На всякий. Я вот всегда с памперсами хожу. Мало ли что подцепишь в закусочной.

— Не доеду! — стонал Вадик.

— Меньше разговаривай, думай о чем-нибудь приятном, например, о женщинах.

Вадик осоловело посмотрел на Музяна — совсем сбрендил, старый пень.

По встречной полосе фура с вином... Съехала куда-то в кусты! Вторая за — ней. Музян чуть сам не выпрыгнул следом. Потом всю дорогу горестно озирался. Вздыхал. Вино вылилось на землю и образовало спиртосодержащие лужи...

Алкаши всего города в течение недели приползали на опохмел к заветной придорожной канаве. Легенды славали о целебном высокоградусном источнике, бьющем прямо из земли.

Впереди пробка.

— Обойдем по тротуару.

Попутно снесли газон.

— Насадили кактусов, юннаты!

Зазевавшиеся пешеходы только пятками сверкали. Кто успевал. А кто нет. Каблуки летели во все стороны.

Идет тетеша, машет кульком с фруктами. Довольная. Ворон считает. Бы-Быц! Вместо фруктов кисель с яблочным миксом.

Или... Одна деваха пересекает дорогу наискосок. Плышет, раскачивая бедрами, томно, как на подиуме — боится вспотеть. Вся в фирме, на высоких каблуках. Смотрит только перед собой и выше.

Вадик сигналит ей трижды — не реагирует. Пришлось объехать... по луже. Окатило с ног до головы. Вот вам и «Гуччи» с «Версачей»!

Собаки дворовые стаей перебежали. Несутся, не оглядываясь по сторонам, знают, что на главной дороге.

Не уступил — бросились с лаем. Кидались прямо под колеса, как камикадзе на Перл Харбор. Столкнул в лужу всю стаю вместе с вожаком — нечего на всех подряд тявкать.

...Впереди свадебный кортеж. Молодые на лимузине. Высунулись из люка, целуются, руками машут. На светоре. Мужик, водила лимузина, открыл было окно — выбросить фантик от «Марса». Поторопился. Залило и фантик, и шайбу водителя, а также всех кто был в машине, включая свидетельницу. Через окно и люк. Физии у всех грязные, но недовольные! Вот вам и свадьба (Лика Вермилина с женихом. Потом им еще от Киселькова с крыши достанется)! Вывод: не останавливайся у лужи. А если остановился — задрай окно и люк.

Музыан приоткрыл стекло и выбросил отжеванную резинку — сзади скрежет. «Ока» прилипла к асфальту. А за ней четыре машины — собрались «колбаской». Вывод — соблюдай дистанцию, особенно, за Окой — останавливается от звука... аплодисментов.

Тут навстречу автовоз с новыми иномарками. И прямо

в лоб. Вадик показал характер — не уступает. Прет на таран. У водителя автовоза нервы не выдержали. Свернул, но неудачно — завалился на бок в кювет, а все новые машины разъехались по округе. Вот кому-то повезло!

На перекрестке все машины затормозили. Один шофер, высунувшись из окна, машет другому: «Дай прикурить». Другой стекло приспустил, сигарету протягивает.

Вадик газанул с места. Соседи в воде. Из-под колес. Зато пожара нет. Вывод — не смоли на ходу. Опять же: эффективный способ борьбы с курением в общественных местах, к коим теперь относятся и автодороги.

Гаишник фуражку снял, хотел лысину платочком промокнуть. Не успел повернуться — «промакнуло» с ног до головы. Жезл смыло. Пока приходил в себя, те уже далеко.

Он — в машину и в погоню. С мигалкой и сиреной.

На бульваре совсем потоп. После дождя. Плывут все. Особенно старые иномарки — у них посадка низкая. Шины асфальта не касаются. Навстречу «Камаз». Метровые волны в обе стороны. Как от катера. Еле проскочили. А гаишники сзади — нет. Накрыло цунами. Только фуражки всплыли... у австралийского побережья.

...Фу, кое-как успели. Вадик подлетел к самому подъезду. Жалко, дальше нельзя. Он пулей на второй этаж. Потом выходит неспеша. Счастли-в-ы-й!

Но выражение его лица постепенно меняется до вытянутого. В трубочку:

— Музян, ты что в чужой машине делаешь?

— В какой приехали — в той и сижу.

— В «Брабусе»?!

— В градусе — не в градусе, не знаю? — отрезал Молик, стараясь дышать в сторону. — Никуда не выходил.

— А где мой «Жигуль»?!

— Может, при встрече с автовозом поменялись? В такой-то скачке всё что угодно могло произойти.

— У меня же там, в багажнике, кефир для тестя остался! — застонал Дулепистый. — Уж он-то мне отвесит с ноги за нахалку.

После яркого рассказа Вадика о шаурме Шура быстро ретировался домой.

— Я скоро, — помахал он товарищам рукой.

— Надолго засел? — постучала в стенку жена.

— Не, быстро.

— Быстро, но часто. Ты прямо Башмачкин какой-то, — сказала Шурану жена, знаток литературного наследия Гоголя.

— К чему сказала?.. А ты поешь чего-нибудь в нашенском буфете. Посмотрю я на твою моторику кишечника.

— Можно подумать, что в нашенском лучше. Вчера, например, студенты из Мозамбика траванулись. Хотя привыкли есть всё что ползет в сыром виде. Лев Купионович лично обследовал. Всем клизмы прописал. Поставил на ноги. Вот и ты к нему запишись на прием. С ходу вылечит. Чай, дружбан твой закадычный.

— Он своих не трогает.

Люлипупенко где-то опять потерял ключи от квартиры. Жена разрешила временно поносить. И вот незадача. Пропали вместе с кошельком.

По краю тротуара весело шли гурьбой таджики, один приотстал.

— Генацвале, — обратился Арно к таджику, — ты тут мой барсет с ключами от квартиры не подымал?

Тот непонимающе выставил глазенки, по-видимому, с русским он был пока не в ладах.

— Вижу, нет. Проходи.

Вдруг откуда-то выбегает Дулепистый.

— Стой, Арно. Зови своих генацваль. У меня за углом машина одним колесом в яму попала. Прямо в кармане.

Ствол дерева спилили, корни вырвали, а яму не засыпали. Сел на брюхо.

С помощью таджиков на счет «три», точнее, «три-три-три» подняли машину и вытолкнули на ровное место.

Хорошо иметь налаженные контакты среди разных этнических групп.

Устроил однажды Шура Малярчук вахтером в химический корпус. Временно. Все профессиональные сторожа, правильное, сторожихи по дачным участкам разбрелись — брюкву сажать.

И вот сидит Малярчук (на самом деле, уже лежит) на трех стульчиках и надувной резиновой (скорее даже, кислородной — Лева подарил) подушке под головой и перечитывает для лучшего сна легкий детективчик — вырезки из газеты «Вечерняя Пермь» годов семидесятых. Тогда было модно публиковать романы в газетах, чтобы поднять соответственно интерес читателей и тираж.

Народ весь давно ушел, даже настырные аспиранты. Лето на дворе. Уральское и короткое.

Двери заперты на гаражный засов. Всё тихо. На четвертом этаже у органиков только синтез круглосуточный продолжается — булькает в колбе какая-то кака-бьяка — «гомункулюсов в очередной раз выращивают» (с их слов).

Собрался уже Малярчук было ко сну отойти...

И тут в два часа ночи слышит невообразимо дикий стук металлического предмета по бетонным ступеням.

— Ну всё. За мной пришли, дьяволы! — струхнул, да что там струхнул, — окаменел Батумыч. «Крик-1» и «2» вместе взятые отдыхают.

Звук меж тем приближался. Неотвратимо.

Вот, видимо, как она приходит смерть-то с косой. А жить еще хотелось, ой, как хотелось!

Малярчук стал лихорадочно искать предметы защиты.

Для самообороны. Хотя против надвигающихся монстров вряд ли это поможет. Нашел только старую швабру с мокрой тряпкой. Уж лучше тогда стулом!

Стук стал невыносимым. Уже, значит, спускаются со второго этажа.

Батумыч приготовился к последней минуте своей жизни. Не думал, что оборвется она так нелепо — теплой летней ночью. Ее надо прожить достойно, но вряд ли получится. Глаза зажмурил. И слышит голос (с небес):

— Не разбудил, товарищ?

Оказывается, это Валя Столетов специально ломом стучал, когда с четвертого этажа спускался, чтобы Малярчук не испугался заранее. А то появится внезапно мужик перед спящим вахтером. Сразу разрыв сердца или что-нибудь еще похуже.

Хотя получилось наоборот. Батумыч-то подумал: «Вот синтезировали методом генной инженерии какого-нибудь "чужого". От этих злыдней-органиков всего можно ожидать... А если кто через крышу пробрался за спиртом?»

Короче, сценарий фильма ужасов «Стук-1» и «Стук-2».

Жена с тех пор и не успевает Малярчуку новые пижамы покупать.

По крайней мере, это была его последняя смена в качестве вахтера и первая в невропатологии. А Столетов — худший враг на все века.

Шура вздохнул:

— И мне тоже довелось одну смену вахтером поработать. Дядя попросил. Как-то раз ему надо было на свадьбу к дочери друга сползть:

— Ну-кась, подмени меня сегодня.

Он — пенсионер и дежурил ночью в офисе какой-то конторы. Как не помочь хорошему человеку?

И вот обхожу я вместо него этажи, как того требует инструкция. Заглядывая в туалеты, смотрю, чтобы вода

была выключена в кранах. Вхожу в один на верхнем этаже. Темень. Света нет, но у меня фонарик при себе. Спелеологический. Несколько дверей закрыто. Так, для проформы приоткрываю их поочередно. Первую — чисто. Вторую — тоже. Пятую...

...И тут два круглых НЛО сверкают разноцветными огнями. Прямо перед носом в воздухе. А до этого передачу смотрел про них. Сердце ушло в пятки. Вот она встреча с инопланетным разумом. Наконец-то! Повезло. Будет о чем потолковать с пришельцами. Причем, так неожиданно!

Внезапно НЛО закричало как-то по земному. Включил фонарик. Оказывается, спрятался сметчик после банкета. Забился почти в самый унитаз. Или заснул на очке. Тоже бывает. Однако меня едва Кондратий Иванович тогда не хватил. Поднял сметчика за грудки:

— Ах ты, урость бодяжная, чуть до инфаркта не довел!

Тот стремглав бросился вон. Только его и видели.

Но на первом этаже я его догнал. От меня не так просто уйдешь!.

— Ты что, сычуань такая, творишь? Завтра же докладную твоему начальству на стол!..

Такой была моя первая «встреча с НЛО», — подвел итог Шуран.

— Первая, но не последняя, — блеснул глазами Млярчук.

— А то!..

Забавный эпизод произошел однажды с Кисельковым по окончании практики на металлургическом заводе в городе Чусовом. Возвращались студенты четвертого курса (несколько девиц, в их числе будущая жена Шурана и он сам) на электричке «Комарихинская — Пермь».

А надо сказать в тех краях имеются так называемые «места не столь отдаленные». Многие обитатели которых

мотали остаток срока в колонии-поселении «на химии» (химических предприятиях).

И вот едет Кисельков в сопровождении четырех девиц. Аккорды к песням подбирает на гитаре.

На станции Лямино в вагон входит нетрезвого вида небритый великан и, злобно зыря глаза, направляется прямо к практикантам.

— Вы кто? — спросил мужик, обдав перегаром Шурана и желая спровоцировать его на конфликт.

— Химики, — честно признался Кисельков.

— А? Уважаю! Уважаю! — шумно засопел мужик. И боязливо попятился в дальний конец вагона от греха подальше.

Остальные попутчики так же перебрались поближе к выходу — на всякий случай.

В восемь утра жена Вадика потрусила на завод.

По двору под ручку уже прогуливались Люлипупенко с Кисельковым.

— Вы вообще спите когда-нибудь, немтыри? — обратилась она к гулякам.

— Сейчас совсем стемнеет, и пойдем, — ткнул пальцем в небо Арнольд.

— А ты куда на ночь глядя? В найтклуб? — оскалился Шуран, критически оглядев женщину. — В таком-то прикиде? Дресс-контроль не пройдешь.

— Вечер с утром не перепутали, касатики? — огрызнулась женщина.

— Что мы, бестолочи какие? Вон у меня на наручных часах еще полдевятого.

— Да ты что? Ой, опаздываю! — и жена Вадика бегом припустила к остановке.

— Ты бы так на работу неслась! — рассмеялись друзья. — Опаздывает она. На «белый танец».

Позвонил Вадик Дулепистый (см. с. 35):

— Подтекает где-то у вас в кухне, Полина Геннадьевна, жильцы снизу жалуются. Это я, наверное, краны не докрутил.

С таким делом не шутят. Надо домой сгонять. Срочно. Оценить обстановку. Если что: Вадик в отпуске, а, следовательно, на месте. Еще раз краны проверит. Закажу-ка я такси по телефону.

Через десять минут такси притормозило у дверей треста.

Села Полина в такси. Запах! В конюшне ипподрома после скачек по сравнению — розарий. У шофера, видимо, дистония: весь как мокрая курица. По нашим-то дорогам пот действительно в три ручья.

— Ценю, конечно, что так быстро примчались... Можете курить, не стесняйтесь, — намекает Полина, рассчитывая, что запах дыма перебьет запах пота.

— Спасибо, и так весь обкурился. На неделю! — отвечает таксист.

Что ж, испробуем другой ход.

— Можно, я окно приоткрою? Жарко.

— Стеклоподъемник не работает.

— Тогда дверь.

— Не положено по инструкции. Выпасть можно. На дорогу.

Короче, прикрылась Полина носовым платочком, а он у нее духами пропитан. Будто насморк замучил. И так доехала до дома. Почти...

В шести кварталах от дома машину вдруг дорожный патруль останавливает. Водителя в машину ДПС пригласили с документами.

Вот еще одна напасть! На полчаса, не меньше!

Каково же было удивление Полины, когда машина с гаишниками и таксистом куда-то поехала.

— Не ровен час, зарестовали? — Полина паникнула не на шутку.

Бросить машину и бегом домой? Не по-товарищески как-то. Да и далеко. Самой сесть за руль и поехать? — До ближайшего фонарного столба. Водить не умеет. А вдруг это подстава? Словом, женщина вся издергалась на сидении, до мозолей.

Прошло несколько мучительных минут. Подвозят водителя такси обратно.

— Куда пропал? Я уж думала...

— Они мне: «Нарушил правила».

— Где, в каком месте?

— На светофоре.

— Ничего не знаю. Я по зеленой стрелке поворачивал, как полагается.

— Это с нашей стороны зеленый был. А у вас, стало быть, красный.

— У меня зеленая стрелка. Зуб даю. Не исключено, светофор сломался?

— Всё исправно.

— Нет, что я — слепой?

— Сейчас покажем и докажем.

— Посадили меня на переднее сиденье и до светофора. Работает в том режиме, о каком говорю: то есть, действительно, с их стороны зеленый и с моей аналогично. Другими словами, реально глючкует.

Стали что-то мне туманно и заузно объяснять. Вижу, сами не знают. Но не покажешь ведь. Гаишник всегда прав, иначе без прав ты останешься! Лучше не спорить.

— Здесь надо дождаться и в паузе между переключением света повернуть (сами-то поняли, что сказали?).

— Теперь всё уяснили?

— Угу.

— Ну вот и отлично. Наша задача не только штрафовать, но и разъяснять (верю?!).

И отвезли к оставленному автомобилю с пассажиркой.

Только светофор через два дня заменили на обычный.

— Сто пятьдесят, — сказал водитель.

— Держите. Плюс лично от меня двести на дезодорант персонально для вас и столик на дезодорант для машины.

— Неужто такой запах в машине?

— А вы не чувствуете?

— Да, вроде, нет.

И тут таксист поведал историю, которая произошла с ним аккурат перед вызовом Полины.

— Вез я клиентку. С железнодорожного вокзала. Разместилась она на переднем сидении. Покуривала.

— Я, значит, тоже решил пополнить запасы сигарет. Остановился у табачки. Двигатель заглушил. Включил первую передачу, чтоб автомобиль не съехал. И пошел в киоск. На минутку. Выхожу — машины след простыл.

Куда она девалась — ума не приложу. Давай головой по сторонам крутить, как проблесковый маячок у скорой помощи. Смотрю, катится моя «ласточка» под горку прямо в бетонный столб. А она у меня в аренде! Я что есть сил наперерез. Остановил у самого столба собственным телом. Стою пыжусь. Кричу этой мадам:

— Выйди, кирпич какой-нибудь подложи под передние колеса.

Та кое-как выползла. Парализовало от страха. Шарит руками по земле. Ни одного кирпича. Я уже совсем Геркулес или атлант древнегреческий. Грыжусь. Пот в три ручья. Чувствую, самому под колеса скоро лечь придется. Перегородить туловищем путь, так сказать.

— Беги в магазин, зови мужиков, — хриплю клиентке из последних сил.

Вот пока она их вызвала, да те прибежали, с меня сто потов и сошло.

Только потом выяснилось, что стряслось. Оказывается, мадам стала копошиться в своей сумочке (зеркало ей, видишь ли, понадобилось) и случайно задела рычаг переключения передач. Тот вернулся в нейтральное положение. При этом она еще умудрилась поерзать на сидении. Вот машину и понесло под горку. Не думал, что секундное дело таким конфузом обернется...

Машину держал, словно Юрий Власов. Сразу килограмма три, как минимум, веса потерял. В виде пота. А вы говорите, дезодорант. Тут бы выпить чего-нибудь. Покрепче. Но нельзя — за рулем. До конца смены еще ишачить и ишачить.

По телевизору шла прямая трансляция саммита Большой восьмерки. С синхронным переводом. Была осень и переводчик, похоже, сильно простудился.

Представьте речь одного из глав государств:

— Мы должны четко видеть (кхе-кхе). И слышать (звук сморкания) противоположное мнение.

Ассоциация очевидна!

— Это задача не из легких (шумно втягивает слизь в себя). (*А откуда? прим. автора*). Глава переворачивает текст доклада и слышен шелест страниц. (Параллельно булькающие звуки из носоглотки переводчика — аккомпанемент).

Выступает женщина-президент. Диктор гнусавит:

— Наше мнение аб... (зашелся в кашле до хрипа) ...ное. Это вам (кхе-кхе) не (кхе-кхе) ...ка.

— Чпок! — видимо, выковырял пробку из уха.

— То же самое можно ска... (апчхи — три раза).

— А... (смачно сплюнул, поэтому слова утонули в потоке слюны...) хотели на другие страны.

Вот это красноречиво. Лучше не скажешь!

— Чпок! — видимо вылетела вторая пробка.

Блин! Лучше бы Гоблина пустили на перевод! Хотя нет, так даже, пожалуй, смешнее и нагляднее.

Читаем новости в интернете...

«На границе с Киргизией видели пьяных всадников».

Уж не Люлипупенко ли с компанией? А вдруг войска Тамерлана потерялись в пустыне и вышли на огонек костра?

...Издатель американского порножурнала запросил срочной финансовой помощи в размере пяти миллиардов долларов.

Знать, не заработал на «веселых картинках».

...Руководитель Международной валютной биржи организовал финансовую пирамиду. Вот откуда доморощенные «Властелины» опыта понахватались.

Бывший Председатель Всемирного банка ходил в дырявых носках — диагноз: «синдром Бодунца», вирусная болезнь «Бодуномания». А, не исключено, слава Савелия спать мешала. Ушел в отставку, чтобы со своей спутницей развивать альтернативное направление.

...Разорившиеся американские банкиры устроили пышную вечеринку на Канарах. После нас, хоть потоп. Как это по-русски!

А куда делись все нобелевские лауреаты по экономике со своими уравнениями Гольдштейна-Дрюкина? — проворонили мировой финансовый кризис!

Ну, конечно, из миллиона прорицателей сразу нашлась парочка имен, которые якобы предсказали его. Естественно, в завуалированном виде, чтобы другие сразу не догадались. То, что остальные 99,9(9) предсказали благоденствие — как говорят ученые — в пределах статистической погрешности.

В иностранных спецслужбах скрипят зубами: «Был СССР — кормил полмира вместо нас. Нефть, газ по нерыночным ценам поставлял. Халявно!

Китай сдерживал, в смысле, ширпотреб китайский своим такого же качества прикрывал. Весь мир валенками и калошами снабжал, не говоря уж о водке и "Приме".

Ужель кто-нибудь еще остался из бывшего политбюро? — долгожители как-никак».

План Обамы — выделить триллион на восстановление СССР — и нет кризиса! Вложить деньги в самое беспроигрышное дело. Опять же поддержка Голливуду — кто его сейчас смотрит, окромя бывших граждан СССР, или тот же «Бони-М». Своих «миражей» наплодилось немеряно.

Объявился редкий гость пенсионер Бармалеич. Тот самый, который однажды помог Музыну свое реноме восстановить. В споре с автолюбителями.

Вышел погреть печень на солнышке. «Бармалеичем» прозвали его дворовые детишки за то, что он их нещадно лупцевал своей тростью. Хуже того, обещал привести настоящего Бармалея.

Бармалеич был у же под мухой. На нем висело точно такое же темно-синее турецкое пальто, как на Малярчуке. Только поновее и без белых пятен от побелки.

— У вас мода такая на эти польта ли че, «сникерсы» твиксанутые? — обронил Витек-Гагулек.

— Теплое оно, — моргнул Бармалеич. — А нам, пенсионерам, лишь бы погреть старые кости. Погода славная сегодня — так и хочется принять на груди.

— Ты, знамо, уже согрелся, — заметил Люли. — Или плеснуть «глинтвейну»?

— Ну плясни!

После «глинтвейна» Бармалеич разоткровенничался:

— Шестьдесят и более каналов нонче по телевизору. Смотришь целый день. В этом году зимой за январские «каникулы» сто раз «Операцию "Ы"» показывали, двести — «Иван Васильевич меняет профессию», триста —

«Джентльмены удачи». Наизусть каждую реплику героев выучил. Сценарий до запятой. Титры как «отче наш».

— И я все советские фильмы, созданные за семьдесят лет, за один день пересмотрел дважды, — подхватил мысль Лева Смолянский.

— А эти ток-шоу «натурально-документальные»? Перебрали всех заштатных артистов, вплоть до статистов мыслимых-немыслимых театров, включая даже тех, которые в сельских клубах-чумах на Чукотке шаманили. Выпустили в телеэфир. Но всё равно свежих лиц не хватает! Приходится раза по три каждому сниматься. В новых амплуа. И в «Битве экстрасенсов», и в «Доме-2», и в «Часе суда».

— В том-то одна свидетельница под тремя разными именами из дела в дело дрейфовала. С интервалом в две недели. «Ксюша», «Тома», «Вероника». Телепсевдонимы, — вставил слово Шуран.

— Ты еще не знаешь, что она до кучи мужика-лже-свидетеля сыграла и парня-ответчика, — добавил Вадик. — Загримировали — родная мать не узнает!

— И старушку со шрамом, — ввернул слово Арнольд.

— Выбрали всех. До единого!

А «Голод»? Слышали, как артисты хрустели ушами за кадром? Отъедались в три пуза. Тот же «Последний герой». Всё четко по сценарию. Пиявки из взбитого крема. Жуки из шоколадно-ореховой пасты. Сбрасывали с реактивного самолета — час и он уже на месте. Кексы-«голотурии» не успевали остыть.

По телевизору и не такие фокусы можно показывать. Все смотрят на экран и ахают, как это Дэвид Копперфилд поезд спрятал. Ну надо же!.. В соседнем съемочном павильоне. Вон один итальянский режиссер полностью морскую баталию у себя в ванне отснял. Во время помывки. Десятибалльный шторм ладонью устроил. А битву при Ватерлоо — в кювете для кошки.

Или младенец ногтем поезд сдвинул с рельсов, само собой, вместе с пассажирами.

НЛО летает прямо у телекамеры. Ассистент оператора успевай только газеткой от него отмахиваться, как от назойливой мухи. А комбайнеры в это время на пшеничных полях круги нарезают. Работа сверхурочная, но хорошо оплачиваемая («инопланетянами»).

Я уж не говорю о спорте. Коротышка выходит против Геркулеса и побеждает. Но не сразу. А в результате тридцатиминутной схватки, большую часть которой его беспощадно мутузят точь-в-точь, как в заключительных кадрах американских блокбастеров: когда уже надеяться не на что — герой висит на мизинце над бездной. Палец постепенно разжимается. Собрал остаток сил — плюнул в лоб главному злодею, и того смыло слюной вниз вместе со всей его кодлой. А потом они со спасенной красавицей, которую он предусмотрительно держал за талию (не выпустил ведь, сомец!) ползут вверх (да что там вверх — под углом в 105 градусов!) по разбитому стеклу. Выползли. Реквизит чистенький, как после «Тайда». «К-И-Н-О», одним словом («Куй Исправно Новых Олухов»).

Шуре Киселькову после девятого класса удалось побывать на море. В Сочи. Каждый день ни по одному разу купался он в соленой лазурной воде. Впервые увидел живых медуз. Захотелось ему это чудо природы привезти домой на Урал в банке с морской водой. И вот перед самым отъездом приготовил он соответствующую посудину. Взял ее с собой на пляж.

Золотое правило — не откладывай на завтра то, что мог бы сделать сегодня. Эта простая истина еще раз подтвердилась в последний день пребывания Шуры на отдыхе. Как назло, медуз у берега не было. Пришлось отплыть на весьма удаленное расстояние. И только там Кисель-

ков обнаружил скопление ажурных морских обитателей. Но положить их было некуда — посудина осталась на песке у шезлонга.

Не долго думая, Шура сунул медузу в плавки. Трудно представить, что было потом. Скипидар в заднице — это тональный крем на пальце по сравнению с ядом медуз!

Кисельков добежал до берега со скоростью, которой позавидовал бы современный гидроцикл. Прямо по воде. Босиком. Пятки сверкали! Высекали искры из аш-два-о. Водород бурлил с кислородом, образуя гремучую смесь. Вот вам и водородный двигатель!

Нашим бы пловцам по медузе в соответствующее место. Тогда все олимпийские рекорды за нами. И не надо никакого допинга-мопинга!

Шура взглянул на часы:

— Пора. Пойду на компе рубиться. По сети.

Малярчук наострил уши:

— Шурик, что за маза такая? Дозволь и мне, старому водолазу, оттянуться по полной.

— Это вы, Всеволод Батумыч, серьезно?

— Серьезней не бывает. Пшли, порвем компьютерный мир.

— Ладнось. Погнали.

— Тесть против не будет?

— Он сегодня тещу по области катает, так что можем часов до девяти быть в порядке.

— А жена?

— Она в библиотеке курсовую домучивает...

— Вот ваш джойстик, вот — мой.

— Объясни детали плана.

После часа пространных пояснений Малярчук усвоил главную идею: стреляй и машишь до посинения.

— Кстати, Девелопментыч тоже рубится вместе с внуком.

— Вот с этим арбузом мне самый раз схлеснуться. За разные проделки.

— Ну, поехали.

— Шура, что за монстры там бегают? На заднем плане? Это Никеш так вырядился? Во, муфлон, дает! По каким-то ватерклозетам бегают. Вот его, гада, и мочить в сортире! Слово президента.

На следующий день Никеш у подъезда сидел, нахохлившись до безобразия.

— Че такой злой, Девелопыч?

— Представляешь, вчера один гад в игре только за мной и гонялся. Всё время мешался под ногами. Всю малину испортил. Хочу выяснить по своим каналам в спецслужбах, кто за ним стоял. Что за падломан. Попадись он мне в реальной жизни. Изрублю до клетчатки!

Рауль пробрался на последнюю пару в гунитет. Подсел на лекции по общей химии к невзрачной девице. Оделся, как последний панк.

Химический факультет, как мы успели заметить, — факультет дырявых халатов. Поэтому Комаров напялил мятый белый балахон с цветными заплатками на рукавах, растрепал волосы, предварительно тонируя отдельные пряди зеленой и синькой. На лице закрепил имитанты многочисленных ожогов и шрамов от осколков лабораторного стекла. На джинсах сделал отверстия в области ягодиц, чтобы просвечивали полосатые трусы — следы разлитой в обилии на стульях кислоты (обычная милая шутка сокурсниц). На ноги — рваные кеды без шнурков (так полагается по технике безопасности, чтобы не запнуться при случае). Довершали антураж расколотые очки, замотанные старой изолентой и муфельные щипцы,

торчащие вместо авторучки за оттопыренным ухом. Этакий выдрипупистый мэн.

— Ты с какой груши? — кокетливо спросила соседка.

— С третьей, — наугад ляпнул детектив и не ошибся.

— А я с первой. Там у нас одни девчонки. А вы, парни — все в третьей и немного во второй.

— Вау, Рау, — протянул скрюченный мизинец Рауль.

— Машута, — пожала его своим мизинцем девица.

— Ма, я тут припоздал малость. Закон Рауля уже проткемалили? — спросил Рауль, блеснув познаниями, полученными в ходе общения с Вивасовым.

— Ты такой умный! — открыла рот Машута. — Из спецшколы што ля к нам?

— Поступал в МГУ, сделал проход по краю. Но предки заставили вернуться обратно в Пермь, — с лету придумал легенду детектив, да так, что сам поверил сказанному.

— А я по результатам ЕГЭ поступила. В школе нравились конические колбы с воткнутыми цветочками рисовать.

Рауль понял, что расположил Машуту к более откровенному разговору, поэтому спросил:

— На капусту не гоняли, а то я чего-то пропустил из-за насморка.

— Так ты не ездил? — замахала ресницами первокурсница. — Много потерял! Там такой отходняк был. Отвязный. Одному доцику перепало по бахче, нелилейно!

— А вот с этого места поподробнее.

— Ну что? Поехал весь факульт. Даже пятнашки. Пацики рубят, мы рулим. Преподы, соответственно, нами. Словом, вся вертикаль власти. Потом борты подогнали. Давай их накачивать зеленью. Тут этого доцика и отсмачили. Но пасаран!

— И кто?

— Кажись, Амбик.

— С третьяка? — наугад вставил детектив.

— Не знаю точно, но среди первачей в списках не значится...

— Есть важная спидинфо, — позвонил по секретному номеру Комаров.

Вивасов примчался мгновенно.

— По моим разведданным в наше поле зрения попал некто «Амбик».

— Достаяю список всех студентов факультета и амба этому «Амбику»! — удовлетворенно запотирал руки доцент.

— Эврика, значит. Нашел! Амбидекстр его зовут. По фамилии Кремов. По отчеству Ромуальдович.

— Подозрительно знакомое словосочетание, — наморщил лоб Рауль. — Не сын ли нашего уважаемого депутата?

— Мне этто фиолетто. Со второго курса, опарыш!

— Надо посмотреть на него со стороны, что-то очень сомнительным мне кажется то, как мы легко вычислили диверсанта.

Через час наблюдений и антропометрических анализов Рауль был полон сомнений:

— Вы думаете, этот хилага мог поднять кочан капусты? Скорее, кочан мог подмять его! Как Сизифа.

— Что верно, то верно! Сушеница болотная в натуре, — согласился Вивасов.

— Надо с ним покалякать, мэй би, что-нибудь выясним. Естественно, в интимной обстановке, — поковырял в носу детектив.

Если человек сам не мог этого сделать, значит, он знает, кто бы мог это сделать (ближневосточная мудрость).

И Рауль стал поджидать Кремова у дверей столовой.

— Стуцци, как пройти в библиотеку?

— Прямо, потом налево, потом снова налево. Вторая дверь. Впрочем, я не уточнил: тебе какую? Тут их три. Две на втором этаже: библиографический отдел и МБА. А на первом — читальный зал.

— Ты, чай, в этом клубке экскурсоводом работаешь?

— Просто знаю!

— Молорик, а меня Рауля зовут. Тебя?

— Амби, — протянул липкую руку Кремов.

— С меня пиво за знакомство.

В это время к Амби подскочил такой же худосочный и противный пацик.

— Ты кито? Стадо быть, чьих будешь? — обратился он через насморк обеих пазух к Комарову.

— Спокойся, Моп! Нашенской мужелло, — осадил друга Амби.

Тот, которого звали Моп (сын доцента Моповой) слыл самым осведомленным челокум на фате.

— Такое знакомство мне пригодится, — отметил про себя детектив.

— Снопы! Обещаю — угощаю! — и Рауль достал из спортивной сумки запотевшие банки с пивом.

— Откуда драйвишки?

— Из чипа, вестимо... Слушай, Амби, ты один такой на фате или еще кто-то так же пеленгуется? Под твоим ником.

— Есь одна метелица, кажись, с третьего курса...

Через полчаса Рауль докладывал в кабинете у Вивасова о предварительных результатах расследования.

— Неплохо, неплохо! Значит, Кремов отпадает в силу врожденной дистрофии мышц? Это хорошо, а то не хотелось бы ссориться с его отцом, известным депутатом (об этом его опять же просветил детектив).

— Есть какая-то одноименная бэбэна на третьем курсе.

— Продолжайте расследование. Я держусь на прямой.

...У третьего курса была поточная лекция у самого Ген-СеКа. В перерыве между парами Рауль успел сменить имидж: смыл краску с волос, причёсался, надел вельветовый костюм — всё-таки не первачкурсник.

Сел на самый верх аудитории, чтобы с вершин лицезреть пастораль.

Рядом, грузно дыша, прикормилась какая-то мадонна.

— Ты откуда, чавэлла? Что-то я раньше тебя на потоке не видала.

— Да и я про тебя тоже не чул. Глотнешь кейфира из фляги? — с этими словами Рауль достал очередные банки с пивом. В этот раз угощал крепким (девочки не любят слабину).

— Вон, видишь того уроды? — повела массивной челюстью Наташа (так, оказалось, зовут соседку) в сторону какого-то вихрастого студиязи. — Буду его на перемене воспитывать в духе соцреализма.

— За что?

— А всех Дашами обзывает: «И эта, говорит, "даша", и эта. Все они "даши"».

Вот он и узнает настоящую «Даша-в-челюсть».

— А можно мне с вами поприсутствовать? — не на шутку струхнул Рауль (здесь-то его кунг-фу с финальным вырыванием печени вряд ли поможет). Так звезданет — оклемаешься только после вскрытия.

— Хай. Зубы с полу собирать будешь. Для протезов.

На перемене Наташа решительно направилась в сторону кучки тщедушных пареньков у расписания. По мере приближения она стала закатывать рукава своей кофты.

Предчувствуя недоброе, студенты сбились в кучу. Но, похоже, зря. При явной диспропорции сил самое лучшее было смазать пятки салом.

— Амбалиха! — бросились врассыпную чувачки.

— Она и в общаге зверствует. Полный карантин. Микрорайонная тусовка теперь наших девчонок за километр обходит. И всё бочком, бочком.

— Недавно Гену Ботулизма, местного кручка, зава-
лила левой в челюсть. Вместе с его охраной. До сих пор у
Левы Смолянского процедуры проходят (вы знаете ка-
кие).

— В общем, «Амбик» — это Наталья Дрозенкова, бой-
дама. Так ее уважительно зовут в гунитете и за его преде-
лами, — закончил свое эссе детектив.

Вивасов зачесал щетину:

— Я ее как-то по перепутке тоже Дашей назвал. Слу-
чайно... Наверное, обиделась. Задело. За дело. И по-жен-
ски отомстила. На капусте.

— Спасибо, Рауль! Всё понял. Сам ее боюсь больше
методкомиссии. Отныне считаем инцидент исчерпанным
раз и навсегда. *(По окончании сессии Комаров пригласил
Наташу в свое агентство телохранителем и до сих пор
об этом не жалеет, прим. автора).*

А Машута теперь законная невеста Рауля. Где найдешь
такого умного мужика в наше время?

— Вчера гудели у Чомбы, — похвастался Евсеич.
«У Чомбы» — так рюмочная называлась. Хозяин —
африканец по происхождению. Самое злачное место в
округе.

— Комиссар Чомб — это герой гражданской войны что
ли? С Махно и Петлюрой пластался? Типа Щорса? —
показал знание исторического материала Люлипупенко.

— Юбилей бывшего коллеги по работе отмечали.

— И как? — завистливо спросил Арнольд.

— Объелись. От пуза. И накушались. Досыта. Водка
рекой лилась. Потом пивком побаловались.

— Во, умеют люди! Отдохнуть По-человечески, —
горестно вздохнул Люлипупенко. — Мне еще до юбилея
жить да жить.

— Пить, да пить, — поправил Евсеич.

Шура забежал к однокашнице Ларе Жихиной за конспектами Вивасова — почерк у нее отменный. Да и записывать за бормотанием доцента всё успевает, «не как некоторые».

В квартиру позвонили. Лара сказала:

— Репетитор по английскому языку. Кандидатский минимум собираюсь досрочно сдавать перед поступлением в аспирантуру.

У входа репетитор снял кожаное пальто и шляпу, а затем стал старательно причесывать волосы у зеркала. Пахнуло стильным парфюмом.

— Митяй, ты что ли?! — захлопал глазами Шура, когда мужчина прошел в комнату.

— Ну я, а что? Подшабашиваю в свободное от основной работы время. Я же в Англии, почитай, десять лет жил. С моей профессией дворника везде полная занятость, что в Европе, что в Америке.

— Не удивлюсь если по философии (которую Жихина тоже собралась сдавать досрочно) объявится дядя Петя Мавлюгаев. Мастер-демагог. А по информатике — Люли-пупенко.

Мир тесен!

Гаишник рассказывает (см. выше с.101):

— Стою я у ЦУМа. Вдруг роскошный черный «мерс» выворачивает. Тонер от ушей. Торможу.

Опускается стекло и появляется голова мадам в черных очках. Как ездит в такой темноте, ума не приложу.

— Куда путь держим, мадемуазель?

Игнорирует вопрос.

— Почему номерных знаков не видно?

— Как?

— Грязью залеплены. Во как.

— Ну ничего. Я сейчас на мойку заеду, — отвечает дамочка.

— Возьмите тряпку да протрите. И весь разговор.
— А где я вам тряпку сейчас возьму. У меня из слесарных инструментов только пилка для ногтей.
— Всё понятно, мадам, пройдите в нашу машину, выпишем штраф.

Научить, как деньги делать?
Гаишники возили с собой знак «обгон запрещен». Главная приманка. Крепили на строительный скотч на фонарный столб. Там, где его никогда не было. Из-за фуры или грузовика не видно. Рецепт безотказный, как затвор у автомата Калашникова.

А сами — в засаду. С биноклем.
Это как рыбалка. Сначала надо прикорм сделать. Потом на зорьке дальний заброс. Увлекательная вещица, я скажу...

Один раз им и Вадик попался на своей «десятке». Обогнал какой-то бульдозер. Телепался пять километров в час.

Тормозят его. Вадик возмущается:
— Вчера еще ничего тут не было.
— Надо ездить не на автопилоте, а по знакам.
— А вон, вон машина на обгон прошла... И другая! А вон — третья!
— Ты номера его видел? — не выдержал лейтенант.
— о000оо? Ну и что?
— А то, что это — Саня Водник — наш главный спонсор!

По календарю в феврале был день всех влюбленных. По дорогам на каждом перекрестке в кустах сидели автоинспекторы. Ждали добычу.

— Вот, кто любит своих суженых больше всех, — позавидовал Дулепистый.

Как-то Бодуненца пригласили на празднование юбилея пединститута — как-никак пятьдесят пять лет. По странному стечению обстоятельств празднование должно было проходить в столовой медицинского института.

Где она, Савелий толком не знал. Только адрес: Луначарского, 46. Искал-искал. Ничего похожего нет. Видит, какая-то забегаловка в подвале по указанному адресу. На двери написано «Медузы». Если судить по вывеске «Медузы» — точка приземления. Яркое названьице: «несем свой крест и соблюдаем клятву Гиппократа, хотя это и трудно». С претензией.

Спустился вниз по ступенькам. За столами сидели набычившиеся мужики. Студенты не студенты. Преподаватели не преподаватели. Шут их знает. Скорее всего, не туда попал.

— Педики? — негромко на всякий случай спросил у крайних Савелий.

— Что-о-о?! — мужики запунцовели и стали судорожно глотать воздух.

Видать, не они. Не долго думая, Бодуненц быстренько ретировался. Вид у предполагаемых сотрудников пединститута был по Ломброзо весьма неинтеллигентский.

...Братва ждала в баре «Медузы» (ныне «У Чомбы») презентацию нового смотрящего по кличке Квартет. По описанию это должен был быть поджарый мэн (в те годы таким он и был) в строгом костюме и при галстукe (у каждого свои закидоны). Прибыл из Палермо прямо с курсов по повышению квалификации. А там, как известно, все джентльмены до мозга костей.

Квартет задерживался. Братва сидела за столиками по три-четыре человека и нервно курила.

Наконец, с опозданием в девять с лишним минут (ох, уж эта традиция) появляется какой-то хилага. Внешне весьма схож.

Не успел псевдо-Квартет появиться, как сразу выкинул фортель, недостойно обозвав пацанов. Кому это понравится?! Может, это в Италии и в порядке вещей, что мизинцы донов коленопреклоненно лобызают, но здесь — Россия! И кабак, а не пиццерия. Одним словом, братва заклацала затворами.

Видя такой расклад, «Квартет»-Бодуненц сразу покинул стрелку: кому захочется пуляк в лобешнике.

Пацаны занервничали: ничего себе смотрящий — круто стелет. Пока они делились впечатлениями, появляется реальный Саня Квартет. Чувствует, встречают прохладно: градом пуль. Может, так и надо в России. В Италии — другие традиции. Но в чужой монастырь, как говорится, со своим уставом не ходят.

Пришлось выразить ноту протеста, проще, пару рожков «калаша» потратить для подкрепления едва не пошатнувшегося статус-кво.

Покрошил всех в мелкую капусту. Для воспитательного эффекта. Обычное явление в те годы.

Но авторитет среди братанов заработали оба: Бодуненц, как смелый беспредельщик, и Сашок, как хранитель вековых традиций.

На столбе ниже типографского объявления висело другое:

«Студи? Хочешь заработать — тогда к нам. Пять тысяч евро в месяц. Сравни со стипендией!».

— Супер, супер! — отстонала Лика. — Надо помочь родичам дырки в бюджете подштопать. Обязательно пойду.

— Да это же надувка чистойшей воды! — вскипел Андрюков.

— Вечно ты, Борюсик, скептицируешь. Никакого позитива, — заохала Лара.

— Борман всегда прав, — парировал Кисельков.

Директор рекламного агентства «Веселый промоутер Роджер» Мах Derjabкуп лично проводил кастинг агентов. Направо и налево сыпал щедрыми посулами. Рекламой агентства был забит телеэфир и первые полосы газет.

В офис стояла бесконечная очередь длинноногих студенток вузов. Круче, чем к модельщикам. Кто же не захочет таких деньжищ напластать за промо-час?

— Сегодня будете вино в гастрике толкать химическое. Химию помните: «цэ два аш пять о аш»? — озорно спрашивал Макс, отхлебывая «Кристи» прямо из горла.

Весь вид его внушал почтение: перстни с изумрудами, галстук где-то на затылке, подведенные глаза, мелированные волосы, ботинки из сайгачьей кожи, мобильные телефоны пучком из каждого кармана.

Этот антураж сражал девиц наповал. И лишь немногие задавали вопрос:

— А как заработать обещанные пять тысяч евро?

— Смотри сюда. Видишь: таблица. Сколько стоишь, где стоишь, какой товар, какие погодные условия.

И лишь совсем немногие задавали вопросы типа:

— Получается, чтобы заработать такую сумму, я должна во время цунами плавать среди жертв катастрофы и обломков кораблекрушения, втяхивая при этом им по бутылке литровой «Колы»?

Или:

— Следовательно, нужно прыгнуть с самолета без парашюта в горящий дом и там сбагрить среди обезумевших жильцов десять пачек «Marlboro»?

Или:

— При извержении вулкана плыть по лаве и предлагать остальным спасательные жилеты?

Международный женский день на носу. Нужно подарок какой-нибудь выбрать для женщин. Жена намекнула:

— Купи нижнее белье. Старое приелось.

Желание жены — закон для подчиненных генерала, — так говорят в армии.

Савелий вышел из дома. Сразу за ним увязался Витек-Гагулек:

— Позволь, составлю компанию.

— Хорошо (всё равно не отвяжется без гешефта).

Сначала заскочили в фирменный магазинчик.

— Эх, да China, чина, чина, чи-на-на, — пропел Витек, разглядывая этикетку на модном топики из элитного бутика. — «Сфабриковано в Китае».

Если судить по витрине и всем сопроводительным лейблам и этикеткам, то чистая Франция или Италия. А на внутреннюю бумажную вставку с мелким шрифтом, который можно только через лупу разглядеть, никто и не посмотрит. Потому и цены заоблачно-европейские.

— На Западе-то «это» не поштучно, а центнерами отгружают, прямо башенным краном с ковшом в товарные вагоны, а уже здесь в России наши коммерсанты распихивают их по фирменным кулечкам. Потому и скидка иногда на распродаже до девяноста процентов доходит.

Савелий с Витьком зашли в женскую галантерею.

— Мужчины, что ищете? — подбежали молоденькие продавщицы.

— Носки для груди есть? — подсказал Витек, а Бодуненц озвучил его, покраснев при этом.

Витек подавился от смеха и встал икать у окна.

— Вам какой номер? — приснули от неожиданности девушки.

— Двадцатый, — неуверенно пролепетал Савелий, ориентируясь по носкам.

— А ничего не путаете? Ткните в бюст.

Савелий в нерешительности затоптался на месте: с одной стороны просили ткнуть, с другой могут истолковать недвусмысленно.

Но на всякий случай, зажмурившись, ткнул пальцем одной из девах в соответствующее место.

Та отвесила ему звонкую оплеуху.

— Не мне же! А пластиковому манекену, тупорез!

После двух стаканов Шура стал делиться с Квartetом очередной идеей:

— Допустим, можно открыть смарт-бар. Каждому клиенту выдают пульт дистанционного управления. При входе. Кнопки подписаны. К примеру, «меню». Нажимаешь на кнопку. Подбегает официант с меню. Кнопку «пиво» — другой с пивом. «Водочка» — несут горячительные напитки... Ну там «чай», «кофе», «кола».

— Заманчивая идея, — зачесал затылок Сашок. — Готовь, Шуран, бизнес-план. Но только основательно. А не как шпаргалки к зачету. Знаю я вашего брата — студента!

Было это на заре перестройки. Но, не исключено, и сейчас продолжается. Хотя вряд ли. Впрочем... Всем хотелось тогда срубить денег. По легану. И побольше.

В сельхозинституте, например, открыли отделение банковского дела. Изучаешь ликвидные ресурсы на примере удоя коров. Транспарентность векселей на базе физиологических особенностей быков-производителей.

Методматериалы, естественно, предоставил ветеринарный факультет. Банкир сразу получает два образования: специалист по селекционной работе (шприцеванию коров) и кредитный инспектор.

Возможные темы дипломных проектов: «Стельность и овердрафт», «Отел и финансовая отчетность», «Помет и банковский аудит», «Гужовка и сальдовка», «Отары и клиенты». Невелика разница. Где стричь и как стричь — методика одна.

Жена Малярчука спросила Арнольда, который барражировал у аптеки в ожидании халяжного «боярышника»:

— Ты че тут трешься, очколуп?

— Не вишь, болею.

— Да ты каждый день, почитай, болеешь. Болеют оне! Джедаи, мать вашу. Познали силу темной стороны: ничего им не делается. В лужах лежат, всякую отраву пьют и хоть бы хны — здоровехоньки. А тут стоит рейтузы с начесом не надеть — сразу цистит, а то и ревматизм.

Из первого подъезда вышел, вернее, выштался какой-то парень с ноутбуком. Очки болтались у него на одном из ушей. Из кармана торчали обрывки проводов.

— Электроник? — вскинул брови Квартет.

— Модератор! — гордо парировал парень.

— Мадеру любит, — пояснил Малярчук. — Винцо есть такое славное, португальское.

— Музыкант он, дурни! — буркнул Музян. — Модерато, легато, стаккато..

— Стаканто?

— Стаккато!

— Стаккато — это мы завсегдато, — откликнулся Арнольд.

— Вы, чайники! — оторвал от асфальта взор компьютерный бог. — Что вы смыслите в протоколах обмена?

— Заумно сказал. Причем тут чайники? — хмыкнул Квартет.

— А ты, в таком случае, чекушка, — снова продемонстрировал свое остроумие Люлипупенко.

— Ну вот и познакомились, — засмеялся Евсеич. — Ты зачем нарисовался в здешних местах?

— Инет в двадцатую ставил.

— Это Климукам, что ли? — поднял брови Музян.

— «Женский диск», — прочитал Малярчук на коробке.
— Арии, значит, там разные, оперы.
— Не женский, а жесткий.
— Какая, на шиш, разница, один черт.
— Крепко ты перезагрузился у них. Где живешь-то?
— На Энерджайзеров.
— На Энергетиков, — перевел Люлипунко.
— А дом?
— Севен ап.
— Седьмой.
— А квартира?
— Тудэй.
— Вторая.
— Этаж?
— Намбэ ван.
— Первый.
— Подъезд?
— Вимбильдан.
Люлипупенко осекся:
— Вам, блин, дам, что ли?
— От винта, как говорят чайникам профессионалы-программисты, — вытянул руки модератор.
И похилил дальше.

Малярчуку позвонили по телефону из компании интернет-провайдера. Связь была из рук вон плохая. Наверное, цифровая.

— Здравствуйте. Емейл нужен? — спросил голос на другом конце провода.

При этом в трубке всё трещало и примешивался какой-то чужой разговор.

— Алло, алло. Емеля с мужем? Ошиблись номером.

— Малярчуки? — продолжил голос.

— Они, но без Емели.

— Да, на следующей неделе. Домен нужен?

— Из домен на ужин? Мариша, какой-то Емеля с

мужем-сталеваром к нам хочет приводниться на ужин. Ты таких приглашала? Твои, чай, сродственники?

— Домен — я сказал, — продолжал голос в трубке.

— А кто звонит? — снова спросила жена из кухни.

— Демон какой-то, шут его знает, — ответил Батумыч и снова прижал ухо к трубке. — Чего надо, что хотите?

— Вэбмани только заплатите и всё.

— Не обманете исё? Точно?

— Аськаться будете?

— И нечего с ним васькаться. С Емелей энтим.

— На «Одноклассники.ру».

— Однокласники врут? Почему врут?

— На сайте на их.

— Так я и сделаю!.. При случае.

— Браузер...

— Правильно, бери маузер и кроши всё к чертям собачьим.

— Бачим, бачим... зарегистрироваться к провайдеру.

— Согласен. За права дерут, еще как дерут!

Телефонная связь оборвалась на полуслове.

— Емеля хотел приехать, водительские права вручить, — пояснил Батумыч. — Хотя его и не просили. Да у нас пока и машины нет. Окромя стиральной.

— Твои, жрецы ёгипетские, поди, чудят? (*жрецы от слова жрать, прим. автора*) — воскресилась жена.

Малярчук попытался что-либо возразить.

— Ты на кого выкобениваешься, олух царя небесного? — подбоченилась Мариша, войдя в раж.

— А! С тобой бесполезно разговаривать. По-людски, — картинно потряхнул ладошкой Батумыч.

Сосед из 38 рассказал очередную рыбацкую байку. Или был. Мнения ходят разные.

Как-то сидел он с удочками днем на реке. Осень. Хо-

лодно уже. Зябко кутал руки в рукава бушлата. Жаль, варежки с собой не взял. Вдруг, откуда ни возьмись, вернула «Волга» с областными номерами. И оттуда вывалилась пьяная компания.

— Спорим, переплыву на тот берег. В один мом. За пять минут, — завопил какой-то чернявый бугай и начал стягивать с себя одежду.

— Не, не переплывешь, только штаны обмочишь!

— Сам смотри не обмочись, дистрофан! — с этими словами чернявый бросился в воду, вызвав волну брызг.

— Я тоже плывану, — выскочил откуда-то с заднего сиденья тонконог. Ну прямо, как в провокационном объявлении у Киселькова на химфаке: «Студенты! Все на первоапрельский заплыв через Каму. Укажем физикам, где раки зимуют»!

— Я те плывану! — угрожающе замахала пудовым кулаком женщина, высунувшаяся в окно задней двери. — Я те плывану, «мучачос»!

Но тонконог продолжил стягивать штанину, пока не запутался в ней окончательно.

Женщина выскочила из машины и опрометью бросилась к «мучачосу».

— А-а-а! — взвизгнул мужичок и кувырком покатился к воде.

Женщина успела схватить «мучачоса» лишь тогда, когда он уже блаженно растянулся на мелководье.

Бугай в это время уверенно отмерял саженями просторы водной глади.

— Уф! Не вода — парное молоко, — пускал фонтанчики пловец. — Как на Карибах.

— Никак из клуба местных моржей «Айсберг», — поежился сосед из 38.

Вот и середина реки. И тут хмель у «моржа» испарился. Причем мгновенно! Он резко взмахнул руками и с криком:

— Люди, где вы? Тону! — начал беспорядочно дробить ладонями по воде.

Вся компания, выползшая из «Волги», в нерешительности переминалась у кромки воды.

— Пусть тонет, — сплюнул шофер сквозь зубы. — Одним чудачком меньше, одним больше — какая, к чертям, разница.

— Тону! Спасите! — орал благим матом пловец.

Но никто не решался вступить в воду. Даже протрезвевший к тому времени второй купальщик. Тот вообще трясся, как силикон у поп-дивы.

— А, была не была! — и сосед из тридцать восьмой бросился на выручку — таков рыбацкий кодекс чести.

В прошлом году соседа тоже выудили за шкурку из ледяной воды, когда он «сплавлялся» на льдине, оторвавшейся из-за сброса воды на Камской ГЭС. Так увлекся зимней ловлей, что не заметил, как оказался на середине реки в районе центрального моста...

Но вернемся к нашему случаю.

Сосед осторожно подобрался сзади к бугаю и хватъ его за волосы: так методика требует.

Не тут-то было! Разные весовые категории. Мужик тянет соседа на дно. Либо волосы вырывай с корнем, либо сам будешь тину глотать на ужин.

Сосед завопил:

— Леску давай! Леску! Для страховки.

— Как я ее тебе дам? — запричитал тонконог с берега.

— Вот гопота ярославская! Удочку забрось!

После третьего крика с элементами ненормативной лексики до того, наконец, дошло. И он забросил тройник рядом с бугаем и соседом.

Сосед поднырнул, выловил тройник и зацепил его за плавки «тонера». Но из-за брыкания бугая (молотит по воде руками почем зря и не дает прицелиться) неудачно. Чуть-чуть мимо. Тройник впился всеми акульными

крючками во что-то нежное, а, точнее, в мягкую плоть детородных органов бугая.

У того глаза выпали из орбит. Через затылок. Тут и за волосы никого тащить не надо. Уже не до погружения на дно, лишь бы с крючков освободиться.

— Отцеп давай! — снова закричал сосед.

— А что это? — с берега.

— Отцеп — это такое свинцовое кольцо! Вон в кармашке рюкзака торчит.

Кольцо-то кольцо. Кольчище! Невообразимой массы, которое надевают на леску через прорезь. Оно скользит вдоль лески и срывает крючки с коряги. Но здесь оно добавляет драматизма ситуации, сплющивая в кисель то, что осталось от бывшей бугайской гордости.

От боли бугай выпрыгнул из воды, как голодная касатка в дельфинарии за кусочком крабовой палочки. И трехметровыми прыжками бегом к берегу.

— Не тяни! — блажил он. — Вырвешь с мясом! Сквалыга! Елки-матрелки! За что мне такое наказание!

Но крючки потихоньку отдирали зацепившееся от остальной части туловища. При этом голос пловца постепенно менялся с баса на баритон, а затем сорвался на фальцет.

А у тонконога, видать, проявился рыбацкий азарт. Невостребованный. С детства. Он одно свое подсекал и подсекал, оставляя леску в натяге:

— Теперь не сорвешься, щучара!

Плюс к тому, страдания усугублял сосед, который держался за ноги бугая, не давая последнему свернуться ужом. Бороздил ногами просторы водной глади. Таким макаром оба допрыгали до мелководья. Встали. По пояс в воде. Силы на исходе. У всех четверых (дама тоже так изголосилась, что только хрюкающие звуки издавала).

Тонконог, чуя — дело неладное, пустился наутек в неизвестном направлении, только его и видели. Шутка ли начальства всех заслуженных регалий лишил. Разом!..

В областной хирургии поподшили остатки кое-чего кое к чему, поподклеили лохмотья и попытались понаращивать до исходного состояния. Куда там!

Один вопрос: как после таких экзекуций рождаемость повысится?..

Позже выяснилось, то был депутатский заплыв во главе с Ромуальдом Кремовым. После принятия. В прямом и переносном смысле важного для граждан закона о борьбе с коррупцией.

Утонул бы — сказали: «Заказуха. Борца за чистоту рядов ликвидировали». То же вариант.

Правда, этот вариант не очень бы понравился самому Кремову. Поэтому он с благодарностью нагрянул к соседу из тридцать восьмой с новой резиновой лодкой и японским мотором. Оказалось, жили когда-то в соседних подъездах и ничего не знали друг о друге. Дом большой, многоквартирный.

— Приезжай ко мне в Курью. В любое время дня и ночи. Но только без удочки! Для меня она сейчас с гильотиной ассоциируется. Всегда будешь желанным гостем, — смахнул слезу Ромик и на всякий случай пропальпировал свое небогатое остаточное имущество.

Шура вспомнил свадьбу в прошлом году, когда они с Настей бракосочетались.

Тесть и свекор оба валялись на полу всё торжество. С радости. И от предварительно выпитого.

Свекор, однако, пытался сказать напутственное слово молодым. Но только он открыл рот, как Андрюков (тот еще тютеляпистый пацан), сидевший на другом конце стола и взявшийся открывать шампанское, угодил ему пробкой прямо в распахнутую пасть. Мало того, свекор так подавился ею, что пришлось инородное тело извлекать из гортани профессиональному акушеру Куппельману акушерскими щипцами. Как при родовспоможении.

Собственно говоря, с самого начала из трезвых была только невеста. Это видно и по групповой фотографии. Свекор с тестем лежат в ногах репа к репе. Головы им слегка поддомкратили. Ресницы к бровям приклеили на «Супермомент», чтобы казалось, что смотрят они куда-то вдаль. В светлое будущее новобрачных. Но всё равно глаза закатились. Поэтому получилось, что смотрят они в необозримые просторы мирового космоса. Помогают «Хаббл» в поисках внеземных цивилизаций.

Свидетель и свидетельница тоже отличились. Причем, свидетель фату невесты за воротник сорочки заправил, будто приготовился отобедать, а руки — ложку с вилок ищут хапательным движением. Свидетельница на Шуране повисла, обняв за шею и впившись в уста, а тот облокотился, подперев подбородок ладонью, на голову тещи (из-за завивки локоть почти не видно).

Свекровь на невестку туркой замахивается. Остальные родственники: кто во что горазд. Стильная получилась свадьба, памятная (никто ничего не помнит, особенно, свекор с тестем. Для них это было настоящее застолье: у стенки за столом, на полу. Шахтеры доморощенные!

Свидетелем у Шуры был Леха-старший. С первого курса рядом сидели. Вся Шурина студенческая и дворовая тусовка неотступно следовала за Лехой, куда бы тот ни направлялся. А Леха ревностно пас фотографа из салона. Субтильный такой паренек с аппаратом «Nicon».

Невесту, как обычно, спрятали за выкуп. В квартире подруги. Дверь наглухо закрыта. Инструмента у братвы, само собой, никакого!

— Забаррикадировались, однако, — вслух заметил Леха-старший. — Таранить надо. А где синематографист?

И не успел фотограф оглянуться, его схватили, перевернули вниз лицом и начали долбить головой в дверь.

Оно и понятно, отчего именно им. Не станешь же своими друзьями жертвовать. Тем голова еще пригодится. А чужого добра не жалко.

Вот отчего все фотографии в свадебном альбоме Киселькова кривые.

Фотограф потом месяц ходил перебинтованный — производственная травма. Да, забыл сказать, что боли он совсем не изведаль, так как предусмотрительно был упоен до бесчувствия. А в двери вмятина с футбольный мяч. К слову, дверь была стальная.

— У меня на этот счет тоже история имеется, — причмокнул Музын. — Устроили мы минирозыгрыш на свадьбе — одну пол-литру выпили досрочно и вместо спиртного залили воды из-под крана. Поставили ее обратно, на прежнее место.

И вот последняя бутылка! Из четырех ящиков, из восьмидесяти штук!

В узком кругу отец невесты самолично разливает рюмки. Вокруг него сосредоточились теща, тесть, свекор, свекровь, молодые, свидетели, родные братья, сестры. Короче, ближний круг. Поднимает он тост за здоровье молодых, а, главное, за долгую и счастливую совместную жизнь, кажется, за это еще ни разу не пили. Родительское напутствие и благословение.

Хряпнули. И... тишина. Все переглядываются.

— Не понял! Что за ботва?

Даром нетрезвые были, а сообразили. Водой такое дело обмывать — плохая примета — к разводу. Закон Мэрфи. Бутерброд падает маслом в нос, а водка кончается, когда особенно нужна. И прикупить негде. Все торговые точки на замке.

Символично, что живут «молодые» до сих пор в мире и согласии, внуки имеются, хотя двадцать годков прошло.

А ты говоришь, приметы! Да и вода в кране раньше не та была — никого из родственников не скрутило тогда желудком, не то, что сейчас бы.

Шура защитил курсовую. Летом. Такое дело надо обмыть шампанским. Купили в магазинчике за дорогой. Кисельков был в новеньком с иголки костюме. Отдал охладить бутылку другу. Тот рядом с университетом живет. Притащит к столу — а с нее еще иней не успеет сойти.

Мама друга, боясь, что сын простудится, наоборот, поставила бутылку на солнце — согреваться.

И вот торжественный момент.

Только Шура начал открывать пробку, шампанское выбросило наружу и облило всех с ног до головы. Даже выпить ничего не осталось, зато вся одежда в алкоголе.

Жена дома сказала:

— До такого извращения, как в шампанском купаться в полный рост в приличном костюме, ты еще не доходил! Даже на нашей свадьбе!

Обычно многие курьезы происходили во время очередного юбилея Кофейни. Счет этим юбилеям, собственно говоря, был давно потерян.

Вследствие своей тугоухости Кофейня воспринимал всё несколько иначе, чем окружающие.

Допустим, выступает с приветственной речью старший методист Аделаида Викторовна:

— Дарим вам, уважаемый юбиляр, Иван «Многокарпович», эпилятор «Браун силк эпил» (*для ваших замечательно мохнатых ушей, прим. автора*).

— Откуда знаешь, что раньше сильно пил? — обомлел Кофейня.

— А также набор фирмы «Джонсон и Джонсон»...

— И про многоженство тоже?!

— Презентуем вам косметику «Фаберлик»...

— Вамп косматый? Шабер-лик?

Вечно с этим старым перцем один конфуз срубишь.

— У, фазан глухой! — чуть слышно прошептала Аделаида Викторовна и то в носовой платок.

— Да, я — казак лихой! — моментально заколесил грудь Кофейня.

Рассказывал Вадик. Так-то он — водитель с большим стажем. Лихач. Но раньше всё ездил на подержанных машинах (денег на новую не хватало).

Купить такую — риск, прямо скажем, тот еще. Может выехать из гаража о двух колесах. Как у начальника смены. Взял — радовался удачному приобретению — иномарка. Поехал номера получать всем семейством, а потом сразу на дачу в Жабреи на субботу-воскресенье. Мечтал цивильно отдохнуть. Рассаду загрузили. Холодильник на крышу присобачили. Теплицу — в багажник. Стали из гаража выруливать.

Хоп! Задняя ось отпала и осталась с колесами в гараже. Остальная часть вместе с пассажирами и багажом выкатилась наружу. Пробороздили по инерции метров тридцать в овраг (гараж на горе стоял). Все выходные таскали вещи из машины обратно в гору. Авто ремонту не подлежит — дешевле второе такое же купить.

Или еще случай.

Сыну друга продали «Жигули». С виду почти как новые. Но стучит что-то в процессе. Отвезли в автосервис. Вместо одного цилиндра в двигателе баклуха деревянная болтается — муляж...

Интересно, что все водители-автолюбители считают себя большими асами вождения. Это качество появляется у них примерно месяцев эдак через двенадцать после начала самостоятельного движения. Поэтому они ездят по дорогам и нещадно кроют, открыто и про себя, «новых русских чайников» (то есть тех, у кого стаж менее года).

Примечательно, что через пару лет они с апломбом рассуждают и о неполадках в двигателе, почище, чем шарлатаны о лечении болезней. Соответственно, сколько автолюбителей — столько и полярных мнений...

Был как-то тридцатиградусный мороз. Машина у Вадика, само собой, не завелась.

Он давай ее разогревать по-всякому.

Митяй, банный дворник — большой специалист! Авто частенько отгонял с командой Люлипупенко, если забуксуют в его владениях или рядом.

— Так, бензина полбака. Значит, свечи забросало, — авторитетно заявил он. — Конденсат образовался. Пусть просохнут чуток. Чуешь, плохо схватывает. Лучше давай свечи на электроплитке прокалим. У меня в камерке.

Прокалили. Пока вкручивали обратно, они, естественно, на морозе снова застыли.

— Карбюратор прочисти (уже другой «спец»). Вода в бензине. Разбавляют на АЗС. Вот поплавков и примерз.

— Ацетон плесни в карбюратор (3-ий). Смени бензофильтр. Он у тебя, чай, с лета не менян.

— Масло — полусинтетика, вот и замерзло (4-ый).

— Аккумулятор проверь (5-ый).

— Да новый!

— Новый иногда хуже старых двух. Плотность электролита, вижу, не подкорректировал на зиму.

— Искра слабая (снова Митяй). Не «звездит». Смени катушку.

Вадик сменил. Параллельно отморозил пальцы.

— Всё равно слабая. Утечка тока. Провода тоже надо менять, но самый верный способ — завести в движении. А ну, ребята, толкнули!

Разгон слабый. Прицепим к другому авто на буксир.

Потащили на тропе по ледяной трассе. Три круга. Тормозить опасно — скользом уйдешь. На тротуар. Но вокруг любителей экстрима предостаточно. Один

мужичонка всё норовил через трос между машинами перескочить во время движения. Как кузнечик. Торопился в винный отдел. Пол-литрук!

— Это тебе скакалка что ли? — завопил Вадик. — Самоубийца!

— Сам такой, — огрызнулся мужикан...

Повозили, повозили, но так и не завели колымагу.

И тут Вадик решил испытать последнее народное средство: залил из канистры литр бензина в бензобак. После чего машина почему-то сразу завелась. Оказывается, датчик расхода топлива действительно примерз к среднему значению, хотя фактически горючее было на нуле.

А так — почти полмашины разобрал.

Гуньдюк рассказывал:

— Едем однажды с базы «Пермодежды» вместе с директором. Застряли в одночасье в непролазной грязи. По кузов. Пришлось сымать ботинки и босиком вытаскивать машину. Брюки, естественно, в красной глине.

— Ну и как мне прикажете в таком разбойном виде домой заявиться?! Или?.. Или всё-таки идти?

— Да, мой босс.

— Почему дамой? Без штанов в одном пальто?

А это идея!! По-другому, пожалуй, и не получится.

Малярчук после выхода на пенсию несколько лет работал вахтером. В разных конторах. В «застольные годы». Когда в магазине «Овощи-фрукты» были только овощи, а вторая часть вывески — эксклюзивно на колхозном рынке. Можно расценить это название и по-другому, то есть оно недвусмысленно подчеркивало, что овощи — это «уральские фрукты». Других здесь всё одно не вырастишь.

В одном НИИ был у него сменщик, известный любитель розыгрышей. Богата наша земля на таких чудаков.

Вот заходит его сменщик-смешник в контору с полной сеткой апельсинов (купил на рынке втридорога).

— Где взял? — с замиранием сердца спросили вахтерши и гардеробщица.

— Да вон, на Попова, в киоске дают. Вроде и очереди нет. Пока.

— Слушай, посторожи за нас. Мы мигом!

Женщины споро собрались. Не до макияжа. И бегом на улицу Попова, благо она метрах в пятиста. Взмокли от скорости. Ищут. Все киоски прошерстили. Везде пусто. Как в норке церковной мыши.

— У вас апельсины дают?

— Че, сбрендил что ли, — возмущаются киосочницы (*дословно «бренди упились», прим. автора*).

— Не там искали. А, скорее всего, пока собирались, как морские черепахи, всё давно распродали, — счастливо надрывал пупок сменщик.

— Слушай, а не видел, куда семечки исчезли? Во время нашего отсутствия. Мы их тут за столом лущили. Почти полный пакет был.

— Нет. Не заметил. Мне они ни к чему.

— Часом, заходил кто?

— А, да! Слесарь Яшка Гудрон (в другой раз одноименный электрик или сварщик).

— Сдается, он и смахнул.

— Ну, попадись нам этот «Гвидон»!

— Не знаю, как насчет Гвидона, а вот от директора института вам нагоняй крепкий будет. Прибыли командировочные из братской республики: раздевалка не работает, ключи тоже выдать некому. Картина Репина «Не ждали».

— А ты на что?

— А я не имею права. Не наделен такими полномочиями. Не моя смена.

Все ждали спорадически пропавшего куда-то Люлиппенко.

— Что за канифоль такая? — взметнулся Квартет.

— Не канифоль, а канитель.

— А я сказал, канифоль! Ей руки как натрешь, так и прилипнешь к штанге. Потом тяжело отлипаешь.

— Наш тренер, кстати, почти также делал, — припомнил Гунар. — Штангистам ладони смажет цианакрильным клеем, пока они в кулаки не сжаты.

Волей не волей приходилось штангу поднимать и уносить с собой за кулисы. На вытянутых руках. Нести-то так, чай, легче, чем катить по полу. Да катить и не получится — вместе со штангой будешь кувыркаться. Конечно, проще — тащить волоком. Но это уж совсем позор.

— А наш, по борьбе, лоб таким макарон смазывал. Как приклеишься к голове противника, так ничего он с тобой сделать не может. Единственно, на перерыв между раундами уходить не приходится. Не потащишь же его за собой, да и он тебя аналогично. Зато после объявления результатов шли в обнимку в душевую. Типа, смотрите: борьба борьбой, а дружба — дружбой.

— А наш — перчатки. Допустим, ударил противника правой.

Если попал, висит она вместе с рукой у него на носу. А другая — на печени. Рефери — только очки успевай отсчитывать. С перерывом — того проще: чьи перчатки, тот их и снимает. А в следующем раунде снова надевает.

— Жалко, что в футболе так не получится!

— Знаю, потому и результаты никудышные.

На канале ДНД шла популярная передача «Ваша параша». Любимая кисельковская. А на первом — любимая тестя — «Нетеля». О секретах животноводства.

— Хоть бы мылягу какую-нибудь посмотреть, дюфектив или триллер, — подняла ресницы жена.

— Переключай каналы, чаеся, и найдешь что-либо стоящее, — «великодушно» разрешил Шуран Кисельков.

Ну, а как возразишь? Живут-то ведь с тещей и тестем вместе. Тут не до домостройства.

— Я тогда сбегая проветрюсь? Чтоб не мешать, а? — утвердительно спросил Кисельков.

Тесть понимающе оторвался от спортивной газеты: «Сам бы рад с тобой, но проштрафился до красной карточки». В тот раз, когда они вместе с Шурой на карачках приползли после лосиной охоты утром (лицензию, как вы помните, выдали Шуре за особые заслуги в деле экологии), ему прописали жесткое бескомпромиссное табу:

— Больше ты никуда, старый стрючок (*почему «старый»?* *Всего и лет-то сорок пять. Против «стрючка» — не возражаю, прим. тестя*) не застаканишься. В молодости не нагулялся? Будешь сидеть дома безвылезно.

Вроде Мальярчука, только всё гораздо запущеннее и хуже. Теща-то у Шурана краевой женсовет возглавляла.

В целом, у Шурана с тестем было полное взаимопонимание и консенсус («косинус на синус» по терминологии тестя.)

— Ты рассказывай иногда, как там на воле... птички поют, — утрет слезу бывало.

Тесть работал личным водителем у тещи. И она его ни на шаг не отпускала, даже когда в совете решались чисто женские деликатные вопросы.

— Считайте, что это мебель. Корпусная, — поясняла она подчиненным...

В связи с этим вспоминается эпизод, когда Бодуненц еще работал в пединституте доцентом.

Числился у них короткое время лаборантом Гоги. Настоящий джигит из горного села. Высокий черно-волосый красавец.

Не вынес условий работы, уволился.

...Как-то идет Савелий по этажу, а из лаборантской выскакивает Гоги, как ошпаренный. Весь пунцовый до носков ботинок.

— Слющий, нэ могу, ай, нэ могу, слющий.

— Что случилось, Гоги?

— Ваши женщина, э-э-э, давай при мне женский бельемелье натягивать, не стесняясь, вот. Издевательство, слющий, чистейшей вады. В прошлый раз трусы мэрили. Всэй лаботрянской. Э-э-э. Нынчи — бюстгальтер. Я для них — пустой место.

«Опять Аблекимовна пожаловала с латвийским ундервеаром», — сообразил Савелий.

А че, наши тетки наглые. Им мужика спровоцировать — раз плюнуть.

Доцент Вивасов вышел из аудитории. Первая, наиболее нудная часть лекции, закончилась. Можно и лысину от пота протереть. Но не успел он пройти и трех метров, как откуда-то вылетела Мопова. Она схватила его за рукав и энергично потянула вглубь коридора.

— Ваши студентки послали меня! Когда я им сделала замечание, чтобы не курили в туалете. Разберитесь с ними сейчас же!

И не успел Вивасов рта открыть, как Мопова буквально впихнула его в дамский туалет.

Оттуда раздались дикие вопли. Но не потому, что Вивасов начал жестко расправляться с обидчицами доцента Моповой. Часть воплей принадлежала самому Вивасову. Часть студенткам второго курса. Этаким женский хор с мужским вокалом в качестве солиста. Ну правильно. Кому понравится нарушение обряда очищения, который совершается в первозданном виде?

Студентки стали метать в Вивасова носовые платки, туфли и даже дорогую сирийскую косметику. Чтобы

он не разглядывал, что не следует.

Но особенно досталось Могулу Феоклитовичу от Натальи Дрозенковой по прозвищу «Амбик».

— Вполне допускаю, что для вас, г-н Вивасов, привычное дело участвовать в грязных стриптиз-шоу, но у нас здесь серьезное учебное заведение! — произнесла она. И отвесила ему такой джеб левой, что он вышиб дверь и упал вместе с ней в полете прямо на стенд кафедры, обрушив его со стены одновременно с коллекцией редкоземельных элементов — гордостью всего университета.

— А правильной ли он ориентации? — задавали потом вопрос некоторые излишне подозрительные сотрудники, — если преспокойненько зашел в дамский туалет.

Еще раньше, когда Арнольд стабильно сидел на окладе в ОКБ, его жена разработала эффективную стратегию выявления ранних симптомов зарплаты.

С тех пор он и начал занимать у всех и у каждого. Что в последствии превратилось в тяжелый недуг с многочисленными осложнениями.

— Жена все карманы таможит, — грустно пояснял он. — Ни один рупь не прошмыгнет мимо. Пошлина выше, чем на подержанные иномарки.

Вот и в этот раз, стоило ему пересечь границу прихожей, жена приказала:

— А ну выворачивай карманы, злодей!

— На.

— Сымай куртень.

— Да на.

— Где спрятал, паразит?

— Как перед Господом.

— Постыдись, чудовище.

— Да накось, выкуси!

— Ты не личность, а вторичность, — попыталась она спровоцировать Арно на конфликт — так проще вывести

заветный полтинникэ. Но Люлипупенко не поддался.

— Прохиндей. Шаромыга несчастный. А ну, заходи в ванную комнату. Для полного медосмотра. Во всех органических нишах.

На следующее утро Люлипупенко галопом заспешил к детской песочнице. Оказывается, он пузырь там закопал.

— Ну ты даешь! — восторженно взвизгнул Евсеич. — Умен не по годам.

Люлипупенко покопался сначала одной ладонью, затем двумя, но кроме собачьих радостей в песке ничего не нашел, зато весь в них испачкался. В ход пошли ноги. Отковырял припрятанную собаками кость.

— Где она? Нигде нетути. Это ж что ж за день-то сегодня такой кислый?

Вдруг смотрит... Детишки гуртуются. Установили пустую пивную бутылку на столбик и ну в нее камни метать. Вильгельмом Телем обчитались.

Попали. Ставят вторую пустую бутылку. Живые деньги в осколки переводят.

И тут их лидер Янчик достает непонятно откуда целую.

Воспринято с восторгом. Это по-пацански. Ребятня стала швырять в бутылку (ту самую!) гальки.

— Стоять! — расвирепел Люлипупенко.

Но добежать не успел... Самый наглый и меткий мальчуган угодил в шкалик и разнес его вдребезги.

Мелкота бросилась со счастливым визгом врассыпную.

Не понять им простых человеческих радостей.

ГенСеК всегда ратовал за бережное отношение к природе. Со студенческого проспекта к корпусу химического факультета вела протоптанная тропинка. Прямо по высаженным весной цветам. Сколько раз ее не пытались перекапывать, через некоторое время она появлялась снова.

Словно заколдованная.

— Что зеваешь, эколог? Почему нет реальной отдачи? — мордовал декан ежедневными вопросами Киселькова.

— Освободите от занятий, тогда смогу внести свою сильную лепту, — упрямо гнул свое Шура.

— Ишь ты какой! Рядила! Свободен. Сам как-нибудь управлюсь.

«Мозг на отсечение даю, но отловлю я пару-тройку парней-негодяев и заставлю их в течение всего учебного года ухаживать за газоном», — поклялся ГенСеК на таблице Менделеева.

Однако, как назло, в его присутствии все старательно обходили дорожку.

И вот как-то раз, когда он уже окончательно отчаялся изловить «диверсантов», ему несказанно повезло.

Из дверей факультетского корпуса выбежала какая-то фигуристая мамзель в рваных джинсах. И ничуть не смущаясь присутствия декана, бодро прошуровала мимо него прямо по вновь высаженным цветам.

— Вернитесь! Вернитесь немедленно, я кому говорю! — громогласно взревел ГенСеК.

— Ты мне что ли, прыщ недодавленный? — чуть-чуть повернула грациозную шею девица.

У ГенСеКа челюсть отвисла ниже шнурков. От такой наглости дыхание сперло, и он лишь выхлестнул слова:

— С какого курса?

— А пошел ты, знаешь куда? — и девица пояснила последующий путь следования декана вербально и жестами.

Так и остался стоять ГенСеК с открытым ртом в течение следующих десяти минут. Пока девица не скрылась за воротами университетского комплекса.

— Засланный казачок-трансвестит, — объяснял он потом немногочисленным свидетелям сцены. Так как ни-

кто эту наглую даму в лицо не опознал.

После чего приказал заасфальтировать ноготворную дорожку во избежание дальнейшего повторения подобных гнусных провокаций.

— Знаешь самую первую книгу про сицилийскую мафию? — спросил единожды у Киселькова Дулепистый.

— Откуда мне знать? Я не книгочей, — потупился тот.

— «Тихий Дон» называется. Вчера у Малярчука видел. В красивом темно-синем переплете, — сделал серьезное лицо Вадик. — Российский журналист написал. Не помню точно, но вроде Михаил... Шорохов, импозантный такой, с усиками.

— Тогда «Битва в пути» про рэкет на дорогах что ли? — подмигнул Люлипупенко.

— Не знаю, — пожал плечами Шура. — Скорее литературная основа сериала «Дальнобойщики».

Арнольд один раз был у Шурана на факультете, когда тот обещал халявного спирта надыбать.

Стоит перед корпусом, груши околачивает. Смотрит: выходит из обитых дубом дверей представительный мужчина, то ли по телевидению в репортаже участвовал, то ли в газете какой интервью давал (это был ГенСеК).

Люлипупенко шагнул навстречу и протянул руку:

— Добрый день!

Декан видит, вроде мужик какой-то незнакомый, но, вдруг, бывший студент. Поэтому на всякий случай из вежливости пожал руку Арнольда.

— А я секу, рожа знакомая, — обрадовался Риня.

— Надо вывесить к Первомаю алое и голубое полотнища с крыши здания, — синхронно приказали Кисель-

кову декан с проформом Зулягиной.

Шура мгновенно и ярко представил, как скинет он полотнище вниз, а затем сам полетит следом за ним над бескрайними просторами университетского сквера типа Икара или бейс-джампера, только... Только жить-то еще хотелось. До окончания факультета — всего ничего!

Но и распоряжение ГенСеКа с Зулягиной исполнять надо.

— Пойдем, поможешь, — обратился Шура к своему однокласснику Андрюкову.

Больше-то всё равно рассчитывать было не на кого. Жихину что ли просить? Так она, сумасшедшая любительница экстрима, еще нарочно подтолкнет. К краю пропасти.

— Привяжи меня за пояс, чтоб не сыграл с крыши, — обреченно обратился к Боряшке Шуран.

— А прикинь, ты попробуешь?! — засветилась и тут же угасла в его душе надежда.

— У меня еще крыша не съехала с крыши съехать, — категорически воспротивился Андрюков.

— Вери-вери, проехали. Шучу, — сделал приветливую мину при плохой игре Шура.

Один конец веревки обмотали вокруг Киселькова, второй — прицепили к вентиляционной трубе.

— Ну ты, чемодан! Чемодило, одним словом, — скажет потом сотоварищу Шуран за такую вязку.

Прикрепили груз к нижнему концу полотнища, чтобы оно не улетело от ветра ввысь. Для этого использовали большую металлическую банку с окисью свинца (ну оч-ч-чень тяжелого металла!).

По сигналу Шуры всё столкнули вниз, как рыбаки сбрасывают тральные сети за борт сейнера. Со свистом вниз ушла банка, а за ней и привязанная лента ткани.

Полотнище потащило Киселькова за собой, да так, что страховочная веревка тут же слетела. Ладно, бортик спас. Кисельков в него со всего маху головой угодил. Два

кирпича снес. Торчит его голова, с крыши свешивается, а плечи в ребрики, к счастью, уперлись.

Внизу же алым символом Первояк накрыло свадебную процессию. Это пятикурсница Вермилина с женихом и родственниками стояли — фотографировались на ступеньках на фоне родного факультета. (К слову сказать, еле отмывшись после демарша Дулепистого, см. с. 240).

Кирпичи, выбитые Шурой, приземлились точно на мозг жениха Лику (справедливости ради отметим — он всему курсу не нравился).

Поочередно. Жених-то был признанным мастером. Но не на заводе. А по каратэ. Правильнее, каратэ-до. До... До этого случая. Там он такие кирпичи на соревнованиях десятками расколачивал. Лбом.

Там — он, а тут — ему. Совершенно другой результат! (сейчас лечится от тика обоих глаз в невралгии).

Сразу две шишки на башке выскочили. Злые языки уверяли — рога.

Зная Лику Вермилину, эта версия имеет право на существование.

Но сначала всё-таки упал груз. Точнее, банка с окисью свинца. На свидетеля. Тоже противного пацана. (Тому нынче волосы наращивают на остриженной макушке. Берут с мохнатой груди и ног. В одночасье лишился пышной шевелюры, которую отрачивал, аж, с восьмого класса).

Затем само полотнище — уже на родичей Лику. Запутались в нем, как ужи в банке. Или мумии... И только потом вентиляционная труба. Накрыла родителей жениха.

Они в настоящее время проходят реабилитационный курс лечения для людей, попавших в эпицентр торнадо, по немецкой методике.

Словом, всё было против этой свадьбы, и она не состоялась!

Жалко одно: Шуран расщедрился для Лику на ценную вещь. Вчера в магазине.

— Ну, начальник, сделай чайник, — обратился он к продавцу электротоваров. — Подарок молодоженам...

Всё зря. Изделие обратно не вернешь. Погибло вместе с надеждой жениха.

...Между тем Кисельков решился на повторный подвиг: оставалось еще голубое полотнище.

— Груз больше прицеплять к нему не станем, а вот ты, чемод (имелся в виду Андрюков), вяжи веревку за стальную трубу электропроводки, а не за всякое фуфло. Иначе в следующий раз я тебе самому путевку с крыши оформлю! — с этими словами Кисельков осторожно подполз полпластунски с краем полотнища к ребрику и начал аккуратно спускать его вниз.

И надо же было на втором этаже какой-то гирльзе открыть окно аудитории! И точно напротив полотнища!

Сквозняк, вызванный подобным действием, взметнул ткань ввысь, а следом, соответственно, и Шуру.

Развевается широкая голубая лента в небе, а снизу за нее зацепилась какая-то глиста. Вернее, изо всех сил держится щупленький парень, привязанный к тому же за одну ногу (Андрюков учудил, дерьмутант полосатый!) за телеантенну (это у него называется «прицепить за трубу электропроводки!»).

— Кто ж так полотнища вывешивает?! — рыдала белугой комендант корпуса. — Надо было сначала моток веревки вниз скинуть.

— Это ты китайских змеев с крыши химкорпуса запускал? — удрученно спросил проректор, имея в виду голубой стяг, который вся общественность города расценила как попытку легализации движения в защиту однополрой любви.

— Самый тихий факультет был в вузе, — горевали в администрации города. — И тут отчебучить такое!

А Шуран молился всем богам, что остался жив, сделав «страховочный трос». Всё-таки природная смекалка не подвела!

Митяй был мастер на извлечение денег любым способом. Особенно ему фартило зимой. Когда валил снег.

Он быстренько утрамбовывал его и поливал водичкой.

Получался каток. По качеству лучше, чем в соседнем дворце спорта.

Подъедет бывало какой-нибудь новырь на инюке и зарулит на каток. Всё! Обратно только с помощью Митяя за серьезные деньги. В эту ловушку многие попадались: и Квартет, и Саня Водник, и депутат Кремов. Последнего Митяй особенно любил. За щедрость. Выкидывал баксы прямо из окна в снег. После того, как дворник отбуксировывал его «Ламборджини» или «Мазератти» вместе со своим поделеньником Люлипупенко на твердую почву.

— Лучше надо убирать, — ворчал он.

— Так ведь погода, — разводил руками Митяй. — Один не справляюсь.

— Все бы щедрыми такими были, как нашдеп Рома, жили бы мы с тобой на Рублевке! — итожил Арнольд.

Дворник Митяй устремился куда-то с большой совковой лопатой наперевес.

— Где деньги дают? — деловито спросил Риня.

— Там, — махнул лопатой убегающий Митяй.

— Нам оставь маленько! — крикнул вдогон Вадик.

— Бери метлу, может, что и подберешь, — огрызнулся дворник.

— Хорошо работает! — похвалил Митяя Левик.

— В прошлом году наше ЖЭУ решило сэкономить — до закона об иммигрантах наняла вместо Митяя негра из Нигерии, студента мединститута — проигрался в дым в казино.

Внешне от Митяя почти не отличишь — у того лицо тоже черное после работы в бане. Зато артистизма не занимать.

Выходит как-то жена Малярчука в гастрик за очередной порцией еды для мужа, но, в основном, для Мони. А тут Джером Монго метлой машет. Как копьём на празднике дождя. Параллельно африканская братва на там-тамах лабает. Притопывая валенками. Готовятся, очевидно, к городскому КВНу. Наяривают с большим воодушевлением. Набедренные повязки и бусы из крокодильих зубов с ритуальными масками на дубленки и ушанки надеют. Вудуины, одним словом.

— Каких только дьяволов земля не носит, — запрочитала Мариша. — И всё от мужа — Малярчука. Он притягивает всякую нехристь.

Шуран после очередного спелеологического слета приходил домой и прямо в брезентовой робе погружался в ванную. Просто падал пластом и всё. Включал горячую воду, сыпал стиральный порошок вместе с «Фэри», «Калгоном» и средством для чистки санфаянса и так отмокал часа три-четыре.

Правда, канализация в результате «стирки» частенько была забита, и нижние жильцы жаловались на засорение. Но это издержки. Также как и то, что изо всех кранов в течение недели лилась одна глина — по закону о сообщающихся сосудах.

Люлипупенко устроился мойщиком колес в автосалон. Назывался он «Автомобили Баварии».

— Тю, так это ж двадцать километров от города, за аэропортом.

— Тебе на работу проще самолетом летать, — посоветовал Музын.

Шура с Андрюковым увидели проходящих мимо знакомых с геологического факультета в полной экипировке: теодолиты, буссоли, астролэбии, секстанты.

— Как жизнь полевая? — спросили у геологов друзья.

— Нормалек. Без излишеств: не больше двух ящиков на человека. Остаток места в вертолете загрузили геодезической аппаратурой. И кому она нужна в экспедиции? Так — для отчета. Но места лишнего много занимает.

В курсе? Наши на плоту весной сплавлиались.

— Ну и как? Экстрёмно?

— Я бы сказал стремнинно! Взяли по два литра на каждого члена экипажа. Перед выходом пригубили. После — вверх по таежной речке пошли через водопады, пороги, водовороты. А надо было вниз. Маршрут высшей степени сложности и не зачли. Потому что двигались против течения. А это серьезное нарушение правил.

— Директору оптовой фирмы позвонила главный бухгалтер. Секретарша, прежде чем соединить, зажала трубку рукой и стала советоваться с боссом:

— Главбух спрашивает проводку какую-то. Что сказать?

Директор удивленно вскинул брови:

— Надо же? Не думал! Профи!

И продолжил:

— Скажи: «Водка будет. В любых объемах. Лишь бы всё к утру закончила. И даже закуска».

Мансур, подгони главбуху партию «Немироффа».

Много было интересного в жизни Бодуненца...

В тринадцатилетнем возрасте его приняли в музшколу при училище в класс аккордеона.

Правда, Савелий не хотел учиться на аккордеоне, а хотел ходить в секцию бокса. Но у него был слабый нос, который периодически квасили в обычной школе и за который Саша Четверкин вместе Федотовым бескомпромиссно разбирались с обидчиками.

Ради справедливости надо сказать, что Савелий пытался поступать под давлением родителей и в другие более престижные музыкальные школы, но там его сочли крайне бесперспективным и констатировали отсутствие какого бы то ни было музыкального слуха. В школу же при училище брали всех, особенно, если имелся блат.

Первое музыкальное училище города располагалось в старинном купеческом особняке в центре улицы Малая Усольская.

Занятия вели студенты старших курсов.

Когда юный Савелий ждал очередного урока, он стоял в вестибюле и мысленно представлял каждого студента в качестве актера комедийного фильма: вот двойник Луи Де Фюнеса, вот — Юрия Никулина, вот — Евгения Леонова, вот — вылитая пани Моника из телевизионной юмористической передачи «Кабачок "13 стульев"».

Мысленно фантазируя, Бодуненц создавал свои мизансцены, гэги, кви про кво с участием студентов. Получалось круто.

И время текло незаметно, и настроение поднималось.

Как-то раз после занятий в обычной школе Бодуненц поплелся на очередной урок в училище. Свободных комнат для музицирования, как обычно, не было. Кто играл стоя, кто сидя на подоконнике, кто прямо в туалете или вестибюле. Даже из кладовой, в которую техничка складывала ведра и швабры слышалось скрипичное пиццикато.

Выпускник училища Алексей Мистряйкин, старший наставник Савелия, уже полчаса бегал по зданию в поисках незанятого кабинета. Наконец, в подвале он обнаружил маленький классик. Правда, на него уже претендовали другие преподаватели со своими воспитанниками.

В подвал вела длинная, узкая и крутая лестница.

Савелий и педагог стали осторожно спускаться по ступенькам. Тем более что в руках Алексея был новенький аккордеон.

— Пальцы береги, — напутствовал Мистряйкин Савелия. — Только переломов нам с тобой еще не хватало.

— А вы — голову. Вам еще диплом защищать, — отвечал в той же тональности ля бемоль Бодуненц.

— «Не сыпь мне соль на рану», — пропел-промурлыкал Мистряйкин, имея в виду ту самую ноту первой октавы.

В конце концов, дошли. В коридоре подвала была собрана всякая рухлядь: старые парты, столы, пюпитры, сломанные духовые инструменты.

Там также толкались еще и другие студенты и студентки-педагоги со своими питомцами. Здесь же был и замдиректора школы по классу баяна Демьян Купоросович и сама директор училища Фаина Венедиктовна. Все шукали свободные площади для занятий.

— Мы заангажировали этот класс еще вчера, — заупорствовал Алексей Мистряйкин.

— Знаем, знаем. И ничего не имеем против, — сухо отреагировала директор училища.

— Репетируйте, раз повезло, — горестно вздохнул Демьян Купоросович.

Вот и заветная дверь направо. Осталось сделать буквально пять шагов.

И тут!.. Как по мановению волшебной палочки или злого рока, свет внезапно отключился.

Темнота кромешная. Будто в пещере Али-Бабы.

Сначала была тишина. Потом раздался дикий визг учащихся. А представляете, какая в старинных подвалах акустика: куда там Миланскому театру Ла Скала!

Мистряйкин затянул на аккордеоне «Варяга», чтобы остановить поток фальши из уст юных дарований и сориентировать всех в пространстве. Бодуненц направился в его сторону, растопылив руки. Мелкими шажками. И тут же схлопотал в нос — припечатался к колонне. Отошел назад и обрушил трехэтажное нагромождение парт.

Со всех сторон мощным тутти послышались стоны

раненых. Открыл рот успокоить публику — и тут же в нем оказался чей-то оттопыренный палец. Сработал инстинкт самосохранения — сжал челюсти. Палец с истошным воплем выскочил обратно, оставив на языке Бодуенца перстень.

И так было темно, хоть очи выколи. В прямом и в переносном смысле: чьи-то растопыренные пакли заехали Савелию в глаза. Из них вылетели искры, на секунду озарив всё вокруг, а затем ручьем покатались слезы. Стукнул портфелем в темноту. Попал в воздух. Мимо.

Лучше не двигаться, а присесть на корточки. Присел. Наступили ногами на голову. Похоже, острыми каблуками. Прикрыл ее руками. Кто-то прыгнул на спину — килограммов в двести. Растянулся на полу. Прошло стадо «слонов». С топотом. Нет, это не дело! Снова бросился в темноту. Провалился в какую-то дыру. Начал лупить руками и ногами во все стороны. Что-то задел, что-то нет...

Минут через пятнадцать свет включили. Точнее, включил Алексей Мистряйкин, пробравшись каким-то чудом из подвала наверх.

Глазам предстала жуткая картина: среди парт вперемишку со списанными инструментами торчали ноги, руки, головы учащихся и преподавателей. Сам Савелий стоял одной ногой в порванных мехах элитного аккордеона — гордости музучилища, подарка от мэрии французского города Тулон.

Демьян Купоровович застрял в арфе, вернее, голова застряла между струн. Кроме того, оказалось, он присел прямо на стоящий вертикально острым мундштуком вверх кларнет. Вместо стула (вынули потом с большим трудом хирурги второй медсанчасти, в операции участвовал молодой ассистент Лева Смолянский).

Фаина Венедиктовна, директор, сидела полулежа в большом барабане с порванной кожей и держала вытянутой вверх руку с указательным пальцем, на котором явственно красовались отпечатки чьих-то зубов. Шиньон у

нее был распущен, платье с блестками порвано в трех местах. Другой рукой она держала медную тарелку, которой растирала укушенную кем-то щеку. А нос ее был зажат между пальцами того же Бодуненца (Савелий в темноте подумал, что это выключатель и пытался повернуть его на 180°. Это ему почти удалось, только свет так и не включился).

Позже выяснилось, что фамильный перстень с сапфиром, который оказался во рту Савелия, тоже ее. Правда, Бодуненц, когда включили свет, от неожиданности проглотил его. Но сознался сразу. Поэтому ему простили порчу имущества в особо крупных размерах (раритетный аккордеон). Однако ждали примерно неделю, пока перстень выйдет самостоятельно наружу (от операции Бодуненц наотрез отказался). Усиленно кормили отрубями вкупе со слабительным — для ускорения процесса. Каждый день водили на рентген. Для идентификации. Попросту, жил под домашним арестом прямо у директора в квартире.

Фаине Венедиктовне вправили-таки нос, скрученный Бодуненцом. Ничего так получилось, а то ходи ноздрями вверх! И дождь заливает, и пыль глотаешь беспрестанно.

— В следующий класс мы тебя всё равно не переведем, а на второй год тоже вряд ли оставим — попытка военного переворота в музучилище налицо, — разоткровенничался Демьян Купоросович.

Все почему-то решили, что авария со светом — это дело рук Бодуненца. Происки мирового империализма. Задание нейтрализовать элиту музыкальной жизни города.

— Шут с вами, займись математикой, — решил для себя Савелий. И, сказав так, преуспел в этом направлении.

14³⁵

Еще утром директор рекламного агентства «Веселый промоутер Роджер» Макс Дерябкин собрал всех. Озаботился не на шутку:

— Рекламный бюджет и так никакой (а и себе кое-что надо наскрести на джип с Канарами). Где найти статистов, я уж не говорю о дешевых актерах второго эшелона?

— Думаем, други, все думаем!

И тут Оксану осенило:

— У нас во дворе постоянно какая-то шобла трется. Целый день на детской площадке квасят. Поди, и бывшие артисты есть.

— Эврика! Вот это фарт! Живо берите камеру и ветром во двор.

Рекламная команда подтраулерила к песочнице.

— Будем снимать рекламу доктора Рыченко о лечении алкоголизма и прерывании запоев.

— Вот ты будешь...

— А-а-а?

— Всем по бутылке водки за участие.

— Другой колер!

— Вот этому, как тебя?

— Музян. Мошот Скриншотович.

— Скриншотович? Круто! Вот этому Скриншоту Музянычу приделать лысину. Нет, лучше сбрить. Наголо. Волосы на макушке. Остальные всключить. И... Приклеить небритость — десятидневную щетину. Дайте ему рваный пиджак. Твои слова: «До лечения по методу Рыченко...»

— Нужно алкашиху! Совсем забыл! — хлопнул себя рукой по лбу Макс.

— Где типаж? Где типаж? Ексель-моксель. Засада!

В это время Бодуненц входит во двор с мыслью «Оксана, Оксана», с содроганием предвкушая на обед вчерашнюю гороховую кашу с постным маслом. Без носков.

Видимо данный факт сразил молодого режиссера на вылет. Вид белых щиколоток ассоциировался с...

Шадрин О. А.

Ш16

Деды в индиго: Роман.-Пермь.:
Изд-во РИЦ “ИнфоЭМ”, 2008.-352 с.
(До IQ-ментальный триллер).
ISBN 978-5-9901668-1-3

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-7
ISBN 978-5-91252-003-7

